

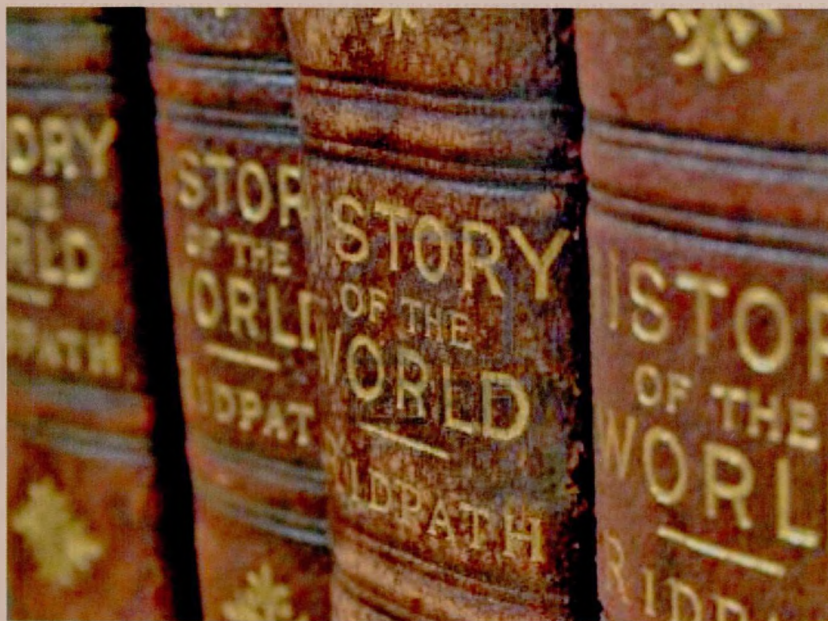
K1522456

ec

**МАТЕРИАЛЫ
IV ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
«НЕКРАСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

**(памяти доктора исторических наук,
профессора Ю.К. Некрасова)**

5–6 декабря 2019 года

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОЛОГОДСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

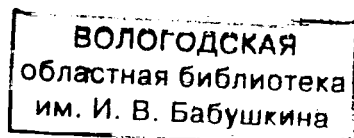
**МАТЕРИАЛЫ
IV ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«НЕКРАСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

*памяти доктора исторических наук,
профессора Юрия Клавдиевича Некрасова
(1935–2006)*

5–6 декабря 2019 года

к 1522456

ВОЛОГДА
2020

1 Кр + 16001

УДК 93/94(063)

ББК 63.3я431

М34

63.3(а)

Утверждено экспертным советом по научной работе

Н 48

Редколлегия:

доктор исторических наук, профессор В. А. Саблин (гл. редактор),
доктор исторических наук, профессор С. Г. Кашенко,
доктор исторических наук, профессор М. С. Черкасова,
кандидат исторических наук, старший преподаватель Ю. Э. Арискина,
кандидат исторических наук, доцент А. В. Бодров,
кандидат исторических наук, доцент Ю. С. Егорова,
кандидат исторических наук, доцент В. С. Жукова,
кандидат исторических наук, доцент О. В. Ильина,
кандидат исторических наук, доцент И. Д. Попов,
старший преподаватель А.В. Савина,
С. А. Лебедев

Рецензент

доктор исторических наук, доцент А. Л. Кузьминых

Материалы IV Всероссийской научной конференции «Некрасовские чтения» памяти доктора исторических наук, профессора Юрия Клавдиевича Некрасова (1935–2006), 5–6 декабря 2019 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вологодский государственный университет ; Вологодское региональное отделение Российского исторического общества ; [главный редактор В. А. Саблин]. – Вологда : ВоГУ, 2020. – 267 с. : ил.

ISBN 978-5-87851-895-6

В сборнике опубликованы доклады авторов, принимавших участие в IV Всероссийской научной конференции «Некрасовские чтения» памяти доктора исторических наук, профессора Юрия Клавдиевича Некрасова (1935–2006), прошедшей в Вологде 5–6 декабря 2019 года. Тематика представленных материалов отражает актуальные проблемы всеобщей и отечественной истории, экономики, международных отношений, отдельных исторических дисциплин.

Материалы предназначены научным работникам, преподавателям вузов, студентам и всем интересующимся основными тенденциями исторического процесса.

УДК 93/94(063)

ББК 63.3я431

ISBN 978-5-87851-895-6

© ФГБОУ ВО «Вологодский
государственный университет», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Саблин В. А.</i> Вологодские проблемные объединения в 1960–1980-е как форма организации научных исследований.....	7
<i>Кащенко С. Г.</i> О некоторых особенностях реализации крестьянской реформы 1861 г. в Московской и Санкт-Петербургской губерниях.....	16
<i>Киселева О. А.</i> Женевский арбитраж (1872) и развитие международного права.....	21

СЕКЦИЯ № 1. ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО В РЕТРОСПЕКТИВЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ

<i>Адаменко О. Н.</i> Пространственное расположение хозяйственных комплексов монастырей Вологодского и Белозерского уездов в XVII веке.....	26
<i>Черкасова М. С.</i> Поручные и порядные записи как источник по торговым людям Вологды и Устюга XVII – начала XVIII в.	33
<i>Смелова Е. В.</i> Экономический потенциал азиатской части России в оценках американских современников (конец XIX – начало XX в.)	38
<i>Шипицын Д. В.</i> Критика «Нового курса» Франклина Д. Рузвельта с позиции австрийской экономической школы	42
<i>Изюмова Л. В.</i> Трудовые ресурсы колхозов Европейского Севера России в годы Великой Отечественной войны.....	46
<i>Тулина Т. М.</i> Использование корреляционного анализа при разработке стратегии увеличения доли «традиционного» среднего класса в регионе.....	50
<i>Крюков И. А.</i> Развитие туризма в Вологодской области.....	55
<i>Борисова И. В., Ступина М. В.</i> Проблемы и перспективы трудоустройства выпускников Вологодского государственного университета	58
<i>Трудов В. Ю.</i> Анализ конкурентных преимуществ Вологодской области в развитии промышленности	62
<i>Королева Е. Н. Косарева М. И.</i> Особенности «умных» технологий в региональном управлении	66

СЕКЦИЯ № 2. ГОСУДАРСТВО, ЦЕРКОВЬ, ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ И ВЗАМОДЕЙСТВИЕ

<i>Спирина Т. Ю.</i> «Парад суверенитетов» в Священной Римской империи в середине XIV в. «Privilegium maius» Рудольфа IV Габсбурга против «Золотой буллы» Карла IV Люксембурга	69
<i>Ерохин В. Н.</i> Лодианство и его роль в истории Церкви Англии	73
<i>Шейна А. Д.</i> Радикальные организации в Великобритании в период Французской революции (1789–1793 гг.)	76
<i>Арискина Ю. Э.</i> Негласный комитет: просопографическое исследование	81
<i>Ковалёва Н. Н.</i> Региональные аспекты национальной политики России в западном регионе Беларуси на рубеже XIX–XX вв.	88
<i>Сычев Н. Ф.</i> Третьеиюньский переворот и перспективы «обновленного строя» в освещении русских политических журналов и газет либерального направления (июнь – ноябрь 1907 г.)	92
<i>Сакович В. А.</i> Немецкие университеты в годы национал-социализма: образовательный процесс и научная деятельность	96
<i>Карнов С. Г.</i> Взаимодействие милиции и общественности Вологодской области в охране правопорядка в 1970–1980-е гг.	100
<i>Сурма А. А.</i> Деятельность британских консерваторов в период внутрипартийного кризиса (1997–2005 гг.)	104

СЕКЦИЯ № 3. ИСТОРИК, ИСТОЧНИК, ИСТОРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ

<i>Богданова А. А.</i> Издания средневековых текстов Imtrama V. Стоуксом как постановка теоретических вопросов о жанре	108
<i>Погодина В. В.</i> Дж. Уинстенли о законах «истинной» республики	113
<i>Тихомиров Н. В.</i> Проблема создания централизованного русского государства в советской историографии конца 1930-х – начала 1950-х гг.	117
<i>Трофимова О. В.</i> «Wspomnienia z podróży do Syberji, pobytu w Berezowie...; spisane przez Ewe Felińskę» («Воспоминания о путешествии в Сибирь, пребывании в Березове...», записанные Эвой Фелиньской) 1839 г. как исторический источник	123
<i>Попов И. Д.</i> Оценки веймарского федерализма в постсоветской историографии	127

<i>Перебинос Ю. А.</i> Материалы региональных архивов по изучению служебного и домашнего быта ответственных работников партийно-советского аппарата Европейского Севера России в 1930-е гг.	131
<i>Ильина О. В.</i> Источники по изучению миграции населения СССР в 1930–1950-е гг.	135

СЕКЦИЯ № 4. ДИПЛОМАТИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

<i>Циватый В. Г.</i> Переговоры как политико-дипломатический инструмент европейской дипломатии раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.): концепт Г. Бонно де Мабли	140
<i>Ялугина Е. Е.</i> Противодействие антифранцузских коалиций экспансионистской политике Людовика XIV	144
<i>Бердникова А. В.</i> Роль первых лиц Германской империи в разведывательной деятельности в 1871–1918 гг.	148
<i>Бодров А. В.</i> Проблемы воплощения Францией концепции «санитарного кордона» вокруг Советской России	152
<i>Скотников Ф. А.</i> Теория и практика революции на Балканах на примере политики Коминтерна и ЦК РКП(б) по отношению к Королевству СХС в 1921–1923 гг.	156
<i>Райкова В. А.</i> Визит Л. Валенсы в США и его значение для международных отношений на завершающем этапе холодной войны	161
<i>Тропина О. В.</i> Политика ЮНЕСКО в сфере защиты журналистской деятельности	165
<i>Борисова К. А.</i> К вопросу о роли НАТО в развитии пост-биполярного мирового порядка	169
<i>Якуничева А. А.</i> Российская политика XXI в. в отражении американского мультиматографа.....	174
<i>Новикова М. О.</i> История идеи политической «пан-Европы»	177

СЕКЦИЯ № 5. ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ОТ КОММУНИКАЦИИ ДО КОММЕМОРАЦИИ

<i>Кирчанов М. В.</i> Образы Оливера Кромвеля в культурной памяти и «высокой культуре» англичан XVII века	181
<i>Коновалов В. А.</i> Последняя испанская исследовательская экспедиция в Калифорнии в 1821 г.	185
<i>Мокиевский С. Ю.</i> Американская пенитенциарная система середины XIX века в восприятии европейцев	189

<i>Савина А. В.</i> Буры и кальвинизм: рецензия богослова А.Д. Беляева на диссертацию историка Р.Ю. Виппера	193
<i>Шахматова А. В.</i> Октябрьская революция 1917 года в восприятии власти и общества Великобритании.....	198
<i>Фельдт А. Е.</i> «Эти русские»: срез советского общества конца 1920-х гг. в очерках американского историка Уильяма Уайта.....	201
<i>Руцинская И. И.</i> Визуальные репрезентации Сталина 1940–1950-х гг. в контексте традиций русского военного портрета.....	205
<i>Червяков Р. Ю.</i> «Маоизм – в кильватере у НАТО»: образ КНР в советской политической карикатуре 1977–1985 гг.	209
<i>Зюмова В. Ю.</i> Первые «докторессы» викторианской Англии в современной культурно-исторической памяти (по материалам сайтов Twitter и Find A Grave)	213
<i>Егорова Ю. С., Полищук И. М.</i> Американский период в истории Аляски в отражении калифорнийской прессы 70-х гг. XIX в.	217
<i>Егорская Я. В.</i> Евгений Родионов как собирательный образ солдата Чеченской войны: особенности почитания.....	221

СЕКЦИЯ № 6. ЧЕЛОВЕК В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>Сидоренкова А. В.</i> К вопросу об эволюции характера революционного праздника во Франции в конце XVIII века.....	225
<i>Прожорин Е. Л.</i> Травелог и путевая повседневность: опыт реконструкции «жизненного мира» британского путешественника в России середины XIX в.	229
<i>Карпенко Е. А.</i> Дневник провинциального чиновника Е.П. Клевакина в пермский период службы (1875 г.)	234
<i>Кирилова Т. М.</i> Зубоврачебная практика в Архангельске и Вологде в конце XIX – начале XX в.	240
<i>Гребенкин А. Н.</i> Религия в повседневной жизни воспитанников военно-учебных заведений Российской империи	244
<i>Полоцкая О. В.</i> К.И. Замяткин: купец, управленец, благотворитель	248
<i>Жукова В. С.</i> Дневники как источник о повседневной жизни крестьян Европейского Севера России 1920–1930-х годов.....	252
<i>Кушнерева К. В.</i> Читательский интерес к повести В.И. Белова «Привычное дело» (по материалам писем к писателю)	257
<i>Цэрруш И. Н.</i> Музеефикация наследия Дворца культуры имени С.М. Кирова	260
<i>Психомасова А. Р.</i> Судьба лидеров баксанского просветительского центра	264

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 378 (470.12)

ВОЛОГОДСКИЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В 1960–1980-е КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Саблин Василий Анатольевич

Заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики,

доктор исторических наук, доцент

Вологодский государственный университет

Вологда, Россия

Sablin@inbox.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка осветить деятельность научных центров и проблемных объединений по отечественной и германской истории и проблемам литературы в Вологодском государственном педагогическом институте в 1960–1980-е годы. Дается оценка организационным усилиям центров по координации научных исследований. Показана роль руководителей в создании общероссийских научно-исследовательских площадок и трансляции полученного опыта в научной среде.

Ключевые слова: «оттепель»; история; археография; архивы; симпозиум; антифашистский контекст; литературоведение; реализм.

VOLOGDA PROBLEM ASSOCIATIONS IN THE 1960–1980S AS A FORM OF ORGANIZATION OF SCIENTIFIC RESEARCHES

Sablin Vasily Anatolevich

Head of the Department of World History and World Politics,

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Vologda State University

Vologda, Russia

Sablin@inbox.ru

Abstract. The article attempts to illuminate the activities of scientific centers and problem associations in Russian and German history and problems of litera-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Сельское хозяйство в контексте модернизации Европейского Севера России в 1920–1930-е годы», осуществляемого при поддержке РФФИ (20-09-00238 а).

ture at the Vologda State Pedagogical Institute in the 1960–1980s. The organizational efforts of the centers for the coordination of scientific research are evaluated. The role of leaders in the creation of all-Russian research sites and the translation of the experience gained in the scientific community is shown.

Keywords: «ottepel'»; history; archeography; archives; symposium; anti-fascist context; literary criticism; realism.

При анализе основных этапов развития науки в нашей стране следует обратить особое внимание на середину 1960-х годов, представляющих собой начало особого этапа в развитии научных исследований в СССР. Страна к тому времени окончательно оправилась от послевоенной разрухи и вышла на новые экономические рубежи, более высокие, чем до войны, что давало дополнительные финансовые средства, которые можно было вложить в развитие науки.

На этом фоне «оттепель» общественно-политической жизни страны, последовавшая за XX съездом КПСС и опубликованным вскоре постановлением ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», не могла не оказывать влияния на институциональные основы гуманитарной науки. Это выразилось в отказе от догматизма в методологии и теории науки и восстановлении творческих дискуссий как главного средства решения спорных научных вопросов. Одновременно становятся доступнее архивные фонды, расширяется документальная база исторических исследований за счет публикации новых источников. Научные журналы, и в первую очередь журнал «Вопросы истории», наиболее активно выступают за новаторские подходы в гуманитарной науке [1, с. 269–301].

Определенные изменения произошли в структуре науки. Организационными центрами научных исследований стали научные советы по крупным проблемам при АН СССР [2]. В частности, в исторической науке наиболее значимыми стали научные советы по проблемам социально-экономических формаций, закономерностям и особенностям развития России в период империализма, «Великой Октябрьской социалистической революции», внешней политики СССР и международных отношений, международного рабочего и национально-освободительного движения, историографии. Возникли научные советы по славяноведению, востоковедению, в 1958 г. начал свою работу Симпозиум по аграрной истории стран Восточной Европы.

На Европейском Севере наряду с академическими подразделениями Петрозаводска и Сыктывкара организационными центрами научного поиска в исторической и гуманитарной сферах становятся кафедры историко-филологического факультета Вологодского государственного педагогического института. На их базе оформляются несколько научных объединений,

связанных с изучением проблем аграрной истории Европейского Севера РСФСР, германской истории и проблем реализма в литературном творчестве. Все они со временем приобретут характер общероссийских объединений. Организаторами этих объединений станут ученые, прошедшие Великую Отечественную войну: Александр Соломонович Бланк, Виктор Васильевич Гура, Петр Андреевич Колесников. В преддверии 75-летия Великой Победы стоит отдать должное их боевому и научному подвигу.

Объединение по аграрной истории Европейского Севера РСФСР возглавил доктор исторических наук, профессор П.А. Колесников. Определенность и четкую форму научный коллектив получил в 1967 г., когда решением Комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства при Институте истории СССР АН СССР было создано Проблемное объединение по аграрной истории Европейского Севера СССР и включено на общественных началах в структуру Комиссии. Учредителями объединения являлись Вологодский, Кировский, Архангельский педагогические институты, Петрозаводский университет, Коми филиал АН СССР и Вологодский молочный институт. Во главе объединения стоял Совет, председателем которого был П.А. Колесников. Функции Совета заключались в организации работы ученых, работников архивов, специалистов сельского хозяйства, учителей и краеведов.

Первые шаги объединения были направлены на выявление новых источников, сведения их в комплексы, обеспечивавшие репрезентативность и достоверность выводов и обобщений. На втором этапе возникла необходимость в обобщении накопленного и обработанного материала. В 1976 г. было принято решение об издания 4-томной «Истории северного крестьянства» [3, с. 40].

Успеху деятельности Проблемного объединения способствовало образование Северного отделения Археографической комиссии АН СССР с центром в городе Вологде. Решение было принято в декабре 1968 г. на Всероссийской конференции по историографии и источниковедению Европейского Севера СССР. 11 марта 1969 г. решение было утверждено Бюро отделения истории АН СССР. Отделение первоначально входило в состав Проблемного объединения. Возглавил его также профессор П.А. Колесников. Северное отделение стало активно действующим научным центром с постоянным составом участников, а Проблемное объединение осуществляло координацию научно-исследовательских работ по истории Северного края. В 1972 г. отделением был подготовлен и проведен в Вологде Межреспубликанский симпозиум по аграрной истории Восточной Европы. В феврале 1976 г. состоялась представительная конференция, обсудившая теоретические проблемы археографии, источниковедения и историографии отечественной истории и истории Европейского Севера.

Наряду с совещаниями и конференциями эти организации занимались научно-издательской деятельностью. Ученые-историки ВГПИ работали с

писцовыми и переписными книгами, летописями, актовыми книгами, подворными описями, камеральными описаниями городских и обывательских книг, военно-конских переписей, приговоров и прошений крестьян, владенных записей. Источники выявлялись в собраниях Государственного исторического музея, Центрального государственного исторического архива СССР, в архивах Ленинградского отделения института истории СССР АН СССР и особенно в Государственном архиве Вологодской области и других архивах. Статьи публиковались в сборниках, выпускаемых Проблемным объединением: «Вопросы аграрной истории Европейского Севера», «Ежегодник по аграрной истории Европейского Севера», «Аграрная история Европейского Севера». Северным отделением было выпущено 9 Археографических сборников, содержащих свыше 200 работ (статей, источноковедческих обзоров, хроник, публикаций, документов, информации о северных архивах и музеях). Широкий общественный резонанс получили сборники «Письма с фронта», «Письма с фронта и на фронт». В них были опубликованы письма участников войны. Было собрано около 3000 писем. Книги явились результатом деятельности студенческой группы «Поиск».

В 1981 г. Северное отделение совместно с Проблемным объединением по аграрной истории провело годовое собрание по теме «Вклад северного крестьянства в развитие материальной и духовной культуры». На нем были представлены новые источники по истории культуры, определены задачи по их изысканию и особенности их анализа, подчеркнута необходимость освещения истории духовной культуры в тесной связи с культурой материальной. В июне 1983 г. в Вологде состоялось Научное совещание по проблемам охраны и использования документальных памятников. Профессор П.А. Колесников опубликовал в эти годы монографии – «Северная Русь» в 2-х книгах, «Северная деревня в XV – первой половине XIX веков». Под его редакцией в 1985 г. вышли в свет первые тома «Истории северного крестьянства».

Одним из направлений работы северного отделения Археографической комиссии являлось проведение археографических экспедиций по районам Вологодской области. Эта работа проводилась под руководством ученого секретаря (позднее – заместителя председателя Отделения), доцента кафедры истории СССР, кандидата исторических наук Ю.С. Васильева. Первая экспедиция была организована в 1974–1975 гг. Обстоятельному археографическому обследованию подверглись Верховажский, Кирилловский и Тарногский районы. Были выявлены и приобретены рукописные и старопечатные сборники и ряд документов XVI–XVIII вв. Все они были переданы на хранение в Вологодский областной краеведческий музей.

Одновременно выходили в свет брошюры, учебные пособия для учителей школ и студентов исторического факультета, книга «Край наш Вологодский», рассказывавшая об истории городов и районных центров области.

Деятельность Северного отделения была продолжена и в последующие годы и являлась столь же плодотворной [4, с. 19–30].

По инициативе профессора А.С. Бланка, заведующего кафедрой всеобщей истории ВГПИ в начале 1970-х гг., было создано Проблемное объединение по германской истории. Активное участие в нем принимали преподаватели кафедры всеобщей истории А.Е. Дмитриев, Н.В. Котельникова, Ю.К. Некрасов, В.И. Савицкая, Б.В. Петелин, В.А. Талашова, А.Ф. Чуянов. В середине октября 1971 г. в Вологде прошел первый республиканский научный симпозиум «Проблемы германской истории», на котором было заслушано более 50 докладов и сообщений, посвященных «актуальным в научном и политическом отношении темам германской истории». Материалы симпозиума были опубликованы в 1973 г. [5].

Был создан Совет проблемного объединения. Его председателем стал А.С. Бланк. В созданный Совет вошли доктора исторических наук Г.Н. Горшкова, Я.С. Драбкин, В.Е. Майер, В.А. Козюченко, Ю.Л. Бессмертный, К.Д. Петряев; кандидаты исторических наук И.Я. Биск, А.И. Борозняк и др. За время существования объединения было проведено 4 симпозиума.

Профессор Череповецкого государственного университета Б.В. Петелин, как подчеркивалось выше, работавший ранее на кафедре всеобщей истории ВГПУ, отмечает те трудности, с которыми столкнулось объединение с первых шагов своей деятельности. В частности, он ссылается на не опубликованные воспоминания А.С. Бланка, хранящиеся в его личном архиве: «Но уже в этом году [1971] я стал ощущать растущее противодействие своим начинаниям. Они шли из обкома. Аргументы были не новые: говорилось, что заниматься историей фашизма дело не наше, не для Вологды это, отвлекает научные силы от первоочередных проблем, например, от истории Вологодского молочного животноводства... “Если это нужно Бланку, – кричал на одном из заседаний зав. отделом науки и вузов Махин, – то пусть он один этим и занимается!”» [6].

Несмотря на противодействие властей, в мае 1973 г. было намечено провести второй симпозиум. Когда все уже было готово, отпечатана и разослана программа, поступила команда из союзного Министерства просвещения – симпозиум отменить. Наверху опасались: вологодский симпозиум по времени совпадал с официальным визитом Л.И. Брежнева в ФРГ (18–22 мая 1973 г.), поэтому «дело это рискованное, могут там, в Вологде, наумудрить...». Как вспоминал А. Бланк, остановить созыв симпозиума было уже трудно: приглашено было более 70 человек, люди уже ехали в Вологду, ожидался приезд группы ученых-историков из Академии наук СССР. В срочном порядке пришлось перепечатать программу: ректор института Хохолков, значившийся как «председатель Оргкомитета», снял свою фамилию. Вместо него председателем значился Бланк: в случае чего, отвечать пришлось бы ему [6].

12–14 мая 1983 г. на базе кафедры всеобщей истории ВГПИ прошло пятое республиканское научное координационное совещание на тему «Прогрессивные революционные, демократические, антифашистские традиции в германской истории». Организаторами совещания были Министерство просвещения РСФСР, Вологодский пединститут и Вологодская областная организация общества «Знание». Совещание было приурочено к юбилейным датам: 165-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти К. Маркса, 40-летию побед советского народа в решающих битвах Великой Отечественной войны.

На совещании собралось более 100 историков из 37 городов страны. Широко был представлен Институт всеобщей истории АН СССР. На совещании присутствовал представитель Министерства просвещения РСФСР. В работе совещания приняли участие, кроме германистов, работающих в педвузах РСФСР, германисты из 12 университетов страны, ученые из Белоруссии, Украины и Узбекистана. Общей проблематикой всех выступлений стало осмысление «прогрессивных, революционных, демократических, антифашистских традиции в германской истории» [7, с. 1].

За годы своей деятельности Объединение выпустило несколько сборников: «Проблемы германской истории», Вологда, 1971; «Германское рабочее и демократическое движение в новейшее время», Вологда, 1976, 1977, 1976 и др.

Сам А. С. Бланк написал более 100 работ, изданных в СССР, ГДР, ФРГ, Австрии, Болгарии, Чехословакии и других странах. В центре его внимания находились различные аспекты истории фашизма и неонацизма: историография германского фашизма, зарождение и становление нацистской партии, идеология национал-социализма, проблемы антифашистского Сопротивления. К числу наиболее известных его трудов относятся: «КПП в борьбе против фашистской диктатуры» (1964 г.), «Наша цель – свободная Германия» (1969 г.), «В сердце третьего рейха» (1974 г.), «Адвокаты фашизма (легенды и мифы реакционной буржуазной историографии о германском фашизме)» (1974 г.), «Из истории раннего фашизма» (1978 г.), «“Красная капелла” против Гитлера» (1980 г.), «Старый и новый фашизм» (1982 г.).

О книгах А. С. Бланка, посвященных антифашистской борьбе компартии Германии, высоко отзывались видные деятели немецкого и международного рабочего движения Вальтер Ульбрихт и Макс Рейман [8, с. 34–36].

Со смертью А. С. Бланка в 1985 г. деятельность Проблемного объединения стала сворачиваться, положив начало формированию других центров германистики в России: в Воронеже, в Иваново, в Кемерово, в Липецке в Томске, Череповце и Ярославле.

На кафедре всеобщей истории ВГПИ продолжали разрабатываться в трудах заведующего кафедрой проблемы средневековой Германии (с 1978 г.

по 2006 г.) д-ра ист. наук Ю.К. Некрасова (с 1985 г. профессора) специалиста по медиевистике, автора работ по Реформации и Крестьянской войне в немецких землях, – Некрасов Ю.К. Реформация и Крестьянская война в германских землях XVI в. как раннебуржуазная революция (историография, причины и предпосылки революции). Учебное пособие. – Вологда, 1984; Его же. Реформа или революция? Реформация и Крестьянская война в германских землях XVI века. – Вологда. 1998. и его учеников доцентов А.Ф. Чуянова, А.А. Микешина, М.В. Васильевой, – Германская история эпохи Реформации: исследования и документы. Вологда, 1993; Проблемы эволюции общественного строя и международных отношений в истории западноевропейской цивилизации. Сборник научных трудов. – Вологда, 1997 и др.

По инициативе заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы ВГПИ доктора филологических наук профессора В.В. Гуры в 1965 г. было создано межвузовское научное проблемное объединение по изучению реализма в русской советской литературе в соотношении с мировым литературным процессом [9, с. 99].

Цель объединения – разработка теоретических и конкретно-литературных аспектов становления и особенностей развития русского реализма во взаимодействии с другими творческими методами, а также типологических принципов реализма, его жанровых разновидностей, разбор идейно-художественной структуры реалистического произведения. В 1966 г. увидел свет сборник статей «Проблемы реализма», в 1970 и 1971 гг. были опубликованы тематические сборники «Метод и мастерство».

К началу 1980-х гг. объединение провело три всесоюзных конференции литературоведов, игравших роль координационных совещаний по вопросам изучения и преподавания литературы, и Чтения по истории культуры и литературы Древней Руси. К примеру, II межвузовская конференция «Проблемы реализма в русской и зарубежной литературе (Метод и мастерство)» собрала 21–24 мая 1969 г. в Вологде свыше ста докладчиков. На конференции работали секции: по фольклору, древнерусской литературе и русской литературе XVIII века; по литературе XIX века: по русской литературе XX века; по советской литературе; английской и американской литературам; французской литературе; немецкой, швейцарской и чешской литературам [10, с. 247–249]. III межвузовская конференция литературоведов, которая одновременно являлась третьим координационным совещанием преподавателей литературы пединститутов РСФСР, прошла в Вологде в мае 1976 г. Конференция объединила около 300 участников из 62 городов России. Прибыли гости из Украины, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Прибалтийских республик. На конференции работало 11 секций, и было заслушано 270 докладов.

Как отмечали участники конференции: «Острая научная проблематика и возможность ее широкого обсуждения; обаяние края и радушие хозяев;

растущий авторитет «вологодской» прозы и необычайный размах, который чувствуется на вологодских встречах ученых во всем – и в постановке проблем, и в «географии» докладчиков, съезжающихся со всего Советского Союза, – все это рождает в душе человека, которому довелось хотя бы однажды стать участником этих своеобразных научных съездов, желание вновь испытать то состояние душевного подъема, которое неизбежно возникает в Вологде».

Примечательно, что в конференции принял участие писатель В. Астафьев, который говорил о реальной жизни, послужившей творческим импульсом к созданию цикла «Последний поклон» и повести «Пастух и пастушка» [11, с. 302–308].

С 1975 г. по 1980 год под редакцией В.В. Гуры было издано 7 сборников статей межвузовского уровня «Проблемы реализма» в которых выявлялись типологические принципы, жанровые разновидности, качественные особенности реализма как творческого метода, обретаемые им в XX веке. Предшествующие сборники реферировались в «Реферативном журнале» и получили высокую оценку в центральной печати [12, с. 191–192].

В 1982 г. увидел свет сборник научных статей «Жанрово-композиционное своеобразие реалистического повествования».

Серийное издание «Проблем реализма» по сути своей являлось новаторским приемом обобщения работы литературоведческих кафедр педагогических институтов РСФСР и решало важную литературоведческую задачу – изучение философско-эстетических концепций и особенностей их воплощения в конкретных художественных явлениях на разных этапах развития реализма. Кроме того, оно транслировало опыт осмысления принципов типологии и особенностей преломления этого метода в системе конфликтов и характеров, разработанных в наиболее значительных произведениях советской классики: концепция нового человека и принципы раскрытия внутреннего мира героя, индивидуальное своеобразие искусства психологического анализа, особенности эстетического идеала как стилеобразующего фактора, время и формы его выражения в повествовании, роль повествователя в структуре художественного произведения, характер взаимодействия эпического и трагического, интонация и ее роль в идейно-художественной индивидуализации, опыт решения гуманистической концепции в современном мировом искусстве и др. [13, с. 165–167].

В конечном итоге научные проблемные объединения при Вологодском педагогическом институте 1960-х – начала 1980-х годов оставили заметный след в научной жизни Европейского Севера и страны в целом, послужив примером плодотворного сотрудничества ученых и преподавателей в контексте передачи опыта научной деятельности студентам и развития прикладных исследований.

Литература

1. *Алексеева, Г. Д.* Некоторые вопросы развития исторической науки в 60–80-е годы / Г. Д. Алексеева // Историческая наука России в XX веке. – Москва : Скрипторий, 1997. – С. 269–301.
2. *Сидорова, Л. А.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков / Л. А. Сидорова. – Москва : Институт Российской истории РАН, 2008. – 294 с.
3. *Саблин, В. А.* Развитие исторической науки в ВГПУ, 1918–2010 гг. / В. А. Саблин // Вестник Вологодского государственного педагогического университета. – 2011. – № 2. – С. 34–45.
4. *Камкин, А. В.* Северному отделению Археографической комиссии – 50 лет / А. В. Камкин, М. С. Черкасова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия гуманитарные, общественные и педагогические науки. – 2017. – №4 (7). – С. 19–30.
5. Проблемы германской истории. Вып. II. Материалы симпозиума, состоявшегося в Вологде 15–17 октября 1971 г. – Вологда : [б. и.], 1973. – 462 с.
6. *Петелин, Б. В.* Историческая германистика в Вологде: предварительные итоги / Б. В. Петелин. – URL: <http://vereinigung.ru/16-istoria.html> (дата обращения: 12.01.2020). – Текст : электронный.
7. Прогрессивные, революционные, демократические, антифашистские традиции в германской истории. Тезисы докладов (май, 1983 г.). – Вологда : ВГПИ, 1983. – 77 с.
8. *Петелин, Б. В.* История германского фашизма в трудах А. С. Бланка / Б. В. Петелин // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии : материалы конференции, посвященной 50-летию Победы. – Вологда : Русь, 1995. – С. 34–36.
9. *Овсянникова, Т. Г.* Филологический факультет Вологодского государственного университета. История и современность / Т. Г. Овсянникова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. – 2018. – № 1. – С. 97–101.
10. *Белая, Г.* Вологодская конференция литературоведов / Г. Белая // Вопросы литературы. – 1969. – № 9. – С. 247–251.
11. *Белая, Г.* Вологодские встречи / Г. Белая // Вопросы литературы. – 1976. – № 10. – С. 302–308.
12. *Анастасьев, Н.* Преодоление инерции / Н. Анастасьев // Вопросы литературы. – 1972. – № 6. – С. 191–196.
13. *Базанов, В. В.* Об изучении русской советской поэмы 20-х годов / В. В. Базанов // Русская литература. – 1973. – № 1. – С. 165–187.

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ
КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 г. В МОСКОВСКОЙ
И САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИЯХ**

Кащенко Сергей Григорьевич

*Заведующий кафедрой источниковедения истории России,
профессор, доктор исторических наук*

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

s.kaschenko@spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу изменений в структуре крестьянских наделов и платежей в процессе реформы 1861 г. в Московской и Санкт-Петербургской губерниях. Экономические последствия реформы изучались с применением статистических методов и компьютерных технологий.

Ключевые слова: реформа 1861 г.; Петербургская губерния; Московская губерния; количественные методы.

**SOME FEATURES OF THE REALIZATION
OF THE PEASANT REFORM OF 1861 IN
THE MOSCOW AND ST. PETERSBURG PROVINCES**

Kashchenko Sergey Grigoryevich

Head of the Department of source studies of Russian history, professor,

Doctor of Historical Sciences

Saint-Petersburg State University

Saint-Petersburg, Russia

s.kaschenko@spbu.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of changes in the allotments and payment system of landlord's peasants after the reform of February 19, 1861. The study is based on materials from the redemptions of the peasants of Petersburg and Moscow province using quantitative methods and modern computer technologies.

Keywords: reform of 1861; Petersburg province; Moscow province; quantitative methods.

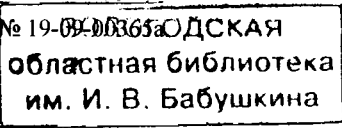
Характерной особенностью современного этапа изучения экономических последствий реформы 19 февраля 1861 г. является проведение иссле-

дований, базирующихся на массивах уставных грамот и выкупных документов в крупных регионах Российской империи. Работы осуществляются с применением современных компьютерных технологий и статистических методов, позволяющих значительно повысить надежность полученных результатов. На сегодняшний день можно говорить о том, что мы имеем достаточно точное представление о ситуации, сложившейся на Северо-Западе России, в двух северных губерниях (Олонецкой и Вологодской), ряде уездов губерний Черноземного центра [1; 2; 3; 4; 5].

Одним из перспективных направлений в изучении результатов реформы 1861 г. можно считать сравнительный анализ ситуации в подстоличных регионах, включающих Московскую и Санкт-Петербургскую губернии. Исследование, начатое в 2019 г., было поддержано грантом РФФИ¹. Проект предусматривает разработку и применение современных методов комплексного анализа процессов подготовки и реализации отмены крепостного права. Изучение экономических последствий реформы в этом регионе, которые еще не исследованы в полной мере, позволит рассмотреть их влияние на развитие модернизационных процессов в стране во второй половине XIX века. На сегодняшний день известен ряд диссертаций, посвященных изучению последствий реформы в Московской губернии, однако они охватывают отдельные уезды, а проведенные там расчеты значительно устарели [6; 7; 8; 9]. Новое исследование предусматривает создание современной реляционной компьютерной базы данных, содержащей, прежде всего, сведения уставных грамот, а также выкупных документов, материалов Редакционных комиссий и официальной статистики. Работы проводятся с использованием недавно отсканированных документов Ф. 577 (Главное выкупное учреждение) РГИА, размещенных на серверах Президентской библиотеки в Санкт-Петербурге.

На сегодняшний день построены ряды распределения крестьянских наделов и платежей и определена степень их деформации в процессе реформы [10, с. 82–143] в ряде западных и южных уездов Санкт-Петербургской и юго-западных – Московской губернии [11; 12]. Проанализировано распространение различных форм эксплуатации, степень которого сильно варьировалась. Так, в Санкт-Петербургской губернии выделен «оброчный полюс», приходившийся на ее хорошо развитую в экономическом отношении северо-восточную часть, где были сконцентрированы сильные промысловые оброчные селения. С продвижением на западную периферию процент барщинных крестьян возрастал, достигая максимума в 40,5% в одном из наиболее отсталых в хозяйственном отношении окраинном Гдовском, а также в приграничном с Эстляндией Ямбургском уездах (38,1%).

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00365а

1522456

Анализ архивных документов позволил сделать вывод о том, что в столичных губерниях уставные грамоты отличаются весьма высокой точностью сведений о крестьянском землепользовании. Известно, что погрешности в измерении дореформенных крестьянских наделов (неточные формулировки, примитивные методы оценки или отсутствие данных) вызывали известное скептическое отношение историков к содержанию грамот. Однако под столицами ситуация была иной. Так, в Петербургской губернии до реформы земля была в среднем точно измерена у 85% крестьян. Причем, например, даже в удаленном от столицы Ямбургском уезде этот процент достигал 97. Это делает возможным проведение расчетов, при которых имеющимися погрешностями можно пренебречь. Рассматривая информацию как большую «естественно сохранившуюся выборку», мы получили «стандартные ошибки», сопоставимые с неточностями, имевшими место в процессе измерения земли, весьма распространенными в середине XIX в. «домашними средствами».

Изучение степени изменения размеров крестьянских наделов и платежей в ходе реализации реформы позволило сделать несколько выводов. В подстоличных регионах отмечаются два процесса – сокращение величины наделов и параллельное уменьшение средних величин платежей, приходящихся на душу м.п. В разных уездах сокращение крестьянских наделов могло составлять от 17 до 40%, несколько меньшим было уменьшение крестьянских платежей. Перерасчет величины платежей показал их возрастание на дес. удобной наделной земли, которое составило в Петербургской губернии около 19%. Это свидетельствует о том, что сокращение крестьянских наделов опережало по своим темпам уменьшение платежей.

Изменения наделов и платежей в разной степени затронули крестьян разных уездов и различных категорий. Наиболее пострадали в процессе реформы крестьяне периферийных барщинных имений, в меньше степени – оброчные крестьяне в подстоличных уездах. Более того, как показали расчеты, в селениях с развитыми промысловыми занятиями и значительными дополнительными доходами (например, в имениях, расположенных вблизи столичной городской черты, где важной статьёй дохода была сдача в наем жилых помещений) крестьяне не только не пострадали в экономическом плане, но и получили, при сохранении размеров своих, в целом небольших наделов, заметное сокращение платежей и личную свободу.

Анализ рядов распределения наделов и платежей крестьян до и после реформы позволил выявить важную закономерность. До реформы структуры наделного землепользования и платежей были в значительной степени дифференцированы. У крестьян могли встречаться и весьма малые, до 1 дес. на душу м.п., и большие наделы, достигавшие 30 дес. После реформы решающую роль в изменении этих структур сыграли «высшие» размеры

наделов и платежей, установленные по Положениям 19 февраля 1861 г. Значительная часть крестьян (например, в Царскосельском уезде – свыше 80%) получила именно такие наделы. Распределение наделов и платежей после реформы имеет форму с явно выраженной «модой» в виде «высших» размеров и платежей. Там же, где в уездах были установлены два «высших» размера (Петербургский, Шлиссельбургский уезды), распределения носили «бимодальный» характер. Таким образом, реформа привела к стиранию различий в надельной системе.

Интересное наблюдение было сделано в уездах столичных губерний, граничивших с другими губерниями. Так, оказалось, что произошло заметное стирание различий, существовавших в надельном дореформенном землепользовании крестьян Лужского уезда Петербургской губернии и соседнего Порховского уезда Псковской губернии.

Произошла нивелировка крестьянских наделов и в полосе западных уездов Псковской и Петербургской губерний, граничивших с Эстляндией и Лифляндией.

Любопытны наблюдения, сделанные при изучении ситуации, сложившейся в удельной деревне, «дворцовых имениях», принадлежавших известной стороннице реформы Великой княгине Елене Павловне. Освобождение крестьян здесь происходило на основании Положений 19 февраля 1861 г., без послаблений для крестьян, строго в соответствии с существовавшими нормами наделов и платежей. Среди крестьян в этих имениях было значительное число финнов, что вызвало интерес к этим сюжетам со стороны финских коллег на конференции «Baltic Connections: Conference in Social Science History», организованной весной 2019 г. университетом Хельсинки.

В настоящее время работа над грантом еще не завершена. Но уже сейчас можно говорить о том, что использование сканированных документов, хранящихся в Президентской библиотеке, широкое применение компьютерных технологий и статистических методов открывают новые перспективы и для других региональных исследований, приводит к получению новых представлений об экономических последствиях реформы. Это может способствовать в итоге созданию обобщающей работы в рамках всех губерний Российской империи, где было помещичье землевладение.

Литература

1. *Каценко, С. Г.* Освобождение крестьян на Северо-Западе России: экономические последствия реформы 19 февраля 1861 года / С. Г. Каценко. – Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2009. – 552 с.

2. *Kascenko, S. G.* Die Bauernbefreiung in Gouvernement St. Petersburg. Zur Frage der Realisierung der Reform vom 19. Februar 1861 / S. G. Kascenko // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Band 48. – Berlin, 1993. – P. 83-91.

3. *Кащенко, С. Г.* Отмена крепостного права в Олонекской губернии / С. Г. Кащенко. – Петрозаводск : ПетрГУ, 2012. – 276 с.

4. *Костригина, Е. В.* Массовые источники по истории крестьянской реформы 1861 г. в Вологодской губернии (современный опыт применения компьютерных технологий и количественного анализа при изучении материалов северных губерний России) : специальность 07.00.09 : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Костригина Екатерина Васильевна ; СПбГУ. – Санкт-Петербург, 2018. – 269 с.

5. *Кащенко, С. Г.* Орловская деревня в начале 60-х гг. XIX века. Экономические последствия освобождения помещичьих крестьян / С. Г. Кащенко. – Санкт-Петербург ; Брянск : Курсив, 2013. – 340 с.

6. *Литвак, Б. Г.* Уставные грамоты Московской губернии как источник по истории реализации «Положений» 19 февраля 1861 г. : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Литвак Борис Григорьевич ; Московский государственный историко-архитектурный институт. – Москва, 1956. – 350 с.

7. *Ильин, Г. В.* Аграрная реформа 1861 года в Московской губернии : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Ильин Георгий Васильевич ; Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. – Москва, 1950. – 406 с.

8. *Филиппова, С. С.* Осуществление реформы 19 февраля 1861 года в Московской губернии (По материалам Бронницкого и Рузского уездов) : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Филиппова С. С. ; Институт истории АН СССР. – Москва, 1953. – 423 с.

9. *Кащенко, С. Г.* К истории изучения экономических последствий реформы 19 февраля 1861 года в Московской губернии (Диссертации 1940–1950-х гг.) / С. Г. Кащенко // От Версаля и Веймара до образования двух Германий (ФРГ и ГДР), 1919-1949 гг. : Актуальные вопросы исторической германистики, отечественной и всеобщей истории, геополитики и международных отношений, социально-гуманитарных наук и права : материалы международной научной конференции. – Витебск : Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2019. – С. 7–11.

10. *Кащенко, С. Г.* Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 года. Источники и современные методы их изучения / С. Г. Кащенко. – Санкт-Петербург : Лема, 2013. – 278 с.

11. *Жукова, А. В.* Преобразование системы крестьянских платежей в ходе реализации реформы 19 февраля 1861 г. (на примере помещичьих деревень Можайского уезда Московской губернии) / А. В. Жукова // Клио. – 2019. – № 11 (155). – С. 83–90.

12. *Жукова, А. В.* Изменение наделного землепользования крестьян в ходе реформы 19 февраля 1861 года (На материалах Можайского уезда Московской губернии) / А. В. Жукова // Вестник Брянского государственного университета. – 2019. – № 2 (40). – С. 45–50.

ЖЕНЕВСКИЙ АРБИТРАЖ (1872) И РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Киселева Ольга Анатольевна

*Доцент, кандидат исторических наук, доцент
Вологодский государственный университет
Вологда, Россия
olgakiseleva03@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается содержание «алабамского кризиса» в отношениях между США и Великобританией после Гражданской войны (1861–1865), анализируются факторы его мирного урегулирования. Автор рассматривает ход и условия третейского разбирательства (1871–1872) и определяет его место в истории международного права Нового времени.

Ключевые слова: «алабамский кризис»; Вашингтонский договор; международный арбитраж; международное право, нейтралитет.

THE GENEVE ARBITRATION (1872) AND THE INTERNATIONAL LAW'S EVOLUTION

Kiseleva Olga Anatolievna

*Associate Professor of the Department of World History
and Social-Economic disciplines, Candidate of History
Vologda State University
Vologda, Russia
olgakiseleva03@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to researching of the Alabama crisis and of its peaceful solution's factors. The author characterises the role of the Washington treaty (1871) and the Geneve arbitration (1872) in the evolution of the Modern time's international law.

Keywords: the Alabama crisis; anglo-american relations; the Geneve arbitration; international laws' codification; the Washington treaty.

История внешней политики неразрывно связана с возникновением и развитием международного права. Это – два важных аспекта эволюции международных отношений, регулярно переживающих периоды острейших обострений. Мировое сообщество выработало обширный арсенал средств их нейтрализации – переговоры, добрые услуги, посредничество, междуна-

родные конференции и организации. Особое место среди них занимает международный арбитраж – третейский суд для рассмотрения споров, сторонами в которых являются государства и международные организации. Правовой основой деятельности арбитража, созываемого для решения конкретного дела (арбитража *ad hoc*), является соглашение сторон в споре – компромисс. Компромисс определяет все стороны арбитража, включая его формирование, предмет разбирательства, процесс и применяемые правовые нормы. Принято считать, что одним из первых соглашений в истории международного права, заложивших фундамент современного арбитража, был договор Дж. Джея между США и Великобританией (1794). Согласно ему были созданы три смешанные комиссии с судебными функциями: для установления границ между США и Канадой; для рассмотрения материальных исков физических лиц; для разрешения вопроса о возвращении Штатами долга Великобритании. Договор дал толчок к возрождению практики арбитражного процесса, к которой не прибегали в XVIII в. Особенно значительным было ее влияние на отношения между США и Великобританией: до окончания Гражданской войны (1861–1865) было организовано еще десять арбитражей для рассмотрения взаимных претензий. Большинство из них создавалось для разрешения спорных вопросов о пограничной линии между США и Канадой. До 1871 г. Соединенные Штаты приняли участие еще в семнадцати других арбитражах: в четырех – по спорам с европейскими государствами и в тринадцати – по взаимным претензиям с государствами Латинской Америки. В 1794–1871 гг. был организован ряд других арбитражей: в 24-х из них сторонами были только европейские государства; в 14-ти – европейские и латиноамериканские; в 4-х участвовали только африканские и в 2-х – только латиноамериканские государства [6, с. 31–32]. Предметом разбирательства были, как правило, территориально-политические споры и иски физических лиц. К примеру, в соответствии с договорами о пресечении работорговли, по инициативе Великобритании было создано несколько третейских судов для рассмотрения дел о захвате кораблей, подозревавшихся в участии в работорговле. В 1819–1866 г. они рассмотрели 535 дел, в результате чего было освобождено свыше 55 тыс. рабов. Свообразным рубежом в истории судебного рассмотрения международных споров стал Женевский арбитраж (1872) – третейское разбирательство конфликта между США и Великобританией по «делу «Алабамы».

За непродолжительный период эти страны воевали дважды – в 1775–1783 и в 1812–1814 г. Снова перед угрозой конфликта они оказались во время Гражданской войны в США, когда Великобритания официально провозгласила нейтралитет, а в действительности оказывала поддержку мятежникам-южанам. На ее территории строились и снаряжались каперы, предназначавшиеся Югу (по имени одного из них – «Алабамы», который совершал рейды в Атлантическом и Индийском океанах, захватив 68 судов

северян и уничтожив 53 из них – и получил название кризис) и наносившие огромный урон Северу; британские порты, разбросанные по всему миру, использовались южанами как базы для своего флота; плантаторы получали британскую финансовую помощь и т.д. Вашингтон возложил на Лондон вину за нанесенный урон нации, флоту и торговле и выдвинул требование его компенсации, обвинив английское правительство в нарушении нейтралитета [3, с. 45]. Этот принципиальный вопрос и определил суть «алабамского кризиса», или «дела «Алабамы», вышедшего далеко за пределы двустороннего конфликта и приобретшего международно-правовой характер, так как третьи страны стали проявлять намерение кодифицировать принципы нейтралитета – правила поведения нейтральных государств по отношению к воюющим [3, с. 47]. Кризис в отношениях двух англосаксонских держав осложнялся аннексионистскими устремлениями части американского общества в отношении Канады, поддержкой Штатами ирландских революционеров – фениев, конфликтами по поводу использования пограничных между США и Канадой водных путей и т.д. Обстановка достигла такого накала, что в обеих странах заговорили об опасности новой войны между ними.

К счастью, верх одержали силы, выступавшие за мирное урегулирование конфликта. Серьезное значение в подобном исходе дела имела так называемая «атлантическая экономика» – исторически сложившаяся модель экономических контактов двух стран и взаимная заинтересованность влиятельных деловых кругов в их развитии: США были одним из крупнейших экспортеров сельскохозяйственных товаров на английский рынок и реципиентом английских инвестиций, Англия – поставщиком промышленных, колониальных товаров, ведущим кредитором Североамериканской республики. Не менее важную роль сыграли международные политические факторы – угроза каперской войны в связи с франко-прусской войной и денонсацией Россией «черноморских статей» Парижского мирного договора (1856) заставили английское правительство дать согласие на предложение США о передаче «Дела «Алабамы» международному арбитражу.

Соглашение о создании Объединенной комиссии для разрешения спорных между США и Великобританией вопросов было достигнуто в январе 1871 г. благодаря уступкам с обеих сторон: Вашингтон отказался от претензий на канадскую территорию, Лондон проявил готовность «выразить сожаление за происшествия, приведшие к возникновению «алабамских претензий» [2, с. 145]. В мае 1871 г. был подписан Вашингтонский договор, важнейшим принципиальным разделом которого стали так называемые «три правила», гласившие, что нейтральное государство обязано прилагать все возможные усилия («должное старание» – «due diligence») для того, чтобы, во-первых, не допускать в пределах своей юрисдикции снаряжения, снабжения и вооружения судов, которые могут использоваться для ведения военных действий против страны, с которой данное государство находится

в мире; во-вторых, не позволять, чтобы одна из воюющих сторон пользовалась его портами или водами в качестве баз для морских операций; в-третьих, предотвращать нарушение любыми лицами, находящимися в его юрисдикции, первого и второго правил [4, с. 3]. Итак, в двустороннем соглашении была предпринята попытка кодификации международного морского права, так как события 1861–1865 г. со всей ясностью продемонстрировали абсурдность ситуации, когда нейтральное государство устанавливает объем обязательств и принципов поведения согласно своим собственным интересам и политико-правовым представлениям, «превращая сам нейтралитет в пустое слово». Эти правила впоследствии получили название «трех правил Вашингтонского договора» и были положены в основу деятельности международного арбитража, призванного вынести вердикт по «делу «Алабамы»».

Местом третейского разбирательства была избрана Женева, заседания начались в декабре 1871 г. в составе пяти человек. После длительных и крайне острых дискуссий относительно состава суда выбор был сделан не в пользу профессиональных юристов (теоретиков или практиков), а в пользу политиков и дипломатов. Участниками процесса стали представители от США (Ч.Ф. Адамс, дипломат), Великобритании (А. Кокберн, председатель Суда Королевской скамьи), Италии (Ф. Склопис де Салерано, государственный министр и сенатор), Бразилии (виконт д'Итауба, дипломат) и Швейцарии (Дж. Стемпли, неоднократно занимавший пост президента этой страны). Главной задачей международного арбитража было «тщательное и беспристрастное рассмотрение и разрешение всех споров, которые будут выдвинуты правительствами США и Великобритании» [4, с. 2]. В представленных Лондоном и Вашингтоном суду документах обнаружился противоположный подход сторон к «делу «Алабамы» и самому содержанию нейтралитета. Великобритания отстаивала принцип свободы торговли подданных нейтральных государств с гражданами воюющих держав при условии неучастия правительств в данных сделках и предоставлении равных возможностей всем воюющим сторонам. Вследствие этого она отрицала какую-либо свою вину за урон, понесенный американской торговлей и флотом в ходе гражданского конфликта 1861–1865 г. США, наоборот, настаивали на том, что английское правительство, соблюдая принципы нейтралитета, должно было воспрепятствовать своим подданным торговать «предметами контрабанды, так как такая торговля поддерживает войну и обращает сам нейтралитет в пустое слово» [5, с. 111]. Работа трибунала протекала крайне напряженно, казалось, в непримиримых и острых спорах до середины сентября 1872 г. Тем не менее, 14 сентября 1872 г. было провозглашен вердикт международного арбитража. Он состоял из двух частей: перечня принципов, положенных в основу приговора, вынесенного трибуналом (его составили «три правила» Вашингтонского договора), и специального

постановления по трем группам кораблей, построенным и снаряженным для Конфедерации в Англии. В итоге английское правительство большинством голосов – четыре против одного – было признано «виновным в нарушении обязательств, изложенных в трех пунктах статьи шестой Вашингтонского договора, и в качестве компенсации должно было выплатить Соединенным Штатам 15,5 млн долл.» [1, с. 135], что и было им выполнено.

Таким образом, с вынесением Женевским арбитражем «всеобъемлющего и окончательного» решения было завершено крайне непростое урегулирование «алабамского кризиса» в отношениях США и Великобритании. В то же время успешное третейское разбирательство 1872 г. стало стимулом к чрезвычайной активизации международных арбитражных процессов: в течение 30 лет после Женевского процесса арбитражные суды рассмотрели около ста дел. Великобритания приняла участие в тридцати из них, США – в двадцати. Европейские государства были сторонами примерно в 60, а латиноамериканские – примерно в 50 арбитражах.

«Три правила» Вашингтонского договора не стали универсальными нормами международного права, так как стороны, хотя и договорились «соблюдать их в отношениях друг с другом в будущем и предложить другим морским державам присоединиться к ним», не смогли реализовать своего намерения. Тем не менее, в начале XX в. статья восьмая XIII Гаагской конвенции (1907), зафиксировавшей принципы ведения войны на море, почти дословно повторила «первое правило» Вашингтонского договора, при этом заменив формулу «прилагать должное старание» другой, более определенной – «прибегать к тем средствам, которые находятся в распоряжении правительства». Все это делает очевидным тот факт, что Вашингтонский договор (1871) и Женевский арбитраж (1872) стали важными вехами не только во внешней политике двух стран, но и в развитии международного права.

Литература и источники

1. *Balch, T.W.* The Alabama Arbitration / T. W. Balch. – Philadelphia : Allen, Lane & Scott, 1900. – 150 p.
2. *Cook, A.* The Alabama Claims. American Politics and Anglo-American Relations, 1865 – 1872 / A. Cook. – London : Cornell Univ. Press , 1975. – 261 p.
3. *Treaty of Washington Correspondence.* – Washington : Government Printing Office, 1872. – 675 p.
4. *Treaty between Her Majesty and the U. S. A. Signed at Washington, May 8.* – London : Harrison & Sons, 1971. – 18 p.
5. *U.S. Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the U. S. 1872.* – Washington : Government Printing Office, 1872. – Vol. 1. – 987 p.
6. *Хадсон, М. О.* Международные суды в прошлом и будущем / М. О. Хадсон. – Москва : Государственное издательство иностранной литературы, 1947. – 390 с.

СЕКЦИЯ № 1. ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО В РЕТРОСПЕКТИВЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ

УДК 94(47).046-05

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ МОНАСТЫРЕЙ ВОЛОГОДСКОГО И БЕЛОЗЕРСКОГО УЕЗДОВ В XVII ВЕКЕ

Адаменко Ольга Николаевна

Директор ООО «Старый город», кандидат исторических наук

Вологда, Россия

aonVGPU@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному историко-археологическому изучению территории хозяйственных комплексов монастырей Вологодского края в XVII веке.

Ключевые слова: история Церкви; Русский Север; хозяйство северных монастырей; Ферапонтово, Горицы, Спасо-Каменный монастырь; памятники археологии.

SPATIAL LOCATION OF ECONOMIC COMPLEXES OF MONASTERIES IN VOLOGDA AND BELOZERSKY COUNTIES IN THE XVII CENTURY

Adamenko Olga Nikolaevna

Director Ltd. «Old town», PhD (History)

Vologda, Russia

aonVGPU@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive historical and archaeological study of the territory of economic complexes of monasteries in the Vologda region in the XVII century.

Keywords: history of the Russian Orthodox Church; Russian North; economy of the Northern monasteries; Ferafontovo, Goritsy, Spaso-Kamenny monastery; archaeological monuments.

Православные монастыри Русского Севера в эпоху средневековья являлись центрами духовной, культурной жизни ближайшей округи, а также крупными комплексными хозяйственными центрами. Экономика северных монастырей Белозерья и Кубеноозерья основывалась на землевладении и сельском хозяйстве, ремесле и промыслах. Высокий уровень доходов само-

го монастырского хозяйства, покровительство удельных князей и местных вкладчиков, тарханские грамоты великих князей и царей, рост братии способствовали активному строительству на территории монастырей.

Цель комплекса научно-исследовательских работ, проведенных сотрудниками ООО «Старый город» в 2019 г. – выявление и определение границ памятников археологии на территории трех монастырских ансамблей Вологодского края. Методика работ включала изучение письменных и археологических источников, анализ научной литературы, проведение дополнительных археологических полевых работ по определению границ памятников археологии. Особое внимание при шурфовке уделялось изучению периметра монастырей и хозяйственной зоны, вынесенной за пределы монастырской ограды [1].

Наименования выявленных памятников археологии отражают посвящения основных престолов соборных храмов, устоявшиеся краткие названия и особенности места расположения монастырей:

1. «Культурный слой Горицкого Воскресенского монастыря на р. Шексне, XVI – начало XX века» (площадь 4,5 га);
2. «Культурный слой островного Спасо-Каменного Спасо-Преображенского монастыря, XIII – начало XX века» (площадь 1,05 га);
3. «Культурный слой Ферапонтова Белозерского Богородице-Рождественского монастыря, конец XIV – начало XX века» (площадь 2,06 га).

Давняя традиция изучения данных обитателей привела к складыванию обширной историографии. Изучению Горицкого монастыря посвящены работы Г.О. Ивановой, С.Б. Куликова, Н.К. Никольского, С.С. Подъяпольского, Е.Р. Стрельниковой и др. Историю Спасо-Каменного монастыря изучали О.Н. Адаменко, Н.А. Плигина, С.С. Подъяпольский, Н.И. Суворов и др. Исследованию Ферапонтова монастыря посвящены труды Л.А. Беляева, И.И. Бриллиантова, С.С. Подъяпольского, В.Д. Сарабьянова, М.С. Серебряковой, М.Н. Шаромазова и др.

Застройка русского православного монастыря традиционно разделяется на отдельные зоны (участки), связанные с выполнением определенных задач: это сакральная, административная, хозяйственная и жилая функциональные зоны. Подробному изучению изменений в топографии монастырей способствуют опубликованные письменные источники, изобразительные материалы – житийные иконы, книжные миниатюры, стенопись храмов, гравюры, альбомы акварелей и графических рисунков, фотографии, а также картографические материалы Генерального межевания конца XVIII века¹.

¹ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 278. Ч. 1. № В-1с.; РГАДА. Ф. 1354. Оп. 70. Ч.1. № С-322с.; ГАВО. Ф. 436. Оп. 1. Д. 3063. Л. 139; РГАДА. Ф. 1354. Оп. 278. Ч. 1. № Ф-3с.

В результате историко-археологических изысканий нами были установлены следующие особенности размещения хозяйственных комплексов монастырей.

Планировка Горицкого Воскресенского монастыря определялась особенностями ландшафта и отношением к сухопутной Белозерской дороге и переправе через р. Шексну. Учитывая плотное заселение территории села Гориц в эпоху средневековья, подтвержденное археологическими исследованиями, можно предположить нахождение здесь погоста и «ружной» Введенской церкви, вокруг которых не позднее начала XVI века был основан монастырь [2, с. 173; 3; 4; 5, с. 3]. Введение в 1544 г. общинного устава повлияло на формирование участков жилой и хозяйственной застройки, индивидуальной для каждой из монахинь [2; 3; 6].

В описи 1661 г. за стенами монастыря указаны «изба стороженная» с конюшней, перевоз на р. Шексне. Описана была также и Введенская церковь («лес готовят прихожские люди, а строят монастырскою казною») [7]. В 1810 г. в Горицах был введен общежительный устав, за стенами монастыря появляются общие хозяйственные службы (кирпичные заводы, скотные дворы, конюшни, каретники, кладовые, кузница, красильня, баня и др.) [6]. Таким образом, большая часть хозяйственных построек Горицкого монастыря была вынесена за его пределы, преимущественно к югу и западу от ограды.

Архитектурно-археологические работы на территории монастыря стали проводить в 1991 г. (раскопки Н.В. Сапожникова), обследование территории продолжено в 2008 г. (разведки И.В. Папина) и в 2019 г. (разведки А.С. Угланова) [1; 8]. Была выявлена небольшая серия гончарной керамики, наиболее вероятно датирующейся XIV–XV вв., что может свидетельствовать о непрерывности существования средневековых поселений на территории с. Горицы с древнерусского времени до появления монастыря [9]. Позднейшее монастырское кладбище, вынесенное в 1888 г. за пределы стен на ближайшую возвышенность, не вошло в границы памятника. Территория прибрежного участка с ц. Введения и кладбищем при ней, как древнейший центр монастырской жизни в районе Гориц и зона активного хозяйственного освоения, была включена в границы памятника археологии.

Островной Спасо-Каменный монастырь был основан не позднее первой половины XIII в.: изначально как пустынь с часовней, а с 1261 г. как монастырь с обетной деревянной церковью. Храмовый комплекс монастыря в XVI–XVII вв. составляли Спасо-Преображенский собор (ок. 1481), Успенская церковь-колокольня с трапезной палатой (1543), надвратная ц. Иоанна Предтечи (1558).

Особенностью планировки Спасо-Каменного монастыря являлось сочетание сакральной, жилой и части хозяйственной застройки на ограничен-

ной территории острова [10]. Важно отметить, линия берегов острова постоянно изменяется в результате естественных и антропогенных причин. Так, на планах конца XVIII в. конфигурация острова отличается от современной: остров значительно расширился к востоку. Хозяйственная зона монастыря не имела четких границ и тяготела к западному берегу острова. Там располагались каменные поварни, келарская палата, погреба, кузница и другие службы. За стенами (Святыми воротами) монастыря в восточной части острова были построены гостиный двор, «шваленные» кельи, избы для рыбаков, дворы для работников-бельцов, келья «для приезда служкам» с конским стойлом [11, с. 126, 155–156]. Небольшой остров был полностью занят постройками.

По планировочному устройству, а также по архитектурным деталям соборов и трапезных Спасо-Каменный монастырь близок Ферапонтову монастырю [12, с. 447, 453]. В свою очередь, известно, что Ферапонтов монастырь создавался по подобию московского Симонова монастыря [13, с. 253]. Полагаем, что архитектурно-пространственная композиция обителей выстраивалась по «образцу» общежительных монастырей Святой земли.

Границы памятника археологии были определены по кромке берега с целью сохранения следов конструкций (ряжей), находок из размытого культурного слоя. При этом учитывалась степень разрушения берегов, данные археологических изысканий. Археологическое изучение острова было начато в 1992 г. (разведки С.Ю. Васильева), продолжено в 2008 г. (разведки М.В. Иванищевой) и в 2019 г. (разведки А.С. Угланова). Выявлено место расположения ц. Иоанна Предтечи, обозначены четыре уровня культурных напластований, выделен слой XII – начала XIII в. [14, с. 7–8, 21–27]. Археологические исследования 2019 г. выявили слой XV в. на юго-восточном берегу острова.

Территория Ферапонтова монастыря условно разделяется на две части: переднюю (парадную), обрамленную фасадами сохранившихся каменных построек, и заднюю, где имелись небольшой огород, широкий луг и кладбище [15]. Археологические исследования подтверждают это деление [16, с. 144]. Утвердилась дата основания Ферапонтова монастыря в 1398 году, но есть версия и с более поздней датой – 1409 годом [17, с. 66; 18, с. 14; 19]. Важно отметить, что монастырь также располагался на важном торговом сухопутном пути – Каргопольском тракте; а по озерам и реке Бородаве можно было выйти на крупнейший речной путь средневековья – реку Шексну [18, с. 14, 29].

Основной архитектурный комплекс монастыря составляют объединенные папертями ц. Благовещения с трапезной палатой (1530–1531), колокольня (ок. 1690), собор Рождества Богородицы (1490) и ц. Мартиниана (1641). Вторым комплексом составляют Святые ворота с надвратной ц. Бого-

явления с приделом преп. Ферапонта (1650), Казенная палата (1 пол. XVI в.) [15]. За пределы монастырской ограды в 1665 г. были вынесены квасная поварня, шваленная изба, конюшенный и скотный двор, хлебные амбары, мельницы и др. [20, с. 142–143]. В конце XVII в. земли на склоне левого берега р. Пасской были отданы для выращивания овощей для бывшего патриарха Никона, на правом берегу реки находилась мельница. Около озера располагались рыболовные избы, амбары, скотные дворы, и, возможно, кузница. Учитывая различную степень хозяйственного освоения этих участков, собственно монастырским культурным слоем следует признать огражденную часть монастыря.

При определении границ памятника археологии были учтены современная топография местности с антропогенными изменениями, сползание культурного слоя вдоль ограды, историко-архивные материалы. Археологические работы здесь проводились, начиная с 1980-х гг. Археологами П.П. Покрышкиным, П.М. Алешковским, Л.А. Беляевым, Е. Немировской, И.В. Папиным, А.А. Аникиной, А.Ю. Кашинцевым были исследованы фундаменты отдельных построек, ворот и монастырской ограды разных периодов, погребения некрополя и др. [16; 8; 21; 22]. Мощность культурного слоя в юго-западной части монастыря достигает в отдельных местах 4 метров (с перекопами), он сохранил следы активной хозяйственно-строительной деятельности, ряда пожаров, возведения и сноса зданий, обыденной жизни монахов [16, с. 144]. За пределами современной восточной ограды в 2019 г. выявлены следы бревенчатой конструкции, возможно, соотносимой с одним из этапов ограждения монастырской территории.

Специфика памятников археологии на территории обследованных монастырей определяется духовной функцией монастыря – осуществление православного богослужения, организация жизни обители по монастырскому уставу. Хозяйственные зоны монастырей отражают комплексный характер домениального хозяйства (животноводство, огородничество, мукомольный и рыболовный промыслы, кузнечное производство и др.). Проведенные археологические работы показали важность исследования культурного слоя монастырей с целью сохранения археологических объектов и получения научных знаний об истории архитектуры, топографии монастырей, их некрополей и хозяйственных комплексов, благоустройстве территории и повседневности. Выявленные объекты археологического наследия обладают большим потенциалом для реконструкции ранней истории монастырского строительства в Белозерье и Кубеноозерье.

Литература

1. *Адаменко, О. Н.* Отчет о выполнении комплекса научно-исследовательских работ на объектах: «Спасо-Каменский монастырь: колокольня и

остатки древних зданий XVI в.», Вологодская область, Усть-Кубинский район, остров на Кубенском озере ; «Горицкий монастырь, XVI–XVIII вв.», Вологодская область, Кирилловский район, с. Горицы ; «Ансамбль Ферапонтова монастыря (филиал музея-заповедника), XV–XIX вв.», Вологодская область, Кирилловский район, с. Ферапонтово / О. Н. Адаменко ; Архив АУК ВО «Вологодареставрация». – Вологда, 2019.

2. *Копанев, А. И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. / А. И. Копанев. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1951. – 255с.

3. *Куликов, С. Б.* Некоторые итоги исследований истории возникновения и строительства Соборного комплекса Воскресенского девичьего Горицкого монастыря / С. Б. Куликов // Кириллов : краеведческий альманах. – Вологда : Русь, 1997. – Вып. 2. – С. 169–187.

4. *Макаров, Н. А.* Средневековое расселение на Белом озере / Н. А. Макаров, С. Д. Захаров, А. П. Бужилова. – Москва : Язык русской культуры, 2001. – 496 с.

5. *Стрельникова, Е. Р.* Горицкий Воскресенский девичий монастырь в Белозерье / Е. Р. Стрельникова. – Кириллов : Кирилло-Белозерский монастырь, 2013. – 272 с.

6. Летопись Горицкого монастыря / публикации, вступительная статья и комментарии Г. О. Ивановой // Кириллов : историко-краеведческий альманах. – Вологда : Русь, 1994. – Вып. 1. – С. 288–355.

7. 1661 г. мая 31. Отписная книга Воскресенского Горицкого девичьего монастыря отписчиков Кириллова монастыря черного попа Матвея и старца Герасима Новгородца игуменье Марфе Товарищевых / предисловие Ю. С. Васильева // Кириллов : историко-краеведческий альманах. – Вологда : Русь, 1994. – Вып. 1. – С. 261–287.

8. *Адаменко, О. Н.* Отчет о научно-исследовательской работе «Карта памятников археологии Кирилловского района Вологодской области» / О. Н. Адаменко ; Архив АУК ВО «Вологодареставрация». – Вологда, 2018.

9. *Папин, И. В.* Отчет об археологических исследованиях на территории Вологодской области в 2008 г. (охранные раскопки на территории Кирилло-Белозерского, Горицкого Воскресенского, Павло-Онорского монастырей и на Торговой площади г. Вологды) / И. В. Папин ; Архив ИА РАН. Р-1. – Вологда, 2010.

10. *Адаменко, О. Н.* Организация островного пространства Спасо-Каменного монастыря в XVII в. / О. Н. Адаменко // XVII век в истории и культуре Русского Севера : материалы XII Каргопольской научной конференции / научный редактор Н. И. Решетников. – Каргополь : Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей, 2012. – С. 130–141.

11. Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв. : исследование и тексты / ответственный редактор М. С. Черкасова. – Вологда : Древности Севера, 2011. – С. 109–200.

12. *Подъяпольский, С. С.* Архитектурные памятники Спасо-Каменного монастыря (XV–XVI века) / С. С. Подъяпольский // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV–XVI вв. – Москва : Наука, 1970. – 504 с.

13. *Бочаров, Г. Н.* Вологда. Кириллов. Ферапонтово. Белозерск / Г. Н. Бочаров, В. П. Выголов. – Москва : Искусство, 1979. – 295 с.

14. *Иванищева, М. В.* Отчет «Об археологических разведках в Усть-Кубинском районе Вологодской области на территории б. Спасо-Каменного монастыря в 2008 году» / М. В. Иванищева ; Архив ИА РАН. Р-1. – Вологда, 2008.

15. *Серебрякова, М. С.* Памятники архитектуры Ферапонтова монастыря по архивным документам XVII–XX веков / М. С. Серебрякова // Кириллов : краеведческий альманах. – Вологда : Русь, 1994. – Вып. 1. – С. 187–213.

16. *Беляев, Л. А.* Материалы к археологии Ферапонтова монастыря / Л. А. Беляев // Ферапонтовский сборник. – Москва : Советский художник, 1991. – Вып. 3. – С. 141–166.

17. *Бриллиантов, И. И.* Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения Патриарха Никона: К 500-летию со времени его основания, 1398–1898 / И. И. Бриллиантов. – Санкт-Петербург : тип. А. П. Лопухина, 1899. – 247 с.

18. *Шаромазов, М. Н.* Ферапонтов монастырь: страницы истории / М. Н. Шаромазов. – 2-е изд. – Кириллов : Северный паломник, 2018. – 101 с.

19. *Серебрякова, М. С.* К вопросу о времени основания Ферапонтова монастыря / М. С. Серебрякова // История и культура Ростовской земли. – Ростов : [б.и.], 2000. – С. 34–53.

20. *Сарабьянов, В. Д.* История архитектурных и художественных памятников Ферапонтова монастыря / В. Д. Сарабьянов. – Москва : Индрик, 2014. – 151 с.

21. *Аникина, А. А.* Отчет об археологических исследованиях на территории Кирилловского района Вологодской области / А. А. Аникина ; Архив КБМЗ. ПДА. № 1223. – Вологда, 2012.

22. *Кашинцев, А. Ю.* Отчет об археологических разведках и раскопках в Кирилловском районе Вологодской области в 2014 году (на территории Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей, погоста Цыпино) / А. Ю. Кашинцев; Архив КБМЗ. – Вологда, 2017.

**ПОРУЧНЫЕ И ПОРЯДНЫЕ ЗАПИСИ КАК ИСТОЧНИК
ПО ТОРГОВЫМ ЛЮДЯМ ВОЛОГДЫ И УСТЮГА
XVII – НАЧАЛА XVIII В.**

Черкасова Марина Сергеевна

*Доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии
Вологодский государственный университет
Вологда, Россия
mscherkasova@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены порядные и поручные записи по Вологде и Устюгу XVII – начала XVIII в. Ими оформлялись договорно-правовые отношения торговых людей. Речь идет в основном о порядке и условиях доставки товаров по Сухоно-Двинскому пути. Информация выявлена в документах Российского государственного архива древних актов и Государственного архива Вологодской области, не введенных еще в научный оборот. Обращено также внимание на эволюцию формуляра актов в течение длительного времени.

Ключевые слова: порядные и поручные записи; торговые люди; посадские люди Вологды и Устюга; торговля; речной транспорт.

**DECENT AND IMPROVISED RECORDS AS SOURCE
OF THE TRADING PEOPLE ON VOLOGDA AND USTYUG
OF THE 17th – BEGINNING 18th cent.**

Cherkasova Marina Sergeevna

*Professor Department of Theory, Culture history and Ethnology,
Doctor of Historical Sciences, Professor
Vologda State University
Vologda, Russia
mscherkasova@mail.ru*

Abstract. The article examines the orderly and improvised records on Vologda and Ustyug of the 17th – early 18th century. It is mainly about the order and conditions of delivery of goods along the Sukhono-Dvinsky route. The information was revealed in the documents of the Russian State Archives of Ancient Acts and the State Archives of the Vologda Region, which have not yet been put into scientific circulation. Attention is also drawn to the evolution of the form of acts over a long period of time.

Keywords: decent and improvised records, trading people, the Posada people of Vologda and Ustyug; trade, river transport.

В названии «порядная грамота/запись» корень *ряд* – изначально указывает на устный договор, восходящий к давним временам Русской Правды. Вспомним категорию крестьян-рядовичей или фразу «...како рядил, тако и стояти...». Постепенно ряд приобретал письменную форму: с середины XIII в. известны тексты новгородско-княжеских докончаний и свадебных договоров (рядная Тешаты и Якима во Пскове), с XIV в. – рядные берестяные грамоты с их формулой «се урядишася-доконцияху» [1, № 115, 191].

Брачно-свадебные договоры в дальнейшем становятся взаимно-двусторонними – рядные-сговорные. В XVI–XVII вв. складывается многочисленная разновидность крестьянских актов, к которым более всего и стало прилагаться определение порядных: крестьянских, бобыльских, детенышевых, половничих. Е.И. Колычева применительно к крестьянским актам писала о порядных-поручных второй половины XVI в. [2, с. 172].

Вместе с тем, порядными-поручными записями оформлялись торгово-экономические отношения, значение которых в эпоху Московской Руси все более возрастало. Помимо порядных, стали распространяться поручные записи, в которых говорилось о порядке-договоре, скажем, посадского человека или крестьянина (либо нескольких лиц) по доставке товаров из Вологды в Архангельск. Это было связано с активным развитием Сухоно-Двинского торгового пути. В них элементы порядка и поруки переплетались: хотя в публикациях они порой назывались поручными, в формуляре их фигурируют глаголы «поручились, ручяли», но и фразы «найму *рядили* столькото» также присутствуют [3, с. 51–70].

Кроме монастырей (Спасо-Прилуцкого, Кирилло-Белозерского, Соловецкого, Троице-Сергиева), участниками судебного хода на Сухоно-Двинском пути были и торговые (по сословной принадлежности – посадские) люди севернорусских городов – Вологды, Тотьмы, Устюга, Сольвычегодска. Наряду с реализацией собственных торговых интересов, они привлекались к провозу и продаже казенных товаров. Ценным источником об этой стороне их деятельности как раз являются порядные и близкие к ним содержательно поручные записи о доставке на своих дощаниках к Архангельску поташа, пеньки, смальчуга (дегтя), юфти (особо качественной кожи). В статье Л.Н. Мясниковой упомянуто несколько таких записей. Более подробно разобрана автором поручная посадских людей по вологжанине Иване Комарове, который подрядился перевезти своим дощаником государев поташ (33 бочек) и вино (9 тыс. ведер) в мае 1684 г. [4, с. 112–123].

Расширим сведения Л.Н. Мясниковой, обратившись к *поручным записям* в составе документов Вологодской приказной избы начала 1660-х годов из ГАВО, ф. 1260, оп. 8. Согласно классификации С.М. Каштанова, их можно отнести к договорным по виду *частным актам трудового найма* [5, с. 151–152]. В майской записи 1661 г. фигурирует посадский человек Семен Галкин, перевозивший в 1657 г. товары Спасо-Прилуцкого монастыря. Он должен был «препроводить» к Архангельску на своем вешнем дощанике

большой объем (по нашим подсчетам 4 тыс. пудов – попутно выводим данные о грузоподъемности судна) казенного смальчуга и пеньки. Получив от посадских целовальников С. Белоусова и И. Сорокина 50 руб. «задатка» (из расчета по 25 руб. на каждую тысячу пудов веса), он 3 июля 1661 г. от них же в Архангельске имел полное вознаграждение – еще 50 руб., значит, его миссия была благополучно исполнена [6, № 149; 7, с. 156–157].

Две другие поручные – августовские, 1662 и 1663 г., в них шла речь об осенних дощаниках. Целовальнику С. Белоусову два посадские П.С. Ягодников и И.С. Маленьково поручились по Е.Ф. Маленьково, который, взяв 250 руб. (из расчета 5 алт. с пуда товара), обязался доставить к Архангельску на своем дощанике 1548 тюков юфти («в каждом тюке по шти кож»), а затем передать ее купцам гостиной сотни Дм. Слепышеву и Ив. Климшину [6, № 155; 7, с. 157–158]. Д.В. Слепышев был ее членом в 1646–1676 гг., а Ив. Климшин служил таможенным головой в Архангельске как раз в начале 1660-х гг. (8, с. 128, 293; 9, с. 178, 181, 235]. Согласно поручной от 14 августа 1663 г., взявшийся доставить за 30 руб. государеву юфть к Архангельску М.К. Бочаров, продаст ее на «ярмонге» [6, № 167; 7, с. 158–159]. Осенний дощаник отмечен в сентябрьской поручной записи 1662 г. дьякона посадской Зосимо-Савватиевской церкви Климента Ермолина по Томиле и Естифее Костиных. Она обязались сплавить на нем 784 тюков и 264 рогожи юфти, взяв «наперед» 150 серебряных рублей [6, № 158]. Доставленный в целости товар должен быть передан в Архангельске упомянутым выше Д. Слепышеву и И. Климшину. «Извозной записью» названа порядная отца и сына Ф.Т. и Я.Ф. Сычуговых на доставку 787 тюков юфти своим осенним дощаником в Архангельск от 8 августа 1662 г. Они также взяли у посадских целовальников С. Белоусова с тов. 150 руб. для оплаты труда «наемных людей – носников и кормщиков» [6, № 159]. Носниками назывались лоцманы, проводившие речные суда через опасные места Сухоны и Двины, а кормщики управляли корабельным рулем и часто являлись старшими в промысловой артели.

Все поручные записи были составлены площадными подьячими, причем в 1661 и 1663 г. это был один и тот же человек – Сенка Головков. Во всех записях последовательно проводится требование бережного препровождения казенного товара по Сухоне и Двине («на поплавке и на стоянке беречь его накрепко»), обязательного его предъявления «в городовую ярмаргу исцела» безо всякой хитрости. Прописанными в вологодских порядных и поручных записях условиями все упомянутые в них лица воедино связывались круговой ответственностью перед государем – и посадские целовальники, и поручители, и подрядчики. И это скрепляло всех их как членов посадской тяглою общины.

В ф. 615 (Крепостные книги местных учреждений) РГАДА имеется сборник крепостных актов по Устюгу за 1713 г. [10, № 11936]. В нем инте-

ресны записи нижнесухонских и двинских носников по «сплавке» речных судов с товарами (барок, «груженных полувешнячков», дощаников, каюков, «лодеек») до Архангельска. Нижнесухонские носники работали обычно ниже г. Тотьмы до Устюга, а двинские – от Устюга до Холмогор и Архангельска. В записях указано, сколько «найму рядили» эти лоцманы за свою «носничью работу» – 2,5–4–5 руб. Из торговых людей отмечены вологжане Осип Полянин и Семен Лодыгин (последний – из пригородного села Фрязинова), устюжанин Максим Неупокоев, приказчик устюжского купца Ив. Овешникова Гаврило Калмаков, приказчик московского гостя Семена Панкратьева Ив. Чумаков, московский торговый иноземец Иван Гермизе, а из церковных корпораций – Николо-Корельский монастырь. Отмечался также свидетель данного «носничьего» договора, фамилия и имя писца, размер взятой таможенной пошлины – гривна, «записные пошлины за бумагу» [10, № 11936. Л. 6, 69об.–70, 82, 97, 104].

В Петровское время, наряду с порядными, употребляются термины «записи с порукою», что напоминает бывшие поручные записи. В ноябре 1713 г. посадские устюжане Д.И. Шемякинских и П.И. Мякишев составили запись, обращенную к другим посадским людям (Д.А. Шушнину и Ф.А. Кострову с тов.), с обязательством в течение года караулить товары в лавках и амбарах «мирских торговых и всяких купецких людей в торговых рядах» (рыбном, суконном, чарошном, коробейном, хлебном, «мелошном»). Сторожить следовало также лавки и амбары вне рядов – подле Вознесенской площади, около бывшей Богословской церкви и против земской, таможенной изб и гостиного двора. Охранять товары надо было тщательно, зимой и летом, днем и ночью «повседневно и безотходно, беречь их накрепко от воров и зажигальщиков». Размер найма караульщикам определялся в 14 руб., из которых ими уже было получено от посадских людей «предоплаты» по 3 руб. на человека. Выражение «найму рядили столько-то» также напоминает прежние порядные записи с их взаимно-договорными обязательствами. Шемякинских и Мякишев обязались не чинить никаких убытков охраняемым товарам, не пьянствовать и ничего не покрасть. Владельцам же товаров запрещалось ходить в амбары и лавки по своим делам рано утром и поздно вечером с огнем, а еще они должны были «поделать ворота по надобным местам». В таких статьях договора явно отражен формуляр крестьянских порядных записей XVII в., столь распространенных на севере вообще и в устюжской земле в частности. За «истерю» товаров на Шемякинских и Мякишеве и их поручителях полагалось взять «убытки по своей скаске» [10, № 11936. Л. 144–145].

Возможно, караульщики были неграмотны, поскольку вместо них расписался крестьянин из Брусенской волости Р.Е. Осетров. В записи указано четыре поручителя, из которых за трех (скорее всего, тоже неграмотных) расписался устюжанин К.Н. Садилов, а четвертый поставил подпись сам – устюжанин Г.Д. Кокоринских. В конце записи фигурирует также и свидетель (ранее

они назывались «послухи») – житель из Ляменских починков О.А. Попов. Запись писал подьячий устюжских крепостных дел Ив. Данилов.

К 1713 г. относится порядная Ф.И. Зориных на исполнение крестьянской работы в трети дер. Килиной в Шемогодской волости, принадлежащей устюжанину торговому человеку И.С. Кабакову. Документ свидетельствует о наличии у состоятельных торговых устюжан земельных владений в уезде [11, с. 270–279]. Атмосфера Петровской эпохи в этой порядной фиксируется упоминанием солдатской подмоги и необходимостью выплаты оброчных денег с бани порядчику пополам с хозяином.

Таковы предварительные наблюдения над поручными и порядными записями. Их выявление и анализ следует продолжить, уточняя, в том числе, источниковедческие и терминологические аспекты.

Литература и источники

1. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – Москва ; Ленинград : Академия наук СССР, 1949. – 408 с.

2. *Колычева, Е. И.* Крестьянские поряды в монастырские вотчины второй половины XVI в. / Е. И. Колычева // Крестьяне и сельское хозяйство России в XIV–XVIII веках : сборник научных трудов. – Москва : Институт истории СССР, 1989. – С. 160–182.

3. *Введенский, А. А.* Заметки по истории труда на Руси XVI–XVII вв. Часть 1. Транспортные рабочие-водники / А. А. Введенский // Архив истории труда в России. – Петроград : Государственное издательство, 1922. – Кн. 3. – С. 51–70.

4. *Мясникова, Л. Н.* Документы ГАВО о судостроении в XVI – начале XVIII в. / Л. Н. Мясникова // Историческое краеведение и архивы. – Вологда : Общество историков-архивистов ; Архивный отдел администрации Вологодской области, 1996. – Вып. 3. – С. 112–123.

5. *Каштанов, С. М.* Русская дипломатика / С. М. Каштанов. – Москва : Высшая школа, 1988. – 231 с.

6. ГАВО. Ф. 1260. Оп. 8.

7. *Черкасова, М. С.* «Лодейной ход» на Сухоне и Северной Двине / М. С. Черкасова // Проблемы развития транспортной инфраструктуры северных территорий. – Санкт-Петербург : ГУМРФ им. адм. С. О. Макарова, 2017. – Вып. 2. – С. 150–161.

8. *Голикова, Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России в XVI – первой четверти XVIII в. / Н. Б. Голикова. – Москва : Памятники исторической мысли, 1998. – Т. 1. – 523 с.

9. *Голикова, Н. Б.* Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI – первой четверти XVIII в. / Н. Б. Голикова. – Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2012. – 333 с.

10. РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ч. 2. № 11936.

11. *Тихонов, Ю. А.* Землевладение посадских людей в Устюжском уезде в XVII в. / Ю. А. Тихонов // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 г. – Кишинев : [б.и.], 1966. – С. 270–279.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ
В ОЦЕНКАХ АМЕРИКАНСКИХ СОВРЕМЕННОКОВ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)**

Смелова Елена Валентиновна

*Старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин,
кандидат исторических наук*

*Северо-Западный институт (филиал)
Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Вологда, Россия

e.smelova.mm2014@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрыты причины внимания американских современников к экономическому потенциалу азиатской части России в конце XIX – начале XX в., выявлены основные аспекты и особенности проявления данного интереса.

Ключевые слова: американско-российские отношения; образ России в Америке; экономические возможности азиатской части России.

**ECONOMIC POTENTIAL OF ASIAN PART OF RUSSIA
IN ASSESSMENTS OF AMERICAN CONTEMPORARIES
(LATE XIX – EARLY XX CENTURY)**

Smelova Elena Valentinovna

Senior Lecturer, Candidate of Historical Sciences

*State and Law Department North-West Institute (Affiliate) of University named
after O.E. Kutafin (MSLA)*

Vologda, Russia

e.smelova.mm2014@yandex.ru

Abstract. The paper focuses on the reasons of the American contemporaries' interest in the economic potential of the Asian part of Russia at the end of the 19th and beginning of the 20th century. It also reveals the main aspects and features of this interest.

Keywords: American-Russian relations; America's image of Russia; economic opportunities of Asian part of Russia.

Период конца XIX – начала XX в. ознаменовался ростом интереса к экономическому развитию России со стороны американских современников. Ведущее место в нем заняли следующие вопросы: промышленный

подъем в России 1893–1899 гг., последствия крестьянской реформы 1861 г., переход страны к золотому стандарту, финансовое положение России накануне русско-японской войны.

Особое внимание при этом современники из заокеанской республики уделяли экономическому потенциалу азиатской части Российской Империи. Данное обстоятельство было обусловлено следующими причинами: 1) активным освоением этого региона в указанный период; 2) строительством Транссибирской железнодорожной магистрали; 3) соответственно ростом возможностей изучения данной части страны (по свидетельству современников, путешествие от Москвы до Тихоокеанского побережья в первые годы XX в. занимало примерно 20 дней); 4) поиском новых сфер приложения американского капитала в условиях бурного промышленного развития США в последней трети XIX в.

Среди американцев, оставивших на рубеже XIX–XX вв. свои впечатления об экономических возможностях азиатской части России, были сенатор А.Дж. Беверидж (1862–1927), геологи Дж. Ф. Райт (1838–1921) и Р. Пампелли (1837–1923), инженер А.Х. Форд (1868–1945), горные инженеры Ч. Пьюрингтон (1871–1921), Э.Н. Фелл (1857–1928), В.Б. Вандерлип (1867–?), географы и геологи У.М. Дэвис (1850–1934), Дж. Лендфилд (1871–1954), географ Э. Хантингтон (1876–1947), финансовый агент Дж. У. Дэвидсон (1872–1933), журналист К. Кэри, писатель М. Шумейкер (1853–1924), врач Н. Сенн (1844–1908). Многие из них путешествовали или даже работали в России и свои работы написали на основе полученных впечатлений.

Взгляды американских современников были изложены как в отдельных работах (научных трудах, путевых впечатлениях), посвященных России, так и в статьях, напечатанных в журналах – общеполитических (например, «Century», «Nation»), научных («Bulletin of the American Geographical Society of New York»), технических («Engineering Magazine») и др.

Обратимся к анализу содержания соответствующих публикаций.

В первую очередь современники из США подчеркивали огромную площадь территории и богатейшие природные ресурсы азиатской части России, прежде всего Сибири. Так, писал Н. Сенн, Сибирь – это земля будущего, она в 1,5 раза больше Европы, в 2,3 раза больше европейской России и в 25 раз больше Германии [1, р. 73].

Сами оценки экономического потенциала азиатской части России приводились в двух направлениях. Прежде всего, определялась роль азиатских территорий в аграрном развитии России. В связи с этим, американские авторы отмечали значительное количество плодородной пахотной земли, ее пригодность для животноводства, огромные запасы различных природных ресурсов (лесных, водных и пр.). Все это делало Сибирь беспрецедентным

пространством для поглощения избыточного населения из Европейской России, а также снижения остроты аграрного вопроса (малоземелья в Европейской части России). Так, по подсчетам Дж.Ф. Райта, даже при ведении экстенсивного хозяйства Сибирь (исходя из практики северной и центральной части Соединенных Штатов) смогла бы обеспечить существование примерно 25 млн человек, а по достижении уровня самых высокоразвитых хозяйств Европейской России – в 50 млн человек [2, II, p. 242].

Американские современники сообщали о ходе и результатах колонизации восточных земель крестьянами – выходцами из европейской части страны. Интересно, что с точки зрения некоторых американцев (например, А.Х. Форда), переселение крестьян в Сибирь меняло их личные качества и образ деятельности. Американский инженер, в частности, отмечал контраст между вновь прибывшими из южной России и крестьянами, поселившимися в Восточной Сибири один – два года назад: первые были медлительны и небрежны, напоминали крепостных, привыкших веками ютиться семьями в одной комнате, как овцы в загоне; вторые были смышленные и деятельные [3, p. 507].

Однако, пожалуй, наибольший интерес азиатская Россия представляла для американцев как объект для экспорта собственных товаров и капиталов, необходимость которого возросла в связи с интенсивным экономическим ростом США в последней трети XIX в. и выходом страны на первое место в мире по основным макроэкономическим показателям. Значительные возможности экспорта американских товаров особенно активно освещались на страницах журнала «Engineering Magazine» А.Х. Фордом, побывавшим в России в 1899 г. Автор особо подчеркивал преимущество более короткого расстояния от Соединенных Штатов до Тихоокеанского побережья России (4500 миль), по сравнению с расстоянием от США до стран Европы (12 000 миль). Завершение строительства Китайско-Восточной железной дороги должно было увеличить ввоз американских машин в Россию [4, p. 496].

Россия рассматривалась и как выгодный объект для прямых инвестиций из США, в частности, в строительство мостов, фабрик и заводов, железных дорог, дренажных работ, проведения каналов и ирригационных работ (в Центральной Азии), борьбу с песками и т.д. В публикациях А.Х. Форда подобные предложения сопровождались фотографиями оборудования, произведенного в США и уже эксплуатировавшегося на заводах и фабриках в России.

Особое место в работах американских современников об экономическом потенциале азиатской части России занимали «сенсационные» сведения об огромных богатствах полезных ископаемых, в частности золота, в Сибири. Так, в журнале «Engineering Magazine» на эту тему было опубли-

ковано несколько статей Ч. Пьюрингтона и Дж. Лендфилда. Примечательно, что внимание к золотым запасам России в мире вызвали события в Китае (1899–1901 гг.), в то время как ранее это внимание было поглощено Африкой, Австралией, Южной Америкой и Аляской. При этом Пьюрингтон исследовал месторождения золота, меди и железа на Урале, Камчатке и Охотском побережье, а Лендфилд – на Урале. Авторы пытались представить довольно полную картину возможностей, которые могли открыться перед американскими золотоискателями в России. Они давали приблизительную оценку золотых запасов в Сибири, проводили районирование месторождений золота, характеризовали географические условия соответствующих территорий, приводили описание трудоемких методов добычи золота в России, по сравнению с более совершенными американскими. Специальная статья авторов знакомила американцев с российским законодательством, регулирующим добычу золота [5]. Своим опытом в изучении рудных месторождений в различных регионах азиатской России делились и другие американские разведчики: Э. Фелл (в Киргизских степях) и В.Б. Вандерлип (на Камчатке).

Подводя итог сформулированным американскими современниками оценкам в отношении экономического потенциала азиатской части России, можно констатировать ярко выраженную их неполноту и фрагментарность, прагматическую окраску. В то же время освещение американцами крестьянской колонизации Сибири и ее «промышленного освоения» постепенно разрушало бытовавший в странах Западной Европы и США мрачный стереотип Сибири как «земли террора», «страны тюрем», места гибели и ссылки. Излагаемый американскими современниками материал нередко сопровождался сравнениями с фактами из истории колонизации самих Соединенных Штатов. Таким образом, обращение американских авторов к теме заселения азиатской части России (в первую очередь, Сибири) выступало как своеобразная форма постижения ими опыта колонизации собственной страны.

Литература и источники

1. *Senn, N.* Around the World via Siberia / N. Senn. – Chicago : W.B. Conkey Co. Publishers, 1902.
2. *Wright, G. F.* Asiatic Russia / G. F. Wright. – New York : McClure, Philips & Co., 1903. – Vol. 1–2.
3. *Ford, A. H.* America's Agricultural Regeneration of Russia / A. H. Ford // Century Magazine. – 1901. – Vol. 62. – P. 501–507.
4. *Ford, A. H.* Russia as a Market for Machinery and Machine Tools / A. H. Ford // Engineering Magazine. – 1901. – July. – Vol. 21, №4. – P. 493–507.
5. *Purinton, Ch. W.* The Russian Law of Gold Mining / Ch. W. Purinton, J.B. Jr. Landfield // Engineering Magazine. – 1902. – Jan. – Vol. 22, №4. – P. 553–558.

КРИТИКА «НОВОГО КУРСА» ФРАНКЛИНА Д. РУЗВЕЛЬТА С ПОЗИЦИИ АВСТРИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Шипицын Дмитрий Владимирович

Магистрант

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

dmitry.worksmaill@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается образ Франклина Д. Рузвельта в контексте экономической истории США. «Рузвельтовский миф», рассматриваемый ранее как главный аргумент против политики *laissez-faire* подвергается ревизии. Также реформы Рузвельта сравниваются с политическими решениями его предшественника, Герберта Гувера, которого принято считать символом политики невмешательства государства в вопросы экономики. Статистические данные и экономические показатели США за период с 1929 по 1944 гг. позволяют дать оценку преобразованиям Франклина Д. Рузвельта как хрестоматийного примера политики этатизма.

Ключевые слова: Великая депрессия; «Новый курс»; Франклин Д. Рузвельт; Австрийская школа экономики; Герберт Гувер; экономический кризис.

CRITICISM OF THE «NEW DEAL» OF FRANKLIN D. ROOSEVELT FROM THE POSITION OF THE AUSTRIAN ECONOMIC SCHOOL

Shipitsyn Dmitry Vladimirovich

Master Student

Saint-Petersburg State University

Saint-Petersburg, Russia

dmitry.worksmaill@yandex.ru

Abstract. The article examines the image of Franklin D. Roosevelt in the context of US economic history. The «Roosevelt myth», regarded as the main argument against the politics of *laissez-faire*, is being revised. Roosevelt's reforms are also compared with the political decisions of his predecessor, Herbert Hoover, who is considered to be a symbol of the state's non-interference in economic matters. US statistics and economic indicators for the period from 1929 to 1944 allow us to evaluate the transformations of Franklin D. Roosevelt as an example of the policy of statism.

Keywords: The Great Depression; «New Deal»; Franklin D. Roosevelt; Austrian School of Economics; Herbert Hoover; Economic crisis.

Президент Герберт Гувер довольно часто изображается в качестве главного сторонника абсолютного невмешательства государства в свободный рынок. Хотя факты прямо указывают, что он не проводил подобной политики. Гувер, будучи министром торговли в 1921 году, организовывал трехсторонние переговоры между профсоюзами, правительством и бизнесом для преодоления последствий экономического кризиса. Госпрограммы поддержки сельского хозяйства, налаживание общественных работ, создание федеральных корпораций занятости – это были основные направления выхода из кризиса. Однако в связи с начавшимся экономическим ростом 20-х гг., программы министра Гувера оказались тогда попросту невостребованными.

В годы его президентства, на которые пришлось начало Великой депрессии, Гуверу удается проявить свое «невмешательство» в экономику. Оно проявлялось в повышении предельной ставки подоходного налога с 25% до 63%, вливании денег в банковский сектор для предотвращения банкротств (что, очевидно, не спасало банки), строительство административных зданий и организация общественных работ. Летом 1930 года Гувер подписал закон о так называемом тарифе Смута – Хоули – значительном повышении импортных пошлин «для защиты отечественного производителя». Это обрушило внешнеторговый оборот: импорт сократился с 4,4 млрд долл. в 1929 году до 2 млрд долл. в 1931 году; это вызвало ответные меры со стороны других стран, резко уменьшивших экспорт США – с 5,3 млрд долл. в 1929 году до 2,3 млрд долл. в 1931 году. По этому закону были повышены пошлины на 887 товаров, а список товаров, подлежащих обложению, был расширен до 3218 пунктов. Важнейшей особенностью тарифа Смута – Хоули было то, что пошлины рассчитывались в конкретной денежной сумме, а не в проценте от цены. Когда в ходе Великой депрессии цены упали вдвое, фактическая ставка удвоилась, тем самым усилив протекционистский характер закона. Фондовый рынок, в значительной мере восстановивший позиции, потерянные после «черного четверга», упал на 20 пунктов в тот день, когда Гувер подписал закон о тарифе Смута – Хоули, и продолжал падать следующие два года. Повышение пошлин ударило по финансовой сфере – началась волна банкротств банков. Так, в 1930 году разорились 1345, а в 1931 году – уже 2298 банков [1, с. 21]. Приведенные примеры отчетливо дают понять, что предшественника Франклина Д. Рузвельта нельзя противопоставить «реформатору» в вопросе методов преодоления экономического кризиса.

Важно понять, какие экономические взгляды были у Рузвельта. Они оказывались во многом схожими со взглядами Дж. М. Кейнса. Рузвельт считал, что Великая депрессия была кризисом перепроизводства, что дефляция является источником всех бед и именно с ней нужно бороться – та-

ким образом, были изначально перепутаны причина и следствие данного экономического кризиса.

Как только Рузвельт вступил в должность президента США, он получил чрезвычайные полномочия для преодоления кризиса. Одним из его первых действий в рамках «100 дней» было объявление так называемых банковских каникул. 5 марта 1933 года банки были закрыты на четыре дня, и за это время были напечатаны 2 млрд долларов [2, с. 8]. Многие банки, которые не пользовались авторитетом в политических кругах, были закрыты, остальные получили поддержку Федеральной Резервной Системы и открылись. Подобная реформа дала импульс к оживлению экономики, но полностью подчинила банковский сектор США политикам, а не законам свободного рынка.

В июне 1933 года Рузвельт подписал закон о восстановлении национальной промышленности (National Industrial Recovery Administration, NIRA). На эти цели выделялось 3,3 млрд долл. из федерального бюджета. Крупные компании поддерживали NIRA, так как это отсекало от рынка малый и средний бизнес. В рамках NIRA были разработаны так называемые кодексы честной конкуренции – всего более 500. В них регулировались такие показатели деятельности, как максимальная продолжительность рабочей недели, максимальная продолжительность рабочего дня, минимальная ставка заработной платы, объемы производства и цены [3, с. 240–241]. В кодексе нефтяной промышленности было написано, что цены на нефть устанавливает лично президент США. Для проведения в жизнь закона была создана National Recovery Administration (NRA), соединяющая в себе исполнительную, законодательную и судебную власть, что позволяло ей блокировать банковские счета и осуществлять принудительную внесудебную ликвидацию компаний.

Было создано 60 кодексов, регулирующих текстильную отрасль, 29 – бумажную отрасль, 56 – производство чугуна и стали, 6 отдельно регулировали полиграфические услуги. Издержки ведения бизнеса увеличились на 40% [1, с. 83]. Экономическое оживление первой половины 1933 года закончилось. В первом полугодии 1933 года промышленное производство выросло на 69%, во втором оно сократилось на 25%, и это сокращение произошло после учреждения NRA [4, с. 90]. Все это вызвало волну обращений предпринимателей в суды, которые принимали оправдательные решения, и привело к тому, что общественность стала воспринимать NRA не иначе как организацию, которая в сущности противоречит принципам конституции США. В 1935 году Верховный суд единогласно признал NRA неконституционной.

Однако Рузвельт стал проталкивать так называемый закон Гаффи–Снайдера. Обращаясь к комиссии, которая должна была определить конституционность закона, Рузвельт заявил: «Надеюсь, ваша комиссия не допустит, чтобы сомнения в конституционности, сколь резонными они ни были, помешали принятию предлагаемого закона» [5, с. 77]. Этот закон предполагал законодательное закрепление 350 000 цен.

Из положительных для состояния экономики США решений можно выделить лишь сокращение тарифа Смута – Хоули, что привело к росту экономики в 1935 г. и отмену «сухого закона». Таким образом, в 1939 году все показатели состояния экономики были хуже, чем в 1929 году, что означало полный провал интервенционистских программ «Нового курса» Рузвельта. Он продлил Великую депрессию, а не вывел Америку из нее. Послевоенный рост был вызван отменой программ «Нового курса», существенным понижением налоговой нагрузки, восстановлением международной торговли и стабилизацией денежного обращения. Значительные перемены начались и в идеологической сфере. Так, конгресс резко сократил государственные расходы: с 44% ВВП в 1944 году до 8,9% в 1947 году, что стало источником роста инвестиций, потребления и предпринимательской активности.

Литература и источники

1. *Далин, С.* Экономическая политика Рузвельта / С. Далин. – Москва : СОЦЭКГИЗ, 1936. – с. 237
2. *Рузвельт, Ф.* Беседы у камина. О кризисе, олигархах и войне / Ф. Рузвельт. – Москва : Алгоритм, 2012. – с. 325
3. *Чернявский, Г. И.* Франклин Рузвельт / Г. И. Чернявский. – Москва : Молодая гвардия, 2012. – с. 542
4. *Шевляков, М. В.* Великая депрессия. Закономерность катастрофы, 1929–1942 / М. В. Шевляков. – Москва : Пятый Рим, 2016. – с. 241
5. *Фолсом, Б.* Новый курс или кривая дорожка? / Б. Фолсом. – Москва : Мысль, 2012. – С. 352.

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ КОЛХОЗОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Изымова Лариса Владимировна

*Доцент кафедры отечественной истории,
кандидат исторических наук, доцент
Вологодский государственный университет
Вологда, Россия
Ilyvologda05@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности трудовых ресурсов колхозов Европейского Севера в период Великой Отечественной войны. Показано, что в экстремальных условиях войны резко сократилось трудовое участие мужчин и возросла роль женского труда. Наряду с трудоспособными членами, в обязательном порядке в колхозное производство были вовлечены подростки – дети колхозников и престарелые члены колхоза.

Ключевые слова: колхоз; колхозное крестьянство; колхозное производство; трудовые ресурсы; Великая Отечественная война.

MANPOWER RESOURCES OF COLLECTIVE FARMS OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Izyumova Larisa Vladimirovna

*Associate Professor, Candidate of Historical Sciences
Vologda State University
Vologda, Russia
Ilyvologda05@rambler.ru*

Abstract. The article deals with the peculiarities of the manpower resources of the collective farms of the European North during the Great Patriotic war. It is shown that in the extreme conditions of war, the labor participation of men sharply decreased, and the role of women's labor increased. Along with able-bodied members, teenagers – the children of collective farmers and the elderly members of the collective farm were necessarily involved in collective farms production.

Keywords: collective farm, the collective-farm peasantry, collective farm production, manpower resources, the Great Patriotic war.

Начавшаяся Великая Отечественная война резко оборвала привычное течение мирной жизни. С первых дней войны происходили масштабные мобилизации в действующую армию мужской трудоспособной части кол-

хозников, что привело к резкому ухудшению качества трудовых ресурсов колхозной деревни. По воспоминаниям очевидцев, кроме стариков, женщин и детей «в деревне оставались мужчины-инвалиды, хотя в то время колхозники не пользовались пособиями по больничным листам, а, значит, им не определялась и инвалидность, т.е. мужчины со слабым здоровьем и не достигшие 18-летнего возраста. В 1942 году ситуация на фронтах складывалась так напряженно, что стали мобилизовывать и всех остальных [мужчин], исключая стариков» [1, с. 31].

Согласно сводным годовым отчетам колхозов, численность трудоспособных мужчин (от 16 до 60 лет), принимавших участие в колхозных работах, сократилась в Архангельской области с 51,4 тыс. чел. в 1940 г. до 14,1 тыс. в 1944 г. (т.е. сократилась в 3,6 раза), в Вологодской области соответственно с 157,5 тыс. до 38,6 тыс. (в 4 раза), в Коми АССР – с 26,5 тыс. до 5,8 тыс. (в 4,6 раза). Удельный вес мужчин трудоспособного возраста в 1944 г. составил в Архангельской области 7% от общего числа колхозников, принимавших участие в колхозных работах, в Вологодской области соответственно 8,8%, в Коми АССР – 6,7% [2, с. 117–119]. В период войны в колхозах Европейского Севера России на долю трудоспособных мужчин приходилось 11–17% всех выработанных трудодней (в довоенный период этот показатель составлял 40–43%) [2, с. 121–124].

В годы войны основной рабочей силой в колхозах были женщины. В колхозном производстве Европейского Севера России роль женщины была весомой уже в предвоенные годы, а в период войны возросла особенно. В экстремальных условиях женщинам пришлось освоить традиционно «неженские» профессии лесорубов, трактористов, комбайнеров, ремонтных рабочих МТС и др., а также заменить мужчин на руководящей работе в общественном хозяйстве. Приведем следующие примеры. С началом Великой Отечественной войны на фронт выбыло до 90% трактористов и комбайнеров, их заменили в основном женщины [3, с. 28]. В целом по стране только за первые полтора года войны вновь было подготовлено около 800 тыс. механизаторов, из них две трети составили женщины. Удельный вес женщин в составе председателей колхозов возрос в Архангельской области с 2,1% в 1940 г. до 10,6% в 1944 г., в Вологодской области соответственно с 3,7% до 19,4%, в Коми АССР – с 0,9% до 18,6%, в целом по РСФСР – с 3,1% до 14,9% [4, л. 39, 83, 85, 86]. Известны случаи, когда женщины заняли должности своих мужей, мобилизованных на фронт. Например, в сентябре 1941 г. председатель колхоза «Большевик» Зарецкого сельсовета Белозерского района Лебедев был призван в армию – колхоз возглавила его жена, которая неплохо справлялась с руководящей работой. В «Справке о состоянии работы с колхозными руководящими кадрами в

Белозерском районе» (март 1942 г.) отмечалось, что этот колхоз «хорошо готовится к зиме», «усиленно проходит заготовка удобрений» [5, л. 38].

Обратимся к анализу трудового участия женщин в колхозном производстве в годы войны. Согласно сводным годовым отчетам колхозов, женщины трудоспособного возраста (от 16 до 55 лет) составили в 1940 г. в Архангельской области 40,9% от общего числа колхозников, принимавших участие в колхозном производстве, в 1944 г. – 38,9%, в Вологодской области соответственно 42,6% и 48%, в Коми АССР – 37,4% и 41,3% [2, с. 117–119]. Женщины-колхозницы Вологодской области выработали в годы войны 60–62% всех трудодней против 48% в 1940 г., в Архангельской области – соответственно 51–58% против 46%, в Коми АССР – 62–66% против 47% [2, с. 121–123].

В годы войны колхозы не могли обойтись без трудового участия нетрудоспособного населения (т.е. подростков в возрасте от 12 до 16 лет и лиц, находящихся за пределами трудоспособного возраста: женщины старше 55 лет и мужчины старше 60 лет). В апреле 1942 г. одновременно с повышением годового минимума трудодней до 100–150 был введен обязательный минимум для подростков от 12 до 16 лет, членов семей колхозников, в размере 50 трудодней в год [6, с. 51].

В 1941–1945 гг. подростки выработывали в Архангельской области 7–10% от общего количества выработанных трудодней (в 1939 г. – 7%), в Вологодской области – соответственно 8–10% (6%), в Коми АССР – 7–9% (5%) [2, с. 121–123].

В годы войны престарелые колхозники выработывали в Архангельской области – 14–19% (в 1940 г. – 16%) от общего количества выработанных трудодней, в Вологодской – соответственно 8–12% (10%), в Коми АССР – 9–11% (7%) [2, с. 121–123].

В условиях войны, несмотря на острый недостаток рабочей силы, деревня оставалась основным источником пополнения трудовых ресурсов промышленных предприятий. Ежегодно для северных колхозов устанавливался план мобилизации сельского населения на лесозаготовки и лесосплав, торфоразработки, в систему трудовых резервов (ремесленные и железнодорожные училища, школы фабрично-заводского обучения). Для выполнения плана мобилизации рабочей силы приходилось «снимать людей с сельского хозяйства и с животноводческих ферм». Так, только за период с ноября 1943 г. по январь 1944 г. в Вологодской области было мобилизовано в промышленность и школы ФЗО 87 596 человек, из них 27 тыс. направлены в другие области. Как следует из докладной записки Вологодского областного комитета партии в ЦК ВКП(б), датированной 2 января 1944 г., к этому периоду колхозы области уже испытывали острый недостаток рабочей си-

ды. В документе особо отмечалось, что «дальнейшая мобилизация колхозников ставит под угрозу выполнение планов сельскохозяйственных работ и развития животноводства...» [7, л. 163].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны резко снизилось качество трудовых ресурсов колхозов. Несмотря на это все силы, вся энергия сельских тружеников были направлена на то, чтобы накормить сражающуюся с врагом армию, обеспечить ее всем необходимым, сделать все возможное, чтобы приблизить окончание войны.

Литература

1. *Виноградова, Г. П.* Воспоминания о войне / Г. П. Виноградова // Историческое краеведение и архивы : материалы областной научной конференции. Вып. 12. – Вологда : Упр. по делам архивов Администрации Волог. обл. : Волог. обл. о-во историков-архивистов, 2006. – Ч. II. – 160 с.

2. *Безнин, М. А.* Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах / М. А. Безнин, Т. М. Димони, Л. В. Изюмова. – Вологда : Вологодский НКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. – 141 с.

3. *Изюмова, Л. В.* Механизаторы в колхозах Европейского Севера России в 1930–1960-е годы: численность, состав, система подготовки / Л. В. Изюмова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2016. – № 5. – С. 25–32.

4. ГА РФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 3436.

5. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 426.

6. *Изюмова, Л. В.* Трудовые ресурсы колхозов Европейского Севера России в 1930–1960-е годы / Л. В. Изюмова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 2 частях. – Тамбов : Грамота, 2016. – № 4 (66), ч. 2. – С. 50–54.

7. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 49.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРРЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА ПРИ РАЗРАБОТКЕ СТРАТЕГИИ УВЕЛИЧЕНИЯ ДОЛИ «ТРАДИЦИОННОГО» СРЕДНЕГО КЛАССА В РЕГИОНЕ

Тулина Таисия Михайловна

Старший преподаватель

Вологодский государственный университет

Вологда, Россия

tutasya@yandex.ru

Аннотация. В работе ключевой акцент сделан на «традиционном» сегменте среднего класса, как факторе развития территории. Описаны два метода развития малого и среднего бизнеса, которые используют органы власти регионов, с целью стимулирования предпринимательской активности. Рассмотрен потенциал каждого из названных методов в Вологодской области. Обоснована связь между уровнем социально-экономического развития конкретного региона и уровнем развития в нем бизнеса.

Ключевые слова: развитие региона, малый и средний бизнес, функции малого и среднего бизнеса, средний класс, Вологодская область.

USING CORRELATION ANALYSIS TO DEVELOP A STRATEGY FOR INCREASING THE SHARE OF THE «TRADITIONAL» MIDDLE CLASS IN THE REGION

Tulina Taisia Mikhailovna

Senior lecturer

Vologda State University

Vologda, Russia

tutasya@yandex.ru

Annotation. The article focuses on the «traditional» segment of the middle class as a factor in the development of the territory. There are two methods of developing small and medium-sized businesses that are used by regional authorities in order to stimulate entrepreneurial activity. The potential of each of these methods in the Vologda region is considered. The connection between the level of socio-economic development of a particular region and the level of business development in it is substantiated

Keywords: regional development, small and medium-sized businesses, functions of small and medium-sized businesses, middle class, Vologda region

Основу современного общества экономически развитых стран составляет многочисленный средний класс, который является важнейшим фактором их развития.

Средний класс неоднороден по своей структуре, выделяют: 1) «традиционный» средний класс – представители малого и среднего бизнеса; 2) «новый» средний класс – наемные работники с высшим образованием и профессией требующей данного уровня образования [1, с. 192].

От количества среднего класса в регионе зависят инвестиционная активность населения, уровень совокупного спроса, состояние бюджета, стабильность всей социально-политической системы в целом и иные важные социально-экономические процессы.

Особый интерес вызывает «традиционный» сегмент среднего класса, так как представители малого и среднего бизнеса (далее МСП), помимо функций среднего класса, выполняют и свои функции в экономике региона: удовлетворяют спрос населения на товары и услуги; создают конкуренцию, сдерживая инфляцию; диверсифицируют местную экономику; обеспечивают занятость населения. Доходы от предпринимательской деятельности являются источником формирования доходов экономически активного населения [2, с. 196–215; 3, с. 378–382; 4]

Региональные власти в большей степени несут ответственность за эффективность развития МСП, чем федеральные потому, что находятся в непосредственном контакте с представителями бизнеса. Кроме того, региональные власти в большей степени заинтересованы в эффективном его развитии, что обусловлено функциями, которые МСП выполняет на своей территории.

В этой связи интерес представляет исследование развития бизнеса в конкретном регионе. Для примера рассмотрим динамику доходов населения Вологодской области от предпринимательской деятельности (рис. 1). Эти данные позволяют уточнить тенденции развития «традиционного» среднего класса в регионе.

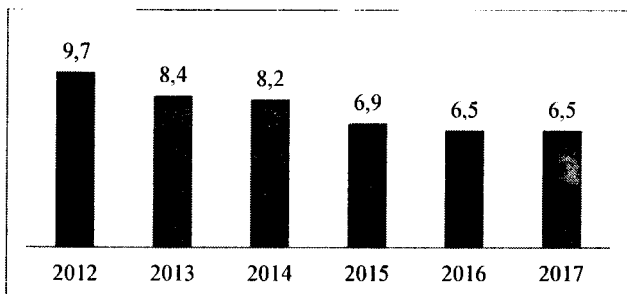

Рис. 1. Процент доходов населения Вологодской области от предпринимательской деятельности к общей сумме доходов населения (годы) [5]

Как видно из рисунка, доля граждан, которые получают доход от предпринимательской деятельности в Вологодской области, систематически сокращается, отсюда следует вывод о наличии тенденции сокращения в регионе доли «традиционного» среднего класса, а также о необходимости разработки стратегии по увеличению его численности.

МСП и региональные экономические системы находятся между собой в тесной взаимосвязи и взаимодействии [6]. И здесь важно определиться с тем, что первично: степень развития МСП по отношению к уровню социально-экономического развития региона или наоборот, эффективное развитие региональной экономики по отношению к развитию МСП.

Поэтому можно выделить две стратегии роста «традиционного» среднего класса в регионе. В соответствии с первой, органы государственной власти стимулируют развитие предпринимательства с помощью различных форм его поддержки, рассчитывая, что от показателей развития малого бизнеса зависит экономический успех региона [7].

В соответствии со второй, органы государственной власти в первую очередь решают вопросы, связанные ростом ВРП и увеличением доходов населения, рассчитывая, что тогда бизнес начнет развиваться самостоятельно без государственного стимулирования.

Рассмотрим каждую стратегию отдельно.

Как было сказано выше, региональные власти имеют больше административных и реальных компетенций в данном вопросе, чем федеральные, так как находятся с малым бизнесом в непосредственном контакте. Для региона качество развития малого бизнеса является одним из основных факторов, определяющих его устойчивое социально-экономическое развитие.

Органы государственной власти Вологодской области также используют различные методы поддержки и стимулирования МСП. Инфраструктура поддержки МСП в вологодском регионе при Департаменте экономического развития Вологодской области включает: Агентство городского развития; Фонд ресурсной поддержки МСП; Общественный координационный совет по развитию малого и среднего предпринимательства области; Бизнес-инкубатор; Региональный центр поддержки предпринимательства Вологодской области [8].

В Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 г. в п. 6.6. «развитие предпринимательства и делового климата» ставится ряд задач и целей, которые способствуют его росту [9].

Но, несмотря на все усилия региональной власти, доходы населения от предпринимательской деятельности в относительном выражении сокращаются (см. рис. 1). В абсолютном выражении доходы от предпринимательской деятельности 6 лет также не увеличиваются (рис. 2).

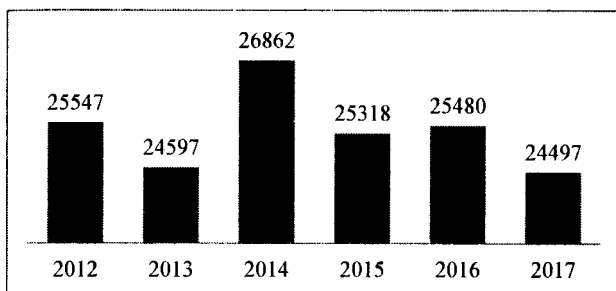

Рис. 2. Сумма доходов населения Вологодской области от предпринимательской деятельности (млн руб.) [5]

Таким образом, связь между стимулированием бизнеса со стороны региональной власти и уровнем его развития в регионе прослеживается весьма слабо.

Рассмотрим вторую стратегию роста «традиционного» среднего класса в регионе. Для этого обратимся к социально-экономическим показателям развития области (табл. 1)

Таблица 1

Социально-экономические показатели Вологодской области в динамике (годы) [5]

Годы/показатели	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Индекс физического объема ВРП, в % к предыдущему году	104,8	95,7	103	101,3	100,1	100,6
Реальные денежные доходы населения, в % к предыдущему году	110,6	105,6	102,4	97,1	99,7	93,6

Для определения взаимосвязи между уровнями социально-экономического развития региона и развития бизнеса был использован корреляционный анализ. В частности, был проведен анализ тесноты связи между динамикой социально-экономических показателей региона и уровнем развития бизнеса. Результаты расчетов представлены в табл. 2.

Анализ показывает, что на развитие предпринимательской деятельности оказывает прямое и достаточно сильное воздействие уровень социально-экономического развития региона, чего нельзя сказать о влиянии форм и методов государственной поддержки предпринимательства.

Коэффициенты корреляции между уровнем развития малого и среднего бизнеса в регионе и социально-экономическими показателями региона 2012–2017 гг.

Показатели	Доходы от предпринимательской деятельности, в % к общей сумме доходов	Доходы населения от предпринимательской деятельности, руб.
Динамика реальных денежных доходов населения, % к предыдущему году	0,937	0,259
Динамика физического объема ВРП, % к предыдущему году	0,313	0,608

Закономерный вывод: бизнес развивается тогда, когда происходит рост доходов населения соответствующей территории и улучшаются ее социально-экономические показатели. Поэтому обеспечению ускоренного роста «традиционного» среднего класса в регионах страны будет в большей степени способствовать использование второй стратегии, но важность первой стратегии в условиях кризиса отрицать не будем.

Литература

1. *Гидденс, Э.* Социология / Э. Гидденс. – Москва : Едиториал УРСС. – 1999. – 704 с.

2. *Bartz, W.* Flexible or fragile? The growth performance of small and young businesses during the global financial crisis – Evidence from Germany / W. Bartz, A. Winkler // *Journal of Business Venturing*. – 2016. – Т. 31, №. 2. – С. 196–215.

3. Малый бизнес как фактор устойчивого регионального развития / А. Б. Харзинов, С. А. Махошева, С. В. Галачиева // *Вопросы экономики и права*. – 2010. – № 30. – С. 378–382.

4. *Петренко, Н. Н.* Анализ и оценка социально-экономической эффективности малого предпринимательства : специальность 08.00.05 : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Петренко Наталья Николаевна. – Ставрополь, 2005. – 195 с.

5. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. – URL: http://vologdastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/vologdastat/resources/9fbbde004404ab7a8f08cfd92111eac8/%D0%A1%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2+%D0%94%D0%94.htm (дата обращения: 04.12.2019). – Текст : электронный.

6. *Трофимов, С. Б.* Активация сферы малого предпринимательства как фактор развития экономики региона / С. Б. Трофимов // *Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем : материалы V Всероссийской научно-практической конференции*. – Уфа : ИСЭИ УНЦ РАН, 2011. – С. 125–129

7. Колесникова, Л. А. Предпринимательство и малый бизнес в современном государстве: управление развитием : монография / Л. А. Колесникова. – Москва : Новый Логос, 2000. – 290 с.

8. Портал экономического развития Вологодской области. – URL: <http://economy.gov35.ru/departments/> (дата обращения: 13.12.19). – Текст : электронный.

9. Стратегия социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года пункте. – URL: <https://vologda-oblast.ru/upload/iblock/cfe/strategiya2030.pdf> (дата обращения: 13.12.19). – Текст : электронный.

УДК 338.48(470.12)

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Крюков Иван Алексеевич

Студент

Вологодский государственный университет

Вологда, Россия

ivan.kryukov.1974@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается положение туризма в Вологодской области, отражены главные туристические центры, выделены главные проблемы этого сектора экономики и предложены пути их решения.

Ключевые слова: Туризм; туристическая инфраструктура; профессиональные кадры; привлечение туристов; народные промыслы.

DEVELOPMENT OF TOURISM IN THE VOLOGDA REGION

Kryukov Ivan Alekseevich

Student

Vologda state University

Vologda, Russia

ivan.kryukov.1974@mail.ru

Abstract. The article considers the situation of tourism in the Vologda region, reflects the main tourist centers, highlights the main problems of this sector of the economy and suggests ways to solve them.

Keywords: Tourism; tourism infrastructure; professional staff; attraction of tourists; folk crafts.

Туризм является одной из важнейших сфер развития экономики региона. В 2019 году около трех миллионов туристов посетили Вологодскую область. Вологда, Великий Устюг и Череповец приняли большее количество туристов. Кирилловский, Великоустюгский, Вологодский, Тотемский, Шекснинский, Белозерский, Вытегорский, Череповецкий и Вологодский районы также имеют достаточно высокий поток туристов.

В последнее время большое развитие получил кластерный туризм. В Вологодской области уже действует три крупных туристических кластера: «Насон-город», центр отдыха и туризма «Y.E.S.» и городская центральная набережная в Череповце. В настоящее время активно развиваются следующие туристические проекты: «Живые уроки», «Серебряное ожерелье России», «Русские усадьбы», «Великий Устюг – родина Деда Мороза», «Череповец – горячее сердце Русского Севера».

В валовом исчислении дохода от туризма наша область занимает 9 место среди всех субъектов Российской Федерации. Из трех миллионов туристов, посетивших нашу область в 2018 году, 72% выбрали культурный отдых: посещение достопримечательностей, музеев, участие в экскурсиях. В 2019 году туризм принес в бюджет области порядка 400 миллионов рублей, что составляет 3,5% валового регионального продукта [1].

Сейчас в области несколько перспективных направлений развития туризма. Это Великий Устюг (Родина Деда Мороза), Кириллов (Кирилло-Белозерский монастырь) и Вытегра (природные объекты – Онежское озеро, исчезающее Шимозеро) и другие.

Родина Деда Мороза по-прежнему остается самым посещаемым туристическим местом Вологодчины – почти 340 тысяч россиян и иностранцев побывали в гостях у Зимнего Волшебника в течение года. В Кириллове количество посещений составляет порядка 300 тысяч в год. Маршрут в Вытегру пока только набирает популярность, однако ожидается, что после реализации всех инфраструктурных и информационных проектов, сюда ежегодно будут приезжать около 100 тысяч туристов. [2]

Несмотря на достаточно успешное развитие туризма в регионе, существует ряд проблем:

Слабо развитая туристическая инфраструктура

Если в областной столице, где транспортная сеть (в том числе и воздушная и железнодорожная), сеть гостиниц и мест общественного питания развита достаточно неплохо, то ситуация в районах гораздо хуже. Одной из главных проблем в этой сфере является дорожная инфраструктура. Дорожная сеть и состояние дорог оставляют желать лучшего. Также нельзя не отметить слабо развитую придорожную инфраструктуру (АЗС, придорожные кафе, гостиницы и т.д.). Работа по устранению проблем ведется. Регулярно производят ремонт дорожного покрытия, но здесь встает вопрос о качестве

этого ремонта. В Великом Устюге, главном зимнем туристическом центре области, ведется ремонт аэропорта, расширяются взлетно-посадочной полосы.

Нехватка профессиональных кадров

Работа по решению данной проблемы ведется двумя главными вузами области: Вологодским государственным университетом и Череповецким государственным университетом. В ВоГУ осуществляется подготовка бакалавров по направлениям «Туризм» и «Гостиничное дело». ЧГУ также готовит бакалавров по направлению «Туризм» и осуществляет подготовку по направлению «Рекреация и спортивно-оздоровительный туризм». Подготовка новых кадров должна обеспечить эту сферу экономики хорошим будущим.

Слабо развита реклама по привлечению туристов в регион

Работа в этом направлении ведется наиболее активно. В Туристическо-информационном центре Вологодской области разработан паспорт туриста, в котором отмечены наиболее интересные места области для посещения туристами. Для решения этой проблемы было разработано приложение для смартфона, которое помогает гостям областной столицы ближе познакомиться с ее достопримечательностями. При наведении камеры на недавно построенные дома человек сможет увидеть, как место выглядело в старину. Это приложение позволит всем желающим узнать историю самостоятельно и не тратить финансовые и временные ресурсы на гида. Нельзя не отметить, что активная работа по привлечению туристов ведется с помощью СМИ и Интернета.

Гибель народных ремесел и промыслов

Главной проблемой здесь является слабая поддержка людей, поддерживающих народные ремесла, со стороны государства и муниципалитетов. Серьезный удар по народным промыслам и ремеслам нанес так называемый закон о маркировке, введенный в 2019 году.

Туризм – одно из самых важных направлений развития экономики в области. Успешное решение проблем, описанных выше, а также поиск и развитие новых туристических центров может вывести туризм в Вологодской области уровень гораздо выше нынешнего. Для этого есть все условия.

Источники

1. Вологодская область в цифрах. 2018 : краткий статистический сборник. – Вологда : Вологдастат, 2019. – 148 С.

2. Вологодская область / Федеральное агентство по туризму. – URL www.russiatourism.ru/regions/?freg=225 (дата обращения 30.11.2019). – Текст : электронный.

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЫПУСКНИКОВ
ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Борисова Ирина Владимировна

Старший преподаватель

Вологодский государственный университет

Ступина Марина Владимировна

Доцент, кандидат экономических наук

Вологодский государственный университет

Вологда, Россия

bia35@mail.ru

Аннотация. Начиная свой профессиональный путь, выпускники вузов сталкиваются с трудностями, связанными с трудоустройством и адаптацией к новым условиям работы. Получив профессию, они не всегда могут реализовать свой потенциал в той или иной сфере. Проблема трудоустройства молодежи не является односторонней, а касается как выпускника, так и работодателя.

Ключевые слова: трудоустройство; выпускники; работодатель; занятость; конкурентоспособность.

**PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF EMPLOYMENT
OF GRADUATES OF THE VOLOGDA STATE UNIVERSITY**

Borisova Irina Vladimirovna

Senior Lecturer

Vologda State University

Stupina Marina Vladimirovna

Associate Professor econ. Sciences

Vologda State University

Vologda, Russia

bia35@mail.ru

Abstract. Starting their professional path, university graduates face difficulties associated with finding a job and adapting to new working conditions. Having received a profession, they cannot always realize their potential in one or another sphere. The problem of youth employment is not one-sided, but concerns both the graduate and the employer.

Keywords: employment; Graduates; employer; employment; competitiveness.

Проблема трудоустройства выпускников высших учебных заведений – одна из самых серьезных молодежных проблем в современных условиях. По данным отчета о социально-экономическом положении, в августе 2019 года каждый четвертый безработный в России – молодой человек в возрасте до 25 лет, средний уровень безработицы по стране среди молодежи до 25 лет составил 24,0%, средний возраст безработных – 35,5 лет [1].

Молодым специалистам после окончания вуза неизбежно приходится сталкиваться с различными сложностями на рынке труда. Получив профессию, они не всегда могут реализовать свой потенциал в той или иной сфере, так как не умеют самостоятельно искать работу, проводить переговоры, планировать свой профессиональный путь [2].

По данным региональной службы занятости населения, 97,1% выпускников Вологодского госуниверситета сразу находят себя на рынке труда. В других классических вузах этот показатель равен 56,8%.

В 2018 году по критерию востребованности студентов Вологодский университет в рейтинге проекта «Социальный навигатор» МИА «Россия сегодня» занял 31 место среди 444 вузов страны. При этом ВоГУ «обошел» классические вузы ближайших регионов – Костромской ГУ, САФУ им. М.В. Ломоносова в Архангельске, Ярославский госуниверситет им. П.Г. Демидова. Всего в список вошли 87 классических университетов [3].

Выпускники Вологодского государственного университета трудятся во многих отраслях экономики Северо-Западного региона, занимают достойную нишу в сфере образования, являются руководителями предприятий, организаций, учреждений, органов власти различных уровней, составляют основной костяк бизнес-сообщества и властных структур Вологодской области.

Стоит отметить, что проблема трудоустройства молодежи не является односторонней, а касается как выпускника, так и работодателя.

Для анализа удовлетворенности работодателей качеством профессиональной подготовки выпускников в 2018 году отделом практик и трудоустройства ВоГУ был проведен опрос работодателей. В процессе проведения анкетирования было опрошено 425 организаций, учреждений и предприятий Вологодской области.

При оценке степени удовлетворенности работодателей уровнем конкурентоспособности выпускников ВоГУ важным фактором является потребность организаций в молодых специалистах и желание принимать их на работу. 98% респондентов отметили, что выпускники университета работают в их организации. Большинство выпускников трудоустроилось по собственной инициативе (86%), 5% – в рамках сотрудничества организации с ВоГУ, 9% – через государственную службу занятости, в рамках целевой подготовки – 0%.

Согласно проведенному опросу, 46% респондентов уже принимают студентов ВоГУ к себе на практику и стажировки, 33% – сотрудничают с

конкретными кафедрами. 9% опрошенных работодателей принимают участие в организации научно-исследовательской работы студентов, 4% – в образовательном процессе, 15% – принимают участие в ярмарках вакансий, днях карьеры, 4% – ведут непосредственное трудоустройство по заявкам.

Работодатели организаций и фирм заинтересованы в совместной исследовательской, проектной и инновационной работе (42% опрошенных), 23% – заинтересованы в консультациях с сотрудниками ВоГУ по вопросам работы, 24 % – в участии в формировании заказа на подготовку специалистов, 11% – в участии в формировании заказа на открытие новых специальностей.

Мы видим, что респонденты осознают важность и необходимость готовить свои будущие кадры уже в процессе обучения, так как это снижает затраты работодателя на переобучение молодого специалиста, только что пришедшего с университетской скамьи, способствует его быстрой адаптации в коллективе. Подобное сотрудничество вуза и трудоустраивающей организации выгодно также и для студентов, мотивируя их на получение профессии, планирование своего будущего.

Уровень конкурентоспособности выпускников вуза на региональном рынке труда считают высоким 61% опрошенных, 35% – средним, затруднились ответить – 4%. Опрос работодателей показал, что 28% из них предпочитают нанимать на работу выпускников ВоГУ, 72% ответили, что для них не имеет значения какой вуз закончил выпускник, главное – его специальность.

Исследуя конкурентоспособность будущих специалистов, неизбежно сталкиваемся с проблемой: чего же не хватает для достижения высокого профессионального уровня выпускникам ВоГУ?

Работодатели определили те профессиональные навыки и знания, личные качества, которых не хватает или которые слабо выражены у наших выпускников. 60% работодателей считают, что выпускникам ВоГУ не хватает готовности к практической деятельности, 37% – самостоятельности и инициативы, 7% – связи с реальными потребностями организации, 19% – ответственности, 11% – базовых теоретических знаний по профессии. Все устраивает – 18% опрошенных. При этом только 12% работодателей отметили, что у них существуют претензии к качеству подготовки специалистов, 66% – не существует, 14% – претензии возникают иногда и 8% – очень редко. 38% опрошенных отметили, что на сегодняшний день у них есть вакансии для выпускников ВоГУ, а 50% – вакансии сейчас нет, но могут появиться, 12% – вакансий нет.

Таким образом, на региональном рынке труда, представленном в данном исследовании, выпускники ВоГУ в целом востребованы и успешно трудоустраиваются.

Также в 2018 году отдел практик и трудоустройства ВоГУ провел опрос выпускников университета. Целью данного исследования являлось выявить тенденции трудоустройства выпускников.

В данном опросе приняли участие 1094 выпускников очного отделения (из них 61% – женщины, 39% – мужчины).

На вопрос: «Как Вы оцениваете свои шансы на трудоустройство сразу после окончания вуза?» почти 40% выпускников ответили, что существует риск не трудоустроиться, 32% выпускников – есть варианты трудоустройства, около 11% – уже работают, 8% – планируют прохождение стажировки, 9% – организовать собственное дело. Большинство опрошенных (более 80%) выразило готовность искать работу по специальности.

Работа в г. Вологде названа желательной 60% опрошенных, 15% – планировали уехать в другой регион России, 12% – планировали трудоустроиться в одном из районов Вологодской области, 3% – в другой стране.

Выпускникам было предложено оценить уровень сформированности общепрофессиональных компетенций по пятибалльной шкале. Большинство опрошенных (60%) считают, что общепрофессиональные компетенции сформированы у них «хорошо», 36% – «отлично» и только 3% – «удовлетворительно», менее 1% – «неудовлетворительно».

Таким образом, большая часть выпускников удовлетворены выбором специальности и выражают свою удовлетворенность качеством полученного образования. Оценивая перспективы трудоустройства, большинство студентов определили свою уверенность в устройстве на работу после окончания обучения. Большинство опрошенных выразило готовность искать работу по специальности, 19% выпускников выразили желание продолжать обучения в магистратуре.

Литература

1. Трудовые ресурсы. – URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d04/13.htm (дата обращения: 28.02.2020). – Текст : электронный.
2. Мурзина, И. В. Проблема трудоустройства современной молодежи (на примере выпускников Иркутской области) / И. В. Мурзина // Наука. Общество. Образование : материалы всероссийской научно-практической конференции, февраль 2017 г. – URL: <https://distant.posidpo.ru/wp/?p=4842> (дата обращения: 28.02.2020). – Текст : электронный.
3. Вологда. РФ. – URL: <https://вологда.рф/news/education/26964/> (дата обращения: 28.02.2020). – Текст : электронный.

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В РАЗВИТИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Трудов Владислав Юрьевич

Студент

Вологодский государственный университет

Вологда, Россия

pirat-008@mail.ru

Аннотация. В работе представлен анализ конкурентных преимуществ Вологодской области, исходя из ее ресурсного потенциала в развитии определенных отраслей промышленности на ее территории, а именно в развитии лесопромышленного комплекса и машиностроения. На основе сделанных выводов и плана импортозамещения Министерства промышленности и торговли даны рекомендации по производству конкретной продукции в Вологодской области.

Ключевые слова: Вологда; Россия; промышленность; развитие; машиностроение; лесопромышленность; импортозамещение.

THE ANALYSIS OF THE COMPETITIVE ADVANTAGE OF VOLOGDA OBLAST IN INDUSTRIAL DEVELOPMENT

Trudov Vladislav Yurievich

Student

Vologda State University

Vologda, Russia

pirat-008@mail.ru

Abstract. The study analyzes the competitive advantage of Vologda Oblast in the industrial sector, namely, the development of forestry and mechanical engineering. Based on the research results and the import substitution plan of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation, some recommendations on the production of specific products in Vologda Oblast are made.

Keywords: Vologda; Russia; industry; development; engineering; forestry; import-substitution.

Актуальность темы исследования. Сегодня промышленное производство обеспечивает нас всем необходимым: жильем (производство строительных материалов), автомобилями, компьютерами, телефонами, продуктами питания и т.д. Оно является движущей силой развития науки, техники и других направлений. Обороноспособность государства в немалой степени зависит от развития промышленности.

Структура экспорта и импорта России говорит о кризисном состоянии отечественной промышленности, ее неконкурентоспособности. Россия активно продает полезные ископаемые (топливо-энергетические товары) и закупает высокотехнологическую продукцию (машины, приборы и транспортные средства) [1].

Ситуация в Вологодской области, возможно, выглядит лучше, но в целом схожа с общероссийской. Наша область импортирует за рубеж «Металлы и изделия из них» (черные металлы) и «Продукцию химической промышленности» (удобрения), а ввозит «Машины, оборудование и аппаратуру» [2, с. 147–148].

Таким образом, проблема развития в стране и области наукоемких отраслей промышленности является одной из важнейших.

Цель работы – определение видов товаров, размещение производств которых на территории Вологодской области с финансовой точки зрения было бы более целесообразным, чем в других областях, исходя из ресурсного потенциала региона.

Научная новизна проекта заключается в том, что работы, где был бы проведен анализ конкурентных преимуществ Вологодской области перед другими регионами и/или даны рекомендации по развитию конкретных направлений производства, нет или таковая отсутствует в открытом доступе.

В 2014 году, в связи с обострением политической ситуации в мире, введением странами Запада санкций против России и ответной реакцией российского правительства, встал вопрос об импортозамещении иностранной продукции. С этой целью с 2014 года Министерство промышленности и торговли стало разрабатывать планы мероприятий по импортозамещению в различных отраслях промышленности [3]. Используя эти планы, мы можем определить, какую импортозамещающую продукцию в Вологодской области было бы выгодно производить.

В своем исследовании мы рассматривали продукцию лесной промышленности и машиностроения, так как эти отрасли тесно связаны с хорошо развитыми в области лесопромышленным комплексом и металлургией.

В результате исследования мы определили, что в Вологодской области целесообразно развивать лесную промышленность и машиностроение, так как наш регион является одним из лидеров по производству в лесопромышленном комплексе и металлургии, потребителем продукции которой является, прежде всего, машиностроение.

Изучив потенциал развития этих отраслей в Вологодской области, мы пришли к выводу, что в лесной промышленности в Европейской части России, где находится основная доля потребителей продукции этой отрасли, она уступает только Ленинградской и Московской областям. Преимущества Вологодской области перед этими регионами заключаются в объемах лесных ресурсов и уровне обеспеченности транспортной сетью.

По объему производства машин и оборудования Вологодская область находится очень далеко от регионов-лидеров. Но по потенциалу развития догоняет и перегоняет двоих из них – Калужскую и Калининградскую области. Главным преимуществом Вологодской области является развитость металлургического производства, что заставляет нас ориентироваться в основном на металлоемкие отрасли машиностроения: тяжелое, нефтегазовое и энергетическое. Также в Европейской части России располагается основная часть потребителей продукции машиностроения, что дает преимущество нашей области перед Свердловской.

Таким образом, основываясь на результатах проведенного исследования и пользуясь планами импортозамещения, мы выбрали ряд продуктов, которые было бы выгодно производить в Вологодской области (табл. 1).

Таблица 1

Рейтинг лесопромышленной и машиностроительной продукции

№	Технологическое направление (продукт, технология)	Фактический показатель доли импорта до реализации проекта, %	Число регионов импортеров в Европейской части России (из 7 основных), ед.	Интегральный показатель
Продукция лесопромышленного комплекса				
1.	Целлюлоза древесная, растворимые сорта; целлюлоза древесная натронная или сульфатная (вискозное волокно)	100,00	7	1
2.	Крафт бумага (кроме используемой для письма, печати или прочих графических целей), мелованная каолином или прочими неорганическими веществами	90,00	7	2
3.	Бумага и картон для письма, печати и прочих графических целей, мелованные каолином или прочими неорганическими веществами	95,00	6	2
Продукция машиностроительного комплекса				
1.	Холодильные компрессоры	100,00	6	1
2.	Криогенные насосы для перекачки СПГ, в том числе насос отгрузки СПГ погруженного типа с электродвигателем	95,00	6	1,5
3.	Карьерные электрические экскаваторы класса 45–60 куб. м; гидравлические карьерные экскаваторы; погрузчик ковшовой шахтный ПКШМ	100,00	5	1,5

№	Технологическое направление (продукт, технология)	Фактический показатель доли импорта до реализации проекта, %	Число регионов импортеров в Европейской части России (из 7 основных), ед.	Интегральный показатель
4.	Пластинчаторебристые теплообменники; спиральновитые теплообменники для средне- и крупнотоннажного производства СПГ	100,00	4	2
5.	Лифты, обеспечивающие скорость движения кабины более 2 м/с	100,00	4	2
6.	Специальные башенные краны грузоподъемностью 40 тонн и более	100,00	4	2
7.	Турбины газовые, кроме турбореактивных и турбовинтовых (мощностью 35 МВт и более)	100,00	4	2

Из таблицы 1 видно, что по интегральному показателю, учитывающему фактический показатель доли импорта и число регионов-импортеров в Европейской части России, наиболее целесообразно производить «целлюлозу древесную, растворимые сорта; целлюлозу древесную натронную или сульфатную (вискозное волокно)» (интегральный показатель – 1), так как они полностью ввозятся из-за рубежа и все основные потребители находятся в Европейской части России. Наиболее выгодной для производства в Вологодской области из машиностроительной продукции являются «холодильные компрессоры» (интегральный показатель 1), которые полностью ввозятся из-за рубежа и имеют наибольшее количество регионов-потребителей в Европейской части России.

Литература

1. Экспорт и импорт Российской Федерации по товарам. – Текст : электронный // Федеральная таможенная служба. – URL: <http://customs.ru/folder/502> (дата обращения: 08.01.2020).
2. Вологодская область в цифрах. 2018 : краткий статистический сборник. – Вологда : Вологдастат, 2019. – С. 148.
3. Отраслевые планы импортозамещения. – Текст : электронный // Минпромторг России. – URL: <https://gisp.gov.ru/plan-import-change/> (дата обращения: 08.01.2020).

ОСОБЕННОСТИ «УМНЫХ» ТЕХНОЛОГИЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

Королева Елена Николаевна

*Профессор, доктор экономических наук, профессор
Самарский государственный экономический университет
Самара, Россия
korol388@mail.ru*

Косарева Мария Игоревна

*Магистрант
Самарский государственный экономический университет
Самара, Россия
kosareva.masha9@gmail.com*

Аннотация: В рамках исследования смарт-технологий раскрыты преимущества и ограничения концепции управления «умным городом»; артикулирована необходимость разработки инструментов управления процессами рационализации роста городов, использующих технологию «умной урбанизации».

Ключевые слова: умные технологии; региональное управление; умный город; когнитивный город; умная урбанизация

FEATURES OF «SMART» TECHNOLOGIES IN REGIONAL MANAGEMENT

Koroleva Elena Nikolaevna

*Professor, Doctor of Economics, Professor
Samara State University of Economics
Samara, Russia
korol388@mail.ru*

Kosareva Maria Igorevna

*Master Student
Samara State University of Economics
Samara, Russia
kosareva.masha9@gmail.com*

Abstract. As part of the study of smart technologies, the advantages and limitations of the smart city management concept are revealed; articulated the need

to develop tools for managing the processes of rationalizing the growth of cities forming the technology of «smart urbanization».

Keywords: smart technologies; regional government; smart city; cognitive city; smart urbanization

Прогресс всеобщего развития и глобализация создают для человечества новые источники инноватизации общества. Развитие современных технологий, появляющихся во всех сферах его жизнедеятельности сегодня неизбежно.

В качестве своеобразного категориального уровня обозначения всех современных технологий могут выступать смарт-технологии (умные технологии) как наименование всего перечня аналогичных технологий с другими названиями [1].

Относительно проблематики регионального управления наиболее часто упоминаемой и исследуемой сегодня в теоретическом и практическом аспектах является концепция управления «умным городом». В ее рамках рассматриваются особенные свойства и функции «умных городов» (умные технологии, умные люди и умное сотрудничество); инновационные технологии управления городским хозяйством; открытость и эффективность как принципы умного городского управления.

И хотя сам термин «умный город» (smart-city) трактуется достаточно широко, большинство ведущих международных исследовательских организаций и технологических компаний разделяют общее видение концепции «умный город» [2].

С одной стороны, урбанизация по модели «умного города» представляется наиболее эффективным вариантом стратегического планирования, позволяющим достигнуть ряда взаимосвязанных позитивных эффектов [3]. Согласно результатам исследования по оценке перспектив распространения концепции «умного города» в России [4], городские команды позитивно воспринимают рассматриваемую идею как основу для стратегий городского развития, однако возможность ее практического применения связывают преимущественно со средне- или долгосрочной перспективой.

С другой стороны, широко обсуждаются противоречия умного города: несовместимость с неформальным характером города, подчинение города корпоративной власти, воспроизводство социального и городского неравенства, городское воплощение общества контроля [5].

Несмотря на то, что умные города находятся на стадии становления, например, в России, новым трендом в управлении региональным развитием становятся когнитивные (нейронные) города (cognitive City) [6, с. 160].

Проблемы, вызванные ускоренной урбанизацией, в основе которых лежат: негативные внешние эффекты, эффект расползания города, эффект

убывающей предельной полезности от концентрации различных видов ресурсов [7, с. 135], требуют разработки инструментов управления процессами рационализации роста городов, которые в системе формируют технологию «умной урбанизации».

Литература

1. *Ардашкин, И. Б.* Смарт-технологии как феномен: концептуализация подходов и философский анализ. Являются ли смарт-технологии действительно умными? / И. Б. Ардашкин. – Текст : электронный // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – №43. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-tehnologii-kak-fenomen-kontseptualizatsiya-podhodov-i-filosofskiy-analiz-yavlyayutsya-li-smart-tehnologii-deystvitelno-umnymi> (дата обращения: 12.11.2019).

2. Технологии для умных городов : доклад. Фонд «Центр стратегических разработок Северо-Запад». – Санкт-Петербург, 2017. – URL: http://www.csr-nw.ru/files/publications/doklad_tehnologii_dlya_umnyh_gorodov.pdf (дата обращения: 14.09.2019). – Текст : электронный.

3. *Гаврикова, К. В.* Интеграция концепции «умного города» в российскую систему стратегического управления городским пространством / К. В. Гаврикова, М. С. Григорьева. – Текст : электронный // Общество: политика, экономика, право. – 2018. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-kontseptsii-umnogo-goroda-v-rossiyskuyu-sistemu-strategicheskogo-upravleniya-gorodskim-prostranstvom> (дата обращения: 12.01.2020).

4. *Boykova, M.* The Smart City Approach as a Response to Emerging Challenges for Urban Development / M. Boykova, I. Ilina, M. Salazkin. – DOI: 10.17323/1995-459X.2016.3.65.75. – Text : Electronic // Foresight and STI Governance. – 2016. – Vol. 10, no 3. – P. 65–75. – URL: <https://foresight-journal.hse.ru/data/2017/06/14/1170591062/6-%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B0-65-75.pdf> (дата обращения 21.05.2020).

5. *Krivy, M.* Towards a critique of cybernetic urbanism: The smart city and the society of control / M. Krivy. – DOI: 10.1177/1473095216645631 // Planning Theory. – 2018. – Vol. 17 (1). – P. 8–30.

6. *Королева, Е. Н.* Перспективы реализации концепции «умный город» в российских муниципалитетах / Е. Н. Королева // Вызовы и тенденции развития местного самоуправления : материалы X Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 550-летию образования города Чебоксары (Чебоксары, 08 февраля 2019 г.). – Чебоксары : Новое время, 2019. – С. 157–161.

7. *Павлов, Ю. В.* Развитие городских агломераций: проблемы и решения / Ю. В. Павлов. – DOI: 10.22394/2071-2367-2019-14-5-112-140 // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Т. 14, № 5. – С. 112–140.

СЕКЦИЯ № 2. ГОСУДАРСТВО, ЦЕРКОВЬ, ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

УДК 94(430)«1355/1378»

«ПАРАД СУВЕРЕНИТЕТОВ» В СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ XIV В. «PRIVILEGIUM MAIUS» РУДОЛЬФА IV ГАБСБУРГА ПРОТИВ «ЗОЛОТОЙ БУЛЛЫ» КАРЛА IV ЛЮКСЕМБУРГА

Спирина Татьяна Юрьевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия

spirina-ty@yandex.ru

Аннотация. Священная Римская империя в середине XIV в. представляла собой сложную политическую структуру из разрозненных и полунезависимых княжеств, взаимоотношения которых с властью постоянно колебались от союза до открытой вражды. Политические устремления князей часто шли вразрез с планами императора. Ярким примером этого стал конфликт между императором Карлом IV Люксембургом и герцогом Австрии Рудольфом IV Габсбургом. Свое отражение событие нашло в двух документах – императорской «Золотой булле» 1356 г. и «Privilegium majus» – ответной грамоте австрийского герцога. Содержание статьи сводится к рассмотрению положений обоих документов и целей, которых добивались император и герцог при их издании.

Ключевые слова: Золотая булла; курфюрст; Privilegium Maius; Privilegium Minus; Карл IV; Рудольф IV Габсбург; Священная Римская империя.

«PARADE OF SOVEREIGNTIES» IN THE HOLY ROMAN EMPIRE IN THE MIDDLE OF THE XIV CENTURY RUDOLF IV DUKE OF AUSTRIA'S «PRIVILEGIUM MAIUS» VERSUS EMPEROR CHARLES' IV «THE GOLDEN BULL»

Spirina Tatiana Yuryevna

Lomonosov Moscow State University,

Moscow, Russia

spirina-ty@yandex.ru

Abstract. In the middle of 14th century the Holy Roman Empire was a complex political structure of disparate and semi-independent principalities, whose

relationships with the central government constantly fluctuated from union to hostility. The political aspirations of the princes often went against the plans of the emperor. A striking example of this was the conflict between Emperor Charles IV of Luxembourg and Rudolf IV of Habsburg, the Duke of Austria. The event is reflected in two documents – the imperial «Golden Bull» of 1356 and «Privilegium maius» – the response letter of the Austrian Duke. The content of the article is reduced to the consideration of the provisions of both documents and the goals that the emperor and the duke sought in their publication.

Keywords: Golden Bull; Prince-electors; Privilegium Maius; Privilegium Minus; Charles IV; Rudolf IV of Habsburg; Holy Roman Empire.

В 1356 г. император Карл IV издает закон, вошедший в историю под названием «Золотая булла» [1]. Создавая эту буллу, Карл преследовал сразу несколько целей, прежде всего – решить проблемы, создававшие прецеденты с выборами императора и способствовавшие соперничеству курфюрстов друг с другом. Для этого он закрепляет право участия в выборах за правителями определенных земель, с которыми «Карла связывали родственные отношения и совместная борьба против Людвига» [2, с. 30], четко определяя претендентов на трон германского короля и римского императора. Всего было семь курфюрстов. Процедура устраивалась таким образом, чтобы князья соблюдали «имперский мир» на время проведения выборов. От остальных имперских князей курфюрстов отличали дарованные им привилегии: владение «всеми копиями, золотыми и серебряными, и рудниками олова, меди, железа, свинца и других любых металлов, а также соли в указанном королевстве» [1, с. 42]; право чеканить собственную монету [1, с. 61]; а также наследование права голоса – после смерти князя-выборщика оно передавалось его старшему сыну [1, с. 38];

Особые привилегии получала Богемия, где Карл IV был королем. В отличие от остальных курфюршеств, если король Богемии умирал и у него не было наследников, то королевство, как лен, не возвращалось под власть императора: Чехия получала право выбрать себе нового короля [1, с. 37–40].

Можно предположить, что таким образом Карл узаконил территориальные приобретения Богемии и других курфюршеств, чтобы сконцентрировать земельный фонд в руках определенной группы лиц. Этим он пытался не допустить распада империи на независимые княжества, создавая управление с опорой на курфюршества и закладывая основу для контроля императором через них территории всего государства.

Поэтому Карл старался устранить от выборов и управления государством своих соперников: курфюрстами не стали многие могущественные князья, в том числе герцог Австрии Рудольф IV Габсбург.

Естественно, что сам Рудольф, являвшийся еще и зятем императора, был оскорблен таким невниманием. Ведь Австрия, выделенная по «Privilegium Minus» – «Малой привилегии» [3] императора Фридриха I Барбароссы в отдельное герцогство, еще в XII в. получила значительные привилегии: право наследования по мужской и женской линии, право непосещения императорских курий, освобождение от военной службы и др. [3, с. 9]. Все это было тесно связано с приграничным положением Австрии и способствовало осознанию ее правителями своей значимости и представлению о месте в империи.

Оскорбленный герцог создает «Privilegium Maius» – «Большую привилегию» [4] – комплекс грамот, предоставлявших правителям Австрии обширные привилегии от различных императоров. Подложность древнейших грамот (от Цезаря и Нерона) доказал Петрарка, которому Карл IV отдал их для установления подлинности [5, с. 98]. Главная из привилегий – «Privilegium Minus» – создавалась на основе вышеупомянутого патента, при этом содержание документа подверглось значительным изменениям.

Устанавливались обширные льготы для Австрии: переход всех феодалов, «светских судов, банна лесов и дичи, рыбных прудов и рощ» под власть герцога, запрет империи и имперским князьям иметь здесь земли [4, с. 11]. Герцог также имел право назначать себе наследника и передавать лен по мужской и женской линии, «но так, чтобы не покидать рода» Габсбургов – таким образом Рудольф IV позаботился о сохранении престола за династией и неделимости страны.

Герцог также был не обязан нести никакой службы империи, кроме военной службы в течении месяца в Венгрии, «в подтверждение того факта, что он является имперским князем», т.е. вассалом императора. Одновременно он рассматривает императора как помощника и защитника [4, с. 11].

Не попав в коллегию князей-выборщиков, Рудольф Габсбург попытался обеспечить себе место среди высших чинов империи, присвоив особый титул «эрцгерцога» [4, с. 13]. Хотя в различных походах и собраниях эрцгерцог ставит себя «сразу после курфюрстов» [4, с. 13], объем сопровождающих этот титул прав и льгот уравнивает его с князьями-выборщиками (так, например, даже свои феодалы эрцгерцог получает от императора как курфюрст – на коне и с покрытой головой [5, с. 26], а сам церемониал идентичен установленному в «Золотой булле»).

Таким образом, в представлении Рудольфа IV Австрия должна быть единой и неделимой территорией, под властью герцога и его потомков с невмешательством императора во внутренние дела. Рудольф добивался не полного отделения Австрии от империи, а сохранения в ее составе на особом положении. Основной целью было сведение к минимуму имперских обязанностей, обусловленное, в частности, тяжелым экономическим поло-

жением страны, разоренной после чумы. Привилегии эрцгерцога, идентичные привилегиям курфюрста, позволили решить многие внутренние проблемы и способствовали развитию страны.

В итоге из двух во многом схожих по своей сути документов политической более перспективной и дальновидной стала «Privilegium maius». Спустя 80 лет Габсбурги, став императорами, добились утверждения ее положений и использования титула «эрцгерцог» как родового. Добиваясь признания привилегии, Австрия постепенно консолидировалась – подконтрольность герцогу внутренних дел и целостность территории обеспечили предпосылки для возникновения сильного политического объединения внутри империи, что позже позволило Австрии выделиться в отдельное государство. «Золотая булла», хоть и имела статус общеимперского закона, не смогла закрепить создание централизованного управления и подчинение князей императорской власти: положения буллы регулярно нарушались, что увеличивало раздробленность, а усиленная Карлом IV Богемия была включена во второй четверти XVI в. в состав Габсбургской монархии.

Литература

1. *Леонтьевский, А. В.* «Золотая булла» Карла IV Люксембурга : учебно-методическое пособие / А. В. Леонтьевский. – Волгоград : Волгоградский государственный университет, 1998. – С. 22–69.

2. *Бойцов, М. А.* Золотая булла 1356 г. и королевская власть в Германии во второй половине XIV в. / М. А. Бойцов // Средние века : сборник. – Москва : АН СССР, 1989. – Вып. 52. – С. 25–47.

3. *Schwind, E. F.v.* Privilegium minus / E. F.v. Schwind, A. Dopsch // *Ausgewählte Urkunden zur Verfassungs – Geschichte der Deutsch – Österreichischen Erblande im Mittelalter.* – Innsbruck, 1895. – S. 8–10.

4. *Schwind, E. F.v.* Privilegium maius / E. F.v. Schwind, A. Dopsch // *Ausgewählte Urkunden zur Verfassungs – Geschichte der Deutsch – Österreichischen Erblande im Mittelalter.* – Innsbruck, 1895. – S. 10–13.

5. *Huber Alfons.* Geschichte des Herzogs Rudolf IV von Österreich / Alfons Huber. – Innsbruck, 1865. – S. 1–154.

ЛОДИАНСТВО И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ ЦЕРКВИ АНГЛИИ

Ерохин Владимир Николаевич

Профессор кафедры социальных и гуманитарных наук,

доктор исторических наук, доцент

Северо-Восточный государственный университет

Магадан, Россия

erohin_vladimir@inbox.ru

Аннотация. В статье рассмотрены характерные черты церковно-административной деятельности архиепископа Кентерберийского Уильяма Лода (1633–1645) и представлены ее последствия для дальнейшей истории Церкви Англии.

Ключевые слова: Реформация; Церковь Англии; архиепископ Кентерберийский Уильям Лод; лодрианство.

LODIANISM AND ITS ROLE IN THE HISTORY OF CHURCH OF ENGLAND

Yerokhin Vladimir Nikolaevich

Professor, Department of Social Sciences and Humanities,

North-Eastern State University

Magadan, Russia

erohin_vladimir@inbox.ru

Abstract. The article deals with characteristic traits of church and administrative activity of William Laud, Archbishop of Canterbury (1633–1645). The author also shows consequences of Laudianism for further church history in England.

Keywords: Reformation; Church of England; Archbishop of Canterbury William Laud; Laudianism.

Уильям Лод (1573–1645) – противоречивая фигура в истории церкви Англии, которая вызывала споры и при жизни, и после смерти. Понимание церковной политики Лода затруднено тем, что прижизненные противники сознательно искажали его намерения и действия. Осмысление роли Лода в истории церкви Англии продолжается в британской историографии по сей день, в результате чего его образ стал наполняться новым содержанием.

Жизнь Лода была полностью посвящена служению на университетских и церковных должностях. К концу 1620-х годов Лод оказался на вершине церковно-административной лестницы: с 1628 года был епископом Лондонским, а в 1633–1645 годах – архиепископом Кентерберийским.

В XVI – первой половине XVII вв. в Западной Европе, переживавшей эпоху Реформации и Контрреформации, религия была тесно связана с политикой. Такова была ситуация и в Англии. Даже в годы Английской революции середины XVII века после установления республики, а затем режима протектората, когда у власти оказались пресвитериане, ранее стремившиеся к достижению права на свободу вероисповедания для себя, на практике они фактически распространяли принцип религиозной терпимости лишь на тех, кто был или слаб, или вполне ортодоксален по отношению к пресвитерианству, не составляя угрозы для существовавшей власти. Нетерпимость в религиозной сфере существовала в этот период потому, что религия фактически была не просто набором личных убеждений и верований о том, как устроены небеса, но была также внешним выражением той социально-политической теории, которую защищали церковь и государство. Биографы церковных деятелей, бывало, затруднялись в понимании того, почему в XVI – XVII веках при, казалось бы, мягком характере того или иного деятеля они нетерпимо относились к инакомыслящим, но это объяснялось тем, что религия была средством для политической пропаганды той или иной политической группировки. Например, к концу XVI века в Европе была осознана связь кальвинизма со стремлением к республиканизму. Х. Тревор-Роупер отстаивал тезис, что Лода следует рассматривать не как богослова, придерживающегося той или иной доктрины и критиковать при этом за отход от нее, а как политического деятеля [1, р. 5–7, 9].

Современники событий и в последующем историки неточно назвали «арминиа́нством» стремление группировки Лода подчеркнуть значение таинств, церемоний, видимой церкви, апостольской преемственности епископов, поддержку ими теории о божественном происхождении права королей на власть, которые внешне напоминали признаки движения церкви Англии обратно к католицизму. Король Карл I Стюарт (1625–1649), который поддерживал и продвигал Лода на административные должности, правил в неблагоприятный для европейского протестантизма период Тридцатилетней войны, и на этом фоне некоторые тенденции в церковной политике его правления – введение новых церемоний, усиление значения церкви как общественного института, утверждение власти епископов и самостоятельности духовенства, известные факты обращения в католицизм, довольно терпимое отношение к католикам-рекузантам (демонстративно отказывавшимся посещать службы в церкви Англии) – создавали впечатление, что король и епископы задумали то ли вернуть страну в католицизм, то ли уредить какое-то свое английское подобие папизма.

Представители лодианской группировки по своим взглядам были убежденными протестантами. Но, в отличие от предыдущих поколений английских протестантов, лодианцы перестали подчеркивать связь Церкви Англии с европейскими реформированными церквями и настаивали теперь на том, что именно Церковь Англии становится в данный момент самым чистым воплощением подлинно апостольской католической всеохватной церкви и представляет собой средний путь (*via media*) между испорченностью католического Рима и реформаторскими крайностями кальвинистской Женевы. Для лодианцев важнее был не авторитет взглядов Кальвина, а идеи отцов церкви и практики раннехристианской церкви. В отличие от позиции большинства английских протестантов времени правления Елизаветы и Якова I, которые отождествляли римского папу с антихристом, лодианцы стали рассматривать Рим как истинную в основе своей церковь, которая просто с течением времени была испорчена выдвиганием ошибочных доктрин, предрассудков и фальшивых политических притязаний. Для большинства же английских протестантов взгляды лодианцев были предосудительны тем, что они не осуждали, как было ранее типично для реформированной Церкви Англии, абсолютно непримиримо ложь и зло папства, отказывались от рассмотрения Рима как воплощения антихриста, и вдобавок к этому, пытались вводить в церковную жизнь ритуальные практики, которые сами напоминали папистские предрассудки. Особенно тревожно воспринималось помещение лодианцами стола для причастия в церкви в положение и на место алтаря на возвышении в алтарном пространстве и ограждение стола перилами, а также настойчивое подчеркивание необходимости принимать причастие коленопреклоненно. Пуританам такая практика напоминала католическую обрядность и мессу. В отношении лодианцев возникли опасения, что они вместе с придворными католиками, которым благоприятствовала жена Карла I, католичка-королева Генриетта Мария, и тайными католиками задумали найти способ вернуть национальную церковь под власть Рима. Карл I поддерживал лодианцев, в первую очередь, по той причине, что считал их необходимыми для борьбы с пуританами, которые, как представлялось королю, подрывают его власть и авторитет. Король исходил из необходимости параллельного поддержания дисциплины и иерархии и в церкви, и в государстве, был убежден в божественном праве королей на власть, и склонность лодианцев к церемониализму, ритуализму в церковной жизни рассматривал как подходящую также и для укрепления королевской власти [2, р. 10–11, 17].

После реставрации Стюартов в 1660 году, хотя была восстановлена церковная служба в том виде, как ее утвердил Лод, церковь заставили отказаться от других компонентов политики Лода – протестов против огораживаний, поддержки бедных и в целом от попыток превращения в орган, про-

водящий слишком активную социальную политику. В церкви пропагандировалась необходимость согласия между землевладельцами и приходскими священниками. Церкви больше не разрешали играть политическую роль, продвигать церковных деятелей на государственные должности. Новыми хозяевами для духовенства теперь были джентри и купечество [1, р. 429–430].

В своей социальной политике Лод не учел происходившее в его время усиление новых экономических сил в обществе и искал идеалы социальной политики церкви в прошлом, не осознавая, что видимая гармония в жизни общества в средние века существовала во многом благодаря тому, что католическая церковь позволяла имущим классам избегать налагавшихся ею ограничений. К XVII веку социальные группы, связанные со становлением капитализма, значительно усилились, а Лод начал на самые влиятельные в обществе силы фронтальную атаку. Действия Лода привели к тому, что церковь теперь потерпела еще и полное, окончательное, видное для всех поражение в попытке обуздать господствующие классы [1, р. 436].

Литература

1. *Trevor-Roper, H. Archbishop Laud, 1573-1645. 3rd ed.* / H. Trevor-Roper. – Houndmills etc. : Macmillan Press, 1988. – XV. – 466 p.
2. *Davies, J. The Caroline Captivity of the Church. Charles I and the Remoulding of Anglicanism* / J. Davies. – Oxford : Clarendon Press, 1992. – XIX. – 400 p.

УДК 94(410)

РАДИКАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПЕРИОД ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1789–1793 гг.)

Шеина Арина Дмитриевна

Магистрант

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

arina-sh2014@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается первый этап зарождения радикальных обществ в Великобритании во времена Французской революции (1789–1793 гг.). Анализируется социальный состав, численность радикального движения. Отдельно исследуются наиболее значимые радикальные общества Англии, их цели и задачи. Большое внимание уделено различиям между организациями. Автором поднимается не исследованная в отечественной историографии тема британского радикализма 1790-х гг.

Ключевые слова: британский радикализм; Лондонское корреспондентское общество; Общество конституционной информации; Революционное общество; Великобритания; Французская революция.

RADICAL ORGANIZATIONS IN THE GREAT BRITAIN DURING THE FRENCH REVOLUTION (1789–1793)

Sheina Arina Dmitrievna

Master Student

Saint-Petersburg State University

Saint-Petersburg, Russia

arina-sh2014@yandex.ru

Abstract. The article considers the first stage of the emergence of radical societies in Great Britain during the French Revolution (1789–1793). It analyzes the social composition, the size of the radical movement. The most significant radical societies of England, their goals and objectives are separately investigated. Much attention is paid to differences between organizations. The author raises the topic of British radicalism of the 1790s that was not explored in Russian historiography.

Keywords: British radicalism; London Correspondent Society; Society for Constitutional Information; Revolutionary society; Great Britain; French revolution.

Великая Французская революция вкупе с назревшими социально-политическими проблемами в самой Англии дала жизнь множеству радикальных политических организаций, появившихся в разных концах Соединенного королевства. Экономические изменения второй половины XVIII века, наделившие буржуазию самостоятельностью, имели огромное влияние и на пробуждение их политического сознания. Большинство буржуазии возмущала политическая зависимость от лендлордов, невозможность собственного представительства в органах государственного управления, а значит, и невозможность защиты собственного экономического благосостояния. Эти обстоятельства подталкивали средние слои к самоорганизации и созданию обществ, первоначальной целью которых была информирование людей об их конституционных правах и свободах. Однако вскоре на своих собраниях они начали критиковать действия правительства и, в конечном счете, обрели новую цель своего существования – борьба за изменение своего политического статуса. Зарубежные историки, занимавшиеся этой темой, отмечают это явление как феномен возникновения альтерна-

тивной структуры политики, поскольку в противовес двухпартийной существующей системе появилась новая политическая система, претендующая на самостоятельную роль [1; 2; 3]. Упомянутые общества возникли не на пустом месте. Они стали одной из эволюционных ветвей «gentleman's societies» (Общество защитников билля о правах, Йоркширская ассоциация, Вестминстерский комитет и др.), политических организаций, возникших в 1770–1780-х гг. и имевших своей целью в основном обсуждение и критику королевской администрации.

Общество конституционной информации (далее SCI – Society of Constitutional Information), на наш взгляд, более всех остальных организаций времен Французской революции унаследовало дух и форму «gentleman's societies». Оно было основано в апреле 1780 г. Дж. Картрайтом, и с переменной активностью существовало до 1794 г. Членский взнос был достаточно высокий по сравнению с другими радикальными обществами 1790-х гг. – одна гиней. SCI активно распространяла радикальную литературу – прежде всего, «Сделай свой выбор» Дж. Картрайта (1776 г.), речь Уилкса в поддержку реформы (1776г.), трактаты Пейна. Конституционное общество возобновило свои связи внутри страны и борьбу за реформы внутри парламента. К деятельности этого общества относится движение против «гнилых местечек» в 1790 г., возглавленное Генри Фладом. Данная компания укрепила связь с SCI с Революционным обществом – другой радикальной организацией, возникшей в 1788 г. в честь празднования столетней годовщины Славной революции.

Революционное общество имело в своем составе двух идеологов раннего радикализма Дж. Пристли, Р. Прайса, Томаса Бранд Холлиса и других видных радикальных политиков того времени. Социальные базы двух организаций были схожими, и многие члены Революционного общества также входили в состав SCI.

До второй половины 1790 г. Французская революция приветствовалась большинством общества Англии. Газеты пестрили описаниями французских событий, которые зачастую сравнивались с событиями из английской истории. Однако после изменения настроения кабинета У. Питта-мл. восприятие англичанами революции стало более негативным. Это отразилось и на двух упомянутых обществах, численность которых заметно уменьшилась. Затронутые нами общества не были порождениями Французской революции, они были початками раннего английского радикализма Картрайта, Бурга, Пристли и Прайса. Совершенно же новым феноменом были «Корреспондентские общества», рассеянные по всей стране и возглавляемые Лондонским филиалом.

Самое известное объединение, среди возникших в 1790-е гг., – Лондонское корреспондентское общество (далее – LCS – London Corresponding

Society». Членский взнос был установлен всего лишь в одно пенни, что автоматически расширило социальную базу движения. Политическая программа организации состояла из всеобщего избирательного права, ежегодных выборов, перераспределения мест в парламенте от гнилых местечек к крупным городам. Организация была жестко структурирована и имела иерархическую систему. Общество было открыто для всех, у кого в кармане было пенни, а также рекомендация от двух членов общества, что рекрут верен идее всеобщего права и будет бороться за реформу парламента «всеми правомерными способами» [4, р. 108].

Во главе LCS был небольшой исполнительный комитет, руководил которым президент. Численность общества быстро росла, спустя год со дня основания состав был представлен 650 рекрутами. Своего пика численность организации достигла в 1795 г. – три тысячи человек [5, р. xxiii-iv]. Наибольшее значение общество приобрело в 1795 г., когда правительственная реакция достигла своего пика: правительство приостановило действие Habeas Corpus Act, расширило билль об измене, приняло статут об ограничении публичных собраний и митингов. Социальная база организации в большинстве своем представляла людей ремесленных профессий и низших слоев, необремененных образованием. Однако среди них были адвокаты, доктора, издатели, книготорговцы, клерки и т.д. [5, р. xix].

Провинция не уступала столичным коллегам в активности. К концу 1792 г. весь Мидленд и Северо-западная Англия были опутаны сетью сообщающихся между собой радикальных организаций, соединенных и часто координируемых SCI или LCS. Так или иначе, все они были нацелены на публикацию и распространение радикальных сочинений Т. Пейна, У. Годвина, М. Уолстонкрафт, Р. Прайса, а также дешевых листовок, представляющих краткую и более доступную версию мыслей радикальных мыслителей.

Для многих радикалов парламентская реформа была лишь первым шагом к изменению законодательства в пользу обездоленных слоев населения. В своем обращении к подданным Англии 6 августа 1792 г. LCS заявляло, что, достигнув честного и ежегодного парламента с равным представительством, «мы увидим восстановление наших свобод: свободную прессу, упрощенное законодательство, беспристрастных судей, <...> молодежь будет лучше образована, тюрьмы менее переполнены, старость лучше обеспечена, и роскошные праздники за счет голодающих бедных будут проводиться реже» [6, р. 206–207].

Для радикального движения в Англии после начала войны с Францией (1 февраля 1793 г.) настал переломный момент, на это повлиял провал избирательной реформы парламента. В мае 1793 г. принимается решение искать новые пути, более радикальные по своему содержанию, нежели сбор петиционных подписей.

Созыв и деятельность Британского конвента, состоявшегося в ноябре 1793 г. по инициативе шотландских радикалов, последующий их арест придал радикальному движению еще большую популярность.

«После разгона Конвента в Эдинбурге активность и энергичность Общества в Англии заметно выросла. Их резолюции выражали одобрение происходящему в Эдинбурге <...> LCS продолжало распространять корреспонденцию, их влияние вместе с другими обществами распространялось по стране...», – заключал секретный комитет Палаты Общин в своем отчете от 6 июня 1794 г. [7, p. 847].

Таким образом, своего пика радикальное движение достигло в конце 1793 г. Первые месяцы 1794 г. были отмечены правительственной реакцией, вылившейся в масштабные судебные процессы против наиболее значимых участников движения. Реакция будет длиться вплоть до конца 1795 г. К тому времени сеть правительственных шпионов раскинется на всю страну. А популярность радикализма, так резко возросшая после Британского конвента, также резко спадет, задушенная «Режимом Террора» Ульяма Питта-мл. Начнется новый этап британского радикализма.

Литература и источники

1. *Brewer, J.* Party Ideology and popular politics at the accession of George III / J. Brewer. – Cambridge : Cambridge University Press, 1976. – 391 p.
2. *Brown, P.* The French revolution in English history / P. Brown. – London : Allen & Unwin, 1923. – 232 p.
3. *Maccoby, S.* The English radical tradition, 1763–1914 / S. Maccoby ; ed. by S. MacCoby. – London, 1952. – 236 p.
4. *Hardy, T.* Memoir of Thomas Hardy, founder of, and secretary to, the London corresponding society / T. Hardy. – London : J. Ridgway, 1832. – 146 p.
5. *Thale, M.* Selections from the papers of the London Corresponding Society 1792–1799 / M. Thale. – Cambridge : Cambridge university press, 1983. – 472 p.
6. *The London Corresponding Society.* Address to the inhabitants of Great Britain, on the subject of parliamentary reform. 6 august, 1792 // The debate on the French revolution 1789–1800 /ed. By A. Cobban. – London, 1960. – P. 206–207
7. The parliamentary history of England from the earliest to the year 1803 : From which last-mentioned epoch it is continued downwards in the work entitled «The parliamentary debates». Vol. 31: Comprising the period from the fourteenth of March 1794 to the twenty-second of May 1795. – London, 1818. – 1564 p.

НЕГЛАСНЫЙ КОМИТЕТ: ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Арискина Юлия Эдуардовна

*Старший преподаватель, кандидат исторических наук
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
ariskina_julie@mail.ru*

Аннотация. В первые годы правления Александра I основным местом обсуждения и разработки широкого спектра преобразований стал Негласный комитет. При помощи просопографической методологии в статье анализируются причины выбора «молодых друзей» в качестве участников комитета. В статье доказывается, что выбор императора не был случаен, члены Негласного комитета обладали определенным общим набором качеств, а также единственные из окружения пользовались доверием императора.

Ключевые слова: Александр I, Негласный комитет, П.А. Строганов, В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцев, А. Чарторыйский, Ф.С. Лагарп.

THE PROSOPOGRAPHY OF THE SECRET COMMITTEE

Ariskina Yulia Eduardovna

PhD in History

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

ariskina_julie@mail.ru

Abstract. The Secret Committee was the main place, where the early reforms of Alexander Ist were elaborated. Using the prosopography method, this article discusses the reasons for choosing «young friends» as members of the Committee. The article proves that the choice of the emperor was not accidental, the members of the Secret Committee had a certain common set of qualities, and the only ones around were trusted by the emperor.

Keywords: Alexander Ist, Secret Committee, Pavel Stroganov, Victor Kotchubey, Nickolas Novosiltsev, Adam Czartoryski, Frederic Cezar La Harpe.

Просопографическая методология в современной исторической науке достаточно распространена и прекрасно известна как зарубежным, так и отечественным исследователям. Становление этого исследовательского жанра чаще всего связывают с именем британского историка Лоуренса Стоуна. Его труды [1; 2], увидевшие свет в начале 1970-х, во многом опре-

делили вектор дальнейшего развития просопографии. Согласно определению Л. Стоуна, просопография – это исследование общих характеристик группы действующих в истории лиц, которое касается путей осуществления ими политических акций, а также вариантов социальной мобильности и реализации карьерных устремлений. Стоун выделил «старую» и «новую» просопографию. «Старая» просопография изучала сравнительно немногочисленные группы лиц, «новая» же, опираясь на количественные методы изучения массовых источников, способна исследовать гораздо более многочисленные сообщества.

В отечественной историографии распространение просопографических исследований приходится на 1980-е годы и неразрывно связано со всплеском интереса к компьютерной обработке массовых источников, основоположниками которой являются И.Д. Ковальченко и Л.И. Бородкин [3]. Отечественные исследователи 1980–1990-х годов под термином «просопография» в большинстве своем подразумевали жанр исследований, предполагающий изучение массовых источников с целью создания на основе статистического анализа информации их динамических «коллективных биографий» определенных социальных групп, страт и т.п. при возможности сохранения и изучения биографий отдельных индивидуумов, составляющих данные социальные группы и страты [4, с. 123]. В качестве примера использования данной методологии применительно к истории России начала XIX века можно привести исследование И.Н. Киселева и С.В. Мироненко, посвященное изучению бюрократии России первой трети XIX в. [5]. Авторы конструируют социальный портрет высшего чиновничества Российской империи.

Современные исследователи не ограничиваются рамками квантитативной истории при создании просопографических исследований [6, с. 4–12]. Таким образом, на сегодняшний день преобладает более широкое толкование просопографии как создания любых «коллективных портретов, образов» исторических значимых социальных объединений, государственных учреждений и других групп лиц.

В рамках настоящего исследования будет произведена попытка создания коллективной биографии участников Негласного комитета.

Негласный комитет представлял собой неофициальный тайный совет при Александре I, состоявший из самого императора и четверых его «молодых друзей». Также формальным членом комитета считался воспитатель Александра Ф.-Ц. Лагарп, который не участвовал в заседаниях, поэтому не будет затронут исследованием. С будущими членами Негласного комитета Александр познакомился задолго до восшествия на престол, в период царствования Екатерины II: в 1792 году – с Кочубеем, в 1795 году – со Строгановым и Новосильцевым, в 1796 году – с Чарторыйским.

До восшествия на престол Павла I великий князь встречался с будущими членами Негласного комитета преимущественно по отдельности. Однако «молодые друзья» были знакомы между собой, и к осени 1797 года вокруг великого князя сложился кружок. Кружок был разогнан из-за «дела Батурина» в 1799 году, его члены высланы из столицы под различными предлогами. Активное взаимодействие бывших участников «великокняжеского кружка» прекратилось вплоть до весны 1801 года, когда неожиданно для них и себя, в результате государственного переворота Александр I вступил на престол. Практически сразу же после воцарения Александр I призывает прежних товарищей обратно в Петербург, где летом 1801 года состоится первое заседание Негласного комитета.

Это свидетельствует о том, что, имея возможность обратиться к большому количеству опытных и образованных государственных сановников, император все же предпочел призвать своих товарищей юности. Представляется интересным проследить, какими именно качествами обладали «молодые друзья», чем они оказались интересны сначала великому князю, а после императору Александру.

Виктор Павлович Кочубей (1768–1834) воспитывался в доме своего дяди, известного сановника, занимавшего высшие государственные должности в царствования Екатерины II и Павла I. Безбородко поместил племянника в один из лучших петербургских пансионов Де-Вильнева, кроме того, с 1776 года Виктор был записан в гвардию. После получения в 1784 года первого офицерского чина Кочубей был причислен к дипломатической миссии в Швеции и отправился в Стокгольм. Посещая занятия в университете Упсаллы (швед. Uppsala), Кочубей писал записки «о праве народном». Со второго года своего пребывания в Стокгольме Кочубей, благодаря покровительству Безбородко, получил доступ к важнейшим дипломатическим делам. В 1786 году Кочубей был произведен в камер-юнкеры и находился в свите Екатерины II во время ее поездки в Крым. Примерно в это же время состоялось знакомство Кочубея с цесаревичем Павлом. Весной 1788 года Кочубей был причислен к лондонской дипломатической миссии с правом путешествовать по Европе. Во время пребывания в Лондоне он был поручен вниманию графа С.Р. Воронцова. Впоследствии Кочубей сохранил прекрасные отношения с С.Р. Воронцовым, его братом А.Р. Воронцовым и сыном М.С. Воронцовым. В 1791–1792 годах Кочубей жил в Швейцарии и Париже. В Париже им был прослушан курс лекций по истории литературы Жана Франсуа Лагарпа, в котором большое внимание уделялось философам XVIII века, в особенности Вольтеру и Монтескье. В период пребывания Кочубея во Франции там уже разразилась революция, и эта поездка вызвала гнев А.А. Безбородко, однако французские события не увлекли Кочубея. В 1792 году он был вызван в Россию, чтобы стать чрезвычайным

посланником в Константинополе. Во время краткого пребывания в Петербурге Кочубей успел пообщаться с П.А. Зубовым, выяснить, угодно ли его назначение цесаревичу, и сблизиться с великим князем Александром Павловичем. С Александром у Кочубея завязалась переписка, и в мае 1796 года, в письме великий князь признавался ему, что хотел бы отказаться от престола, что свидетельствует об абсолютном доверии. Кочубей пробыл в Константинополе до июня 1798 года, по возвращении он продолжил общение с великим князем Александром, стал членом его кружка [7, т. 9, с. 366–370].

У Павла Александровича Строганова (1772–1817) весьма необычная биография. Он родился в 1772 году в Париже, в семье екатерининского вельможи графа А.С. Строганова. Крестным отцом новорожденного стал великий князь Павел Петрович, будущий император Павел I. Воспитателем Павла стал француз Жильбер Ромм, впоследствии принявший активное участие в Великой французской революции. В 1779 году семья переехала в Петербург, а вскоре Павел Строганов и его воспитатель отправились в путешествие по России, в ходе которого им удалось посетить множество регионов от Крыма до Байкала. По возвращении Павел Строганов был назначен поручиком в Преображенский полк и адъютантом князя Г.А. Потемкина. Получив, таким образом, право выезжать за границу, П.А. Строганов в сопровождении воспитателя и двоюродного брата направился в Риом, затем в Женеву. В начале 1789 года Строганов оказался в Париже. Под именем Павла Очера Строганов вместе с Жильбером Роммом окунулся в водоворот политической жизни. Строганов вступает сначала в основанный Роммом «Клуб друзей закона», а впоследствии становится и членом якобинского клуба. Когда о столь активной политической жизни сына узнал граф Александр, он попросил Жильбера Ромма вместе с Павлом покинуть революционный Париж. Просьба была выполнена: воспитатель и воспитанник выехали в Овернь. Однако вскоре был раскрыт псевдоним Строганова, и имя его появилось в газетах. После разговора на эту тему с Екатериной II Александр Строганов немедленно вызвал сына в Россию, где тот, согласно желанию императрицы, был вынужден поселиться в селе Братцево под Москвой. В 1796 году Строганову было разрешено переехать в Петербург, где он и сблизился с великим князем Александром Павловичем [7, т. 9, с. 514–521].

Николай Николаевич Новосильцев (1766/67–1838) был сыном сестры графа А.С. Строганова баронессы М.С. Строгановой и секунд-майора лейб-гвардии Московского батальона Николая Устиновича Новосильцева. Годом рождения Н.Н. Новосильцева, по мнению автора его новейшей биографии О.А. Любезникова, следует считать 1766/1767 год [8, с. 21]. После смерти матери Николай воспитывался в доме дяди. Еще в детстве Новосильцев был записан в Пажеский корпус, в 1783 году он в чине капитана поступил на военную службу в Лейб-Гренадерский полк, а в 1786 году был причис-

ден к коллегии иностранных дел. Молодой Николай Новосильцев принял участие в войне со Швецией, был отмечен среди участников сражения у пролива Бьерке-Зунд и в знак отличия награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом. Благодаря храбрости, проявленной им во время сражения у группы островов Мусала, уже в августе 1789 года он получил звание подполковника. После окончания войны Новосильцев был представлен великому князю Александру. В 1794–1795 годах Новосильцев принял участие в подавлении восстания Костюшко, проявив незаурядные административные способности [9, с. 141]. После подавления восстания Новосильцев вернулся в Петербург и вскоре был отправлен А.С. Строгановым во Францию с целью возвращения на родину Павла Строганова, во время этой поездки Новосильцев и Строганов подружились. По возвращении в Россию, в 1796 году, через посредство Строганова состоялось знакомство Новосильцева с великим князем Александром.

Адам Ежи Чарторыйский (1770–1861) происходил из известного польского княжеского рода. Чарторыйский получил домашнее образование: его воспитанием занимались камердинер-француз Буасси, затем полковник, бывший инструктор Варшавского кадетского корпуса Цесельский, кроме того, братьям Чарторыйским нанимали лучших учителей по всем предметам. Отец уделял особенное внимание патриотическому воспитанию сыновей, путешествовал с ними по Польше. Более систематическое образование было получено Чарторыйским в Пулавах, главной семейной резиденции, где была организована школа для детей польской шляхты. Желая для Адама дипломатической карьеры, отец отправил его в 1786 году в путешествие по Европе. Побывав в Германии и Швейцарии, Чарторыйский вернулся в Польшу, где активно шла подготовка выборов в великий сейм (1788–1792). Адам принял активное участие в избирательной кампании и уже в 18 лет проявил себя как одаренный политик. В это же время Чарторыйский познакомился с современной европейской политической мыслью: его отец нанял флорентийца Симеона Пьятолли для составления реформаторского проекта для Польши, и он попутно давал уроки Адаму. В 1789 году Чарторыйский вновь отправился в Европу для продолжения образования. Миновав Париж, он с матерью прибыл в Англию, где посвятил все свое время изучению английской конституции и политического устройства. В 1791 году Чарторыйский возвратился в Польшу и с восторгом встретил принятие новой конституции, сторонниками которой были представители его рода. В 1792 году он принял участие в сражениях русско-польской войны, а после вновь отправился в Англию. Уже в Англии Чарторыйский узнал о восстании Костюшко и выехал в Польшу, однако в Бельгии Адам был задержан и отправлен к родителям в Вену. После подавления восстания в 1794 году имения Чарторыйских были секвестрованы. Условием для снятия

секвестра Екатерина II поставила прибытие братьев Адама и Константина Чарторыйских в Петербург в качестве заложников, что и произошло в мае 1795 года. В Петербурге братья поступили на службу в гвардию, и к 1796 году были произведены в камер-юнкеры. Весной 1796 года состоялась беседа Адама Чарторыйского с великим князем Александром, ставшая началом их дружбы [7, т. 22, с. 38–43].

Как видно из приведенных биографий, у молодых людей, составлявших великокняжеский кружок, а позднее – Негласный комитет, было достаточно много общего. На момент знакомства и сближения с великим князем Александром каждый из членов Негласного комитета был достаточно молодым человеком (В.П. Кочубею было 24 года, А. Чарторыйскому – 25, П.А. Строганову – 24, Н.Н. Новосильцеву – 29/30). На момент образования великокняжеского кружка в 1797 году Кочубею было 29 лет, Чарторыйскому – 27, Строганову – 25, Новосильцеву – 30/31. Но несмотря на молодость друзей Александра, они все равно оказывались по отношению к великому князю старшими товарищами, т.к. ему в 1797 году было только 20 лет, а в 1801 – 24 года. Каждый из заинтересовавших Александра молодых людей получил хорошее образование и отличался склонностью к наукам. Кроме того, каждый из них побывал в длительном путешествии по Европе. Трое из «молодых друзей» – Строганов, Новосильцев и Кочубей – побывали в революционной Франции. Строганов и Кочубей, оба имевшие возможность принять участие в революционных событиях, отнеслись к этой возможности по-разному: Строганов, благодаря своему воспитателю, полностью погрузился в политическую жизнь, а Кочубей остался относительно равнодушен к политике и занимался только собственным образованием. Возможно, одной из причин такого различного отношения к французской революции стал возраст молодых людей во время их пребывания в Париже: Кочубею было уже 23 года (в 1791), тогда как Строганову – только 17 (в 1789). Еще одним важным событием, в котором были задействованы двое товарищей Александра, оказавшихся по разные стороны баррикад, стало восстание Костюшко в Польше в 1793–1794 годах: Чарторыйский был ярким сторонником восстания и направился в Польшу из Англии, как только узнал о нем, Новосильцев же занимался его подавлением и проявил при этом свои административные способности. Каждый из членов Негласного комитета имел относительно небольшой опыт политической или административной деятельности: Строганов принимал участие в заседаниях якобинского клуба, Чарторыйский – в выборах в великий сейм, Новосильцев – в военных действиях и подавлении восстания Костюшко. Самым опытным в сфере государственной деятельности был Кочубей, сделавший, во многом благодаря покровительству своего дяди, успешную дипломатическую карьеру.

По признанию современников, именно Кочубей был главой «партии» молодых людей, составивших Негласный комитет [10, с. 33]. Кочубей, единственный из членов Негласного комитета, в декабре 1801 года стал членом и Государственного совета [10, с. 40]. В целом и путешествия по Европе, и хорошее образование, и служба были типичны для детей русской знати в конце XVIII – начале XIX веков. Молодые люди, бывшие, однако, чуть старше великого князя, могли поделиться уже имевшимся у них опытом, кругозором, разделяли идеи Александра.

Взгляды, личный опыт, уровень образования и социальное происхождение участников Негласного комитета во многом определили характер его деятельности. Участников великокняжеского оппозиционного кружка, а впоследствии Негласного комитета, объединяло стремление к реформированию государственной и общественной систем империи. Изначально образовавшие оппозиционный кружок, «молодые друзья» и после восшествия на престол Александра I избрали привычную форму работы: секретный неофициальный комитет. Воспитанные в просветительском духе, как, впрочем, все образованные молодые люди того времени, участники комитета смотрели на мир сквозь призму соответствующих теорий. Каждый из них побывал в Европе и имел возможность увидеть своими глазами, каким образом просветительские идеи применяются на практике. Просветительские концепции и европейский политический опыт, таким образом, стали основными доступными участникам комитета инструментами подготовки преобразований. Почти полное отсутствие у членов комитета опыта государственной деятельности обусловило необходимость периодического привлечения к подготовке реформ ряда опытных сановников.

Литература

1. Stone, L. Prosopography / L. Stone // Historical Studies Today / Ed. by F. Gilbert and St. Graubard. – New York, 1972. – Pp. 107.
2. Stone, L. Prosopography / L. Stone // Daedalus. – 1971. – № 100. – P. 46–79.
3. Ковальченко, И. Д. Современные методы изучения источников с использованием ЭВМ : учебное пособие / И. Д. Ковальченко, Л. И. Бородкин. – Москва : МГУ, 1987. – 85 с.
4. Юмашева, Ю. Ю. Историография просопографии / Ю. Ю. Юмашева, Г. В. Иванова // Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики. – Москва ; Барнаул : Алтайский университет, 2005. – 598 с.
5. Киселев, И. Н. Социальный портрет высшей бюрократии России первой трети XIX в. Количественный анализ / И. Н. Киселев, С. В. Мироненко // Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней. Тезисы докладов совещания. – Москва : АН СССР, Институт истории СССР, 1986. – 197 с.

6. *Селин, А. А.* Обзор просопографических исследований 2000–2013 гг. / А. А. Селин // Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы: материалы Международного научного семинара / под научной редакцией: А. А. Селин ; Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ. – Санкт-Петербург : ВШЭ, 2013. – 142 с.

7. *Половцов, А. А.* Русский биографический словарь / А. А. Половцов. – Санкт-Петербург : Имп. Рус. ист. о-во, 1903. – Т. 9. – 708 с.

8. *Любезников, О. А.* Николай Николаевич Новосильцов – государственный деятель императорской России первой трети XIX века : специальность 07.00.02 : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Любезников Олег Анатольевич. – Санкт-Петербург, 2013. – 198 с.

9. *Федорченко, В. И.* Императорский дом. Выдающиеся сановники. Энциклопедия биографий / В. И. Федорченко. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – Т. 2. – 638 с.

10. *Писарькова, Л. Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX века: замыслы, проекты, воплощение / Л. Ф. Писарькова. – Москва : Новый хронограф, 2012. – 448 с.

УДК 94(47)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ЗАПАДНОМ РЕГИОНЕ БЕЛАРУСИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Ковалёва Наталья Николаевна

*Доцент кафедры гуманитарных наук,
кандидат исторических наук, доцент*

Брестский государственный технический университет

Брест, Республика Беларусь

nkkovaliova@mail.ru

Аннотация. В статье выявляются региональные аспекты национальной политики в конкретном регионе с учетом его особенностей, связанных с особой структурой национального состава, столкновением интересов различных политических сил. Анализируются обстоятельства, вызвавшие изменения политики на рубеже XIX–XX в.

Ключевые слова: западно-белорусский регион; межкультурные коммуникации; национальные проекты; этническая принадлежность; национальное самосознание.

REGIONAL ASPECTS OF NATIONAL POLICY OF RUSSIA IN THE WESTERN REGION OF BELARUS ON THE TURN OF THE XIX – XX CENTURIES

Kovaleva Natalia Nikolaevna

*Associate Professor Department of Humanities, Candidate
of Historical Sciences, Associate Professor
Brest State Technical University
Brest, Belarus
nkovaliova@mail.ru*

Abstract. The article reveals the regional aspects of national politics in a particular region, taking into account its features associated with the special structure of the national composition, the clash of interests of various political forces. The circumstances that caused policy changes at the turn of the 19th – 20th centuries are analyzed.

Keywords: West Belarusian region; intercultural communication; national projects; ethnicity; national identity.

Некоторые российские исследователи утверждают, что в России уже в конце XIX – начале XX в. появились первые концепции правительственной политики в национальных окраинах. Выделяют и основные «принципы политики на инкорпорированных территориях»: 1) сохранение существовавшего до вхождения в состав России административного порядка, местных законов и учреждений, отношений земельной собственности, верований, языка и культур; 2) широкое сотрудничество центрального правительства с нерусскими элитами; 3) создание некоторых преимуществ в правовом положении нерусских сравнительно с русскими; 4) этнические и национальные критерии, хотя и принимались во внимание, но по существу не мешали продвижению по социальной лестнице [1, с. 31]. В отношении западно-белорусского региона отмечается смена правительственного курса после восстания 1863 г. в сторону ужесточения с целью «унифицировать все части империи в административном, культурном, правовом и социальном смыслах [1, с. 39].

Соглашаясь с данным определением цели правительственной политики на национальных окраинах, отметим, что ее принципы отличались своеобразием ввиду особенностей этого региона. По этно-социальным и конфессиональным особенностям в западно-белорусский регион мы включаем Вилейский, Диснянский, Лидский, Ошмянский уезды Виленской губернии, Новогрудский и Слуцкий уезды Минской губернии, Гродненский, Волковысский, Слонимский уезды Гродненской губернии. Сюда же мы отнесем Брестский, Пружанский и Кобринский уезды Гродненской губернии, которые обычно объединяются под термином «Западное Полесье».

Особенность региона заключалась, прежде всего, в очень неоднородной национальной идентичности населения указанных уездов, о чем свидетельствуют данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в процессе проведения которой национальная принадлежность определялась по родному языку. Официально в России существовало представление о белорусском и украинском языках, как о белорусском и малороссийском наречиях русского языка, что нашло отражение в переписных листах: после указания количества русских в скобках указывается, сколько из них было малороссов и белорусов. В двух из указанных выше уездов, Брестском и Кобринском, малороссы составляли, соответственно, 64,3% и 79,5% из общего числа населения и 86,5% из числа русскоязычных в Брестском уезде и 95,2% в Кобринском уезде. Небольшую группу населения составляли малороссы в Пружанском уезде: 6,67% от всего населения и 7,8% от – русскоязычных. Процент польскоязычного населения колебался от 1,39% в Пружанском уезде до 5,66% в Гродненском уезде, еврейского – от 9,52% в Вилейском уезде до – 20,78% в Брестском уезде (подсчитано автором по данным Первой Всеобщей переписи 1897 г.) [2, с. 11, 13, 17].

Появление в переписных листах этнонимов белорусы и малороссы свидетельствует о росте национального самосознания этих категорий населения и формировании «в течение фактически одного столетия четырех противоборствующих национальных проектов»[3, с. 28]. Кроме российского, предполагающего полное интегрирование региона в состав России, и польского, ориентированного на восстановление в перспективе Речи Посполитой, добавляются еще украинский, имеющий очень сильную поддержку извне, и белорусский национальные проекты, в основе которых, соответственно, идея создания украинской и белорусской государственности.

Такое положение вещей предполагает далеко не мирные формы межкультурного диалога. Исследователи отмечают, что «западные области губернии обнаружили высокую степень напряженности и, значит, заметный конфликтный потенциал. По шкале нарастания данного показателя среди 49 губерний Гродненская губерния оказалась в 1901 г. на 43, а в 1910 г. на 39 месте [4, с. 151].

С учетом новых реалий в конце XIX в. руководство региона меняет курс, начиная искусственно культивировать «белорусскость», чтобы заблокировать процесс полонизации. Новый Виленский генерал-губернатор П.Д. Святополк-Мирский (1902–1904) отказался от устоявшегося подхода определять этническую принадлежность по вероисповеданию. Действительно, в Гродненской губернии значительная часть, а в Виленской губернии – более половины всех лиц (58,5%), считавших своим родным белорусский язык, исповедовали католицизм [5, с. 50]. В отчете за 1902–1903 гг., поданном Николаю II, генерал-губернатор делает вывод: «Чтобы остановить ополчение католической части белорусского племени, власть должна

приложить максимум усилий для развития у белорусов национального самосознания, чему может послужить введение в белорусских католических приходах дополнительного богослужения на их родном языке» [6, с. 193]. Возникает также идея ограниченного использования местных «наречий» в образовательных учреждениях как средства борьбы с полонизацией. Заметим, что идея так и не была реализована по разным причинам, в том числе и из-за недостатка соответствующей литературы. В 1863 г. так называемый «Валуевский циркуляр» запретил «печатание религиозной и учебной литературы на малорусском наречии», а «Эмский указ» 1876 г. налагал запрет на ввоз в Россию любых книг, издаваемых за границей на малорусском наречии, особенно учебников и молитвенников.

Католическое вероисповедание по-прежнему остается препятствием в продвижении по карьерной лестнице. К 1888 г. все предводители дворянства из польских землевладельцев в Белоруссии были уволены и заменены на русских дворян [7, с. 100]. Лишь Святополк-Мирский показал себя сторонником сотрудничества с польским образованным сообществом.

Таким образом, правительственная политика в западно-белорусском регионе была направлена не на сотрудничество с местными элитами, которые в большинстве своем оставались польско-язычными, а на борьбу с полонизацией и освобождение от польского влияния католического населения белорусских земель. Такая политика косвенным образом способствовала пробуждению национального самосознания белорусов.

Литература

1. *Миронов, Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) / Б. Н. Миронов : в 2 томах. – 3-е изд., испр., доп. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. – Т.1 – 583 с.

2. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под редакцией Н. А. Тройницкого. Выпуск 7. Наличное население обоего пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков. – [Санкт-Петербург] : Паровая Типо-Литография Н. Л. Ныркина, 1905. – 38 с.

3. *Кравцевич А.* Белорусы: нация Пограничья / А. Кравцевич, А. Смоленчук, С. Токть. – Вильнюс : ЕГУ, 2011. – 212 с.

4. На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотношения / ответственный редактор Л. Е. Горизонтов. – Москва : [Стратегия], 2004. – 255 с.

5. *Ганчар, А. И.* Римско-католический костел в Беларуси (1864–1905 гг.) : монография / А. И. Ганчар. – Гродно : ГГАУ, 2008. – 276 с.

6. *Бендин, А. Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.) / А. Ю. Бендин. – Минск : БГУ, 2010. – 439 с.

7. *Самбук, С. М.* Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. / С. М. Самбук ; редактор В. П. Панютнич. – Минск : Наука и техника, 1980. – 224 с.

**ТРЕТЬЕИЮНЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ И ПЕРСПЕКТИВЫ
«ОБНОВЛЕННОГО СТРОЯ» В ОСВЕЩЕНИИ
РУССКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ
И ГАЗЕТ ЛИБЕРАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ
(июнь–ноябрь 1907 г.)**

Сычев Николай Федорович

Магистрант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия

n.sichev@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме отношения российских либеральных политических партий начала XX века к Третьеиюньскому перевороту и т.н. «обновленному строю». Обсуждение манифеста и нового избирательного закона вызвало широкую полемику в периодических изданиях либерального направления, в которых публиковались мнения ведущих политических деятелей либерального направления. Однако в либеральной среде не был сформулирован единый взгляд на манифест и «обновленный строй» – позиции «Союза 17-го октября» и конституционно-демократической партии существенно расходились.

Ключевые слова: Третьеиюньский переворот; «обновленный строй»; октябристы; кадеты; избирательный закон; Государственная дума.

**THE JUNE 3rd COUP AND THE PROSPECTS OF THE «NEW ORDER»
IN THE COVERAGE OF RUSSIAN POLITICAL MAGAZINES
AND NEWSPAPERS OF THE LIBERAL DIRECTION
(JUNE-NOVEMBER 1907)**

Sychev Nikolai Fyodorovich

Master Student

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

n.sichev@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the attitude of the Russian liberal political parties of the early twentieth century to the June 3rd coup and the so-called «new order». The discussion of the Manifesto and the new electoral law caused a wide controversy in the periodicals of the liberal direction, which

published the opinions of leading political figures of the liberal direction. However, in the liberal environment, a single view of the Manifesto and the «updated system» wasn't formulated – the positions of the «Union of October 17» and the constitutional democratic party differed significantly.

Keywords: third-June revolution, «renewed system», octobrists, cadets, electoral law, State дума.

3 июня 1907 года был издан манифест о роспуске Государственной Думы 2-го созыва и введении нового избирательного закона. С этого момента берет свое начало т.н. третьеиюньская система, которая существовала в России вплоть до падения монархии в марте 1917 года.

Данная система была, безусловно, реакционной, поскольку являлась ответом верховной власти на революцию. Однако она вполне соответствовала духу времени – в России появилась октроированная конституция, при которой монарх, хотя и отказывался от неограниченности своей власти, но оставался безусловным источником конституционного строя [1, с. 9]. Таким образом, третьеиюньская система завершила собой обновление государственного строя в России.

Характерной чертой «обновленного строя» стало отсутствие цензуры в печати, вследствие чего политические партии получили возможность свободно влиять на общественное мнение. В период с июня по ноябрь 1907 года в прессе велась активная полемика касательно Третьеиюньского манифеста и перспектив «обновленного строя». Особую активность проявляли печатные органы двух ведущих политических партий либерального направления – октябристов и кадетов (ж-лы «Вестник Европы» и «Русская мысль», газеты «Голос Москвы», «Речь», «Русские ведомости»).

Партия октябристов не спешила с оценками Третьеиюньского манифеста, назвав этот акт лишь «прискорбной необходимостью» [2, с. 369]. ЦК партии в своей резолюции заявил, что изменение избирательного закона осуществлено в нарушение Основных законов 1906 г. В подобном, сдержанном ключе октябристы отзывались и о новом избирательном законе. «Сам народ поймет, что в Думу надо посылать людей солидных и серьезных» – писал «Голос Москвы» 6 июня 1907 г. [3]. В публикациях особая надежда возлагалась на правительство – ведь если оно решилось на такой шаг, то вполне отдаст себе отчет в том, что делает. Такая риторика может объясняться лишь тем, что октябристы с момента своего оформления в политическую партию в целом поддерживали все меры правительства, сопровождая их то сдержанными похвалами, то робкой критикой. В результате четкая позиция по отношению к манифесту так и не была выработана.

Тем не менее, спустя несколько месяцев, а именно – в ноябре 1907 г., в «Голосе Москвы» мы видим следующие строки: «Для нас несомненно, что тот государственный переворот, совершенный Государем, является

установлением конституционного строя в нашем отечестве» [4]. Мы видим, что отношение октябристов к манифесту 3 июня претерпело изменения. Что заставило их пересмотреть свою позицию? Ответ на этот вопрос попытались дать в историографии: советские исследователи считали, что октябристы попросту боялись оказаться один на один с сильным правым большинством в Думе, а манифест 3 июня и новый избирательный закон давали им возможность провести в народное представительство как можно больше своих депутатов, что позволяло сколотить правооктябристское большинство [5, с. 76].

Современные исследователи утверждают, что при определении тактической линии октябристы исходили из каждодневных задач законотворческой деятельности. По этой причине они были готовы идти на альянс с политическими силами, с которыми не соглашались даже по традиционным вопросам, например, с правыми [6, с. 64]. Как бы то ни было, по прошествии некоторого времени, октябристы осознали те преимущества, которые им давал Третьеиюньский манифест.

У партии кадетов сформировалось не менее интересное отношение к манифесту 3 июня 1907 г. Этот акт вызвал волну критики в кадетской печати, сопровождаемую преждевременными оценками происходящего. Более того, присутствовал даже некоторый шок от случившегося, что прослеживается в одной из публикаций «Русских ведомостей» в номере от 5 июня: «Как ни готовились к роспуску Думы, для многих даже в думской среде он оказался полной неожиданностью. Торопливость вызывает всеобщее изумление» [7]. Спустя два дня печатный орган кадетов в Петербурге, газета «Речь», оценивала Третьеиюньский манифест в таких тонах: «Несколько дней, прошедших со времени события 3 июня еще недостаточны, чтобы отдать себе полный отчет в размерах совершившегося. Но по отношению к непосредственному прошлому, событие 3 июня есть катастрофа, крушение надежд, перерыв в юридической непрерывности правового сознания общества» [8]. Таким образом, из всего вышеприведенного следует, что в первые дни после событий 3 июня у кадетов отсутствовала взвешенная оценка произошедшего, и преобладало чувство растерянности.

По прошествии некоторого времени в кадетской прессе стало прослеживаться более осмысленное отношение к Третьеиюньскому манифесту. Публицисты стали давать более трезвые оценки событиям 3 июня, уделяя особое внимание содержанию манифеста. «Нужно особенное искусство, чтобы нагромоздить в немногих страницах столько вопиющей неправды», — писал «Вестник Европы» в июле 1907 г. [9, с. 342]. Была даже высказана идея бойкота предстоящих выборов в Думу, однако, она была категорически отвергнута руководством партии, которое приняло решение продолжать политическую борьбу в рамках народного представительства [5, с. 69]. К ноябрю точка зрения кадетов не изменилась — они были убеж-

дены, что Россия вступила в фазу плохонькой и двусмысленной конституционной монархии с сильными реакционными наклонностями.

В своем отношении к Третьеиюньскому перевороту октябристы и кадеты сходны лишь в одном – обе партии признавали, что верховная власть издала манифест в нарушение Основных законов РИ 1906 г. Далее их точки зрения разошлись. Октябристы весьма сдержанно встретили манифест 3 июня, обозначив его как «прискорбную необходимость», однако вскоре выяснилось, что премьер-министр Столыпин в новой Думе решил опереться именно на них. Став одним из важнейших элементов Третьеиюньской системы, октябристы стремительно изменили свое отношение к манифесту и к «обновленному строю». Очевидно, что они осознали те преимущества, которые давал им новый государственный строй, и всецело сосредоточились на парламентской деятельности.

Левое крыло либеральной оппозиции в лице кадетской партии встретило манифест 3 июня шквалом критики. Это объясняется тем, что именно кадеты во II Думе были наиболее многочисленной и влиятельной фракцией, и, соответственно, ее роспуск не мог восприниматься ими иначе. Кроме того, кадетская партия в 1907 году пребывала в организационном и идейном кризисе, и утрата былого политического влияния в народном представительстве весьма болезненно сказалась на деятельности партии. Чтобы не лишать себя возможности вести парламентскую деятельность, кадеты не стали предпринимать резких движений, а сосредоточились на критике «обновленного строя» в прессе.

В целом в либеральных кругах так и не была сформирована единая официальная позиция по отношению к Третьеиюньскому манифесту и к перспективам «обновленного строя».

Литература

1. *Гайда, Ф. А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917) / Ф. А. Гайда. – Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2016. – 604 с.
2. *Ольденбург, С. С.* Царствование императора Николая II / С. С. Ольденбург. – Москва : Центрполиграф, 2016. – 654 с.
3. Голос Москвы. – 1907. – 6 (19) июня.
4. Голос Москвы. – 1907. – 14 (27) ноября.
5. *Дякин, В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. / В. С. Дякин. – Ленинград : Наука, 1978. – 248 с.
6. *Соловьев, К. А.* Законодательная и исполнительная власть в России. Механизмы взаимодействия (1906–1914) / К. А. Соловьев. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 510 с.
7. Русские ведомости. – 1907. – 5 (18) июня.
8. Речь. – 1907. – 7 (20) июня.
9. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. – 1907. – № 7.

**НЕМЕЦКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ
В ГОДЫ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА:
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Сакович Вячеслав Александрович

Аспирант

Белорусский государственный педагогический

университет им. Максима Танка

Минск, Республика Беларусь

sla_2012@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется положение высшей школы Германии в годы нахождения у власти национал-социалистов. Рассмотрены элементы образовательной и научной составляющей системы немецкого высшего образования, выявлена степень влияния на нее государственных и партийных контролирующих органов.

Ключевые слова: Третий рейх; национал-социализм; унификация; нацификация, университеты, система высшего образования; наука.

**GERMAN UNIVERSITIES IN THE YEARS OF NATIONAL
SOCIALISM: EDUCATIONAL PROCESS
AND SCIENTIFIC ACTIVITY**

Sakovich Vyacheslav Aleksandrovich

Post-graduate Student

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

Minsk, Republic of Belarus

sla_2012@mail.ru

Abstract. The article analyzes the situation of higher education in Germany during the years when the National Socialists were in power. The elements of the educational and scientific component of the system of German higher education are examined, the degree of influence of state and party control bodies on it is revealed.

Keywords: The Third Reich (Drittes Reich); National Socialism; unification; nazification, universities, system of higher education; science.

С момента прихода к власти руководство НСДАП придавало огромное значение «идеологически правильному» развитию образования и науки как оплоту общественного сознания, свидетельством чему стали решительные шаги национал-социализма в данном направлении.

Говорить об изменении в образовательном процессе можно сразу с 1933 г., если принять во внимание увольнение большого количества сотрудников вузов в соответствии с законом «О восстановлении профессиональной государственной службы» 1933 г. К концу 1934 г. их насчитывалось 15% педсостава, из которых 11% составляли ординарные профессора, всего около 1700 человек [1, S. 824]. За первые 5 лет управления страной нацисты заменили 45% кадров штатных университетских должностей [2, с. 488]. До 1939 г. тем или иным формам воздействия подверглось 39% профессоров. Вдобавок ко всему, Германию к началу войны покинуло около 3000 ученых, из которых 756 имели звание профессора [1, S. 824]. В случае нехватки специалистов в конкретном учебном заведении из другого вуза в срочном порядке переводился преподаватель для осуществления образовательной деятельности.

Из выступлений Г. Франка и Б. Руста следовало, что университеты в Третьем рейхе будут служить тем же целям, что и школы. Постепенно начали вводиться новые предметы, связанные с расовой наукой, расовой гигиеной, военной историей, предысторией, немецким фольклором. В более чем половине университетов Германии были открыты институты расовой науки [3, с. 329–330]. В качестве примера можно привести Берлинский университет, где новоиспеченный ректор О. Фишер распорядился ввести 25 курсов лекций по расовой теории [2, с. 488].

Вдобавок ко всему, внедрялись дисциплины по политической идеологии национал-социализма, многие из которых после непродолжительного периода были сокращены или вовсе исключены из учебного процесса. Уже через несколько лет «строго нацистскими» осталось менее 5% лекций, что можно объяснить отсутствием их популярности у студентов, несогласием педагогов или попросту непониманием последними, как внедрить нацистские идеи в свои курсы [3, с. 330]. И это при том, что при Берлинском университете был создан Институт политической педагогики для внедрения «правильной» идеологии. Его возглавил видный нацистский педагог и философ А. Боймлер [2, с. 488].

Иррациональность и противоречивость идеологии НСДАП для ученых-профессоров была слишком очевидна из-за своей грубости и плохой проработанности, поэтому не могла серьезно повлиять на методiku преподавания и изучения отдельных университетских дисциплин. Так, большинство докторских диссертаций, написанных в период Третьего рейха, было по своей сути «ненацистскими» и лишь 15% от их общего количества можно отнести к «нацистским» по языку и методологии [3, с. 331–332].

Несмотря на сильное равнодушие в преподавательской среде к идеологии национал-социализма, немецкие университеты к началу войны были в значительной мере нацифицированы. в первую очередь благодаря студен-

ческим объединениям. Так, если в 1933 г. НСДАП в технических вузах открыто поддерживало 20,6% преподавателей, то к 1941 г. – 57%. Например, в 1942 г. Берлинский технический университет имел 55,4% сторонников партии, а университет Тюбингена – 81% [1, S. 827].

По мере приближения войны все большую поддержку стали получать направления, связанные с военными разработками. Режим всячески стимулировал развитие и поддерживал внедрение технических инноваций. Со временем на второй план отошли идеи «арийской физики» Ф. Ленарда и Й. Штарка, называющие теории А. Эйнштейна «еврейской наукой», когда руководство страны поняло, что это вредит перевооружению. Также имели место попытки внедрения «арийской» математики и химии, но из-за своей невразумительности и расплывчатости они нашли мало сторонников. Сильный толчок получила биология и медицина, хотя первая местами и была искажена расистским учением, а вторая вошла в историю только как евгеника и опыты над людьми. Благодаря особенностям государственного финансирования, был открыт ядерный синтез, созданы такие медицинские препараты, как димедрол и метадон, газ зарин. В технике были созданы электронный микроскоп, реактивный двигатель, электронный компьютер, изобретена экструзия холодной стали, выключатель энергопитания, магнитофон, рентгеновская трубка, дизельный двигатель и многое другое. Правда, большинство из этого было создано не в стенах университетов, а усилиями научных институтов Общества Кайзера Вильгельма и промышленными лабораториями [3, с. 339–340; 4, с. 12–17; 7, с. 293–298].

Иначе обстояло дело с гуманитарными науками. В пример можно поставить историю, которую нацисты пытались превратить в оружие своей пропаганды. Ученым-историкам предлагали взять на вооружение новые подходы, основанные на расовом принципе, по которым Карл Великий и Николай Коперник стали немцами. Несмотря на все давление, которое оказывали бескомпромиссные идеологи, такие как А. Розенберг и Г. Гиммлер, немецкая историческая мысль оказалась в своей основе равнодушна к идеям расового подхода, «крови и почвы», язычества. Как и прежде главное место занимала дипломатическая и военная история. Многие ученые, чтобы избежать политического преследования, ушли во «внутреннюю эмиграцию», занялись написанием энциклопедий и биографий выдающихся личностей. Аналогичная ситуация сложилась в других гуманитарных науках. Стоит отметить, что репрессии по отношению к ученым-немцам, особенно крупным, практиковались редко. Даже в случаях сильной критики режима, власти ограничивались запретами на публичные выступления или изъятием неугодных произведений. Так было, например, с О. Шпенглером, нелестно отзывавшимся о гитлеровском режиме [6, с. 48].

Очевидно, что немецкие университеты при нацистском режиме испытывали огромное давление со стороны руководства страны. Но при этом однозначно говорить о фундаментальных изменениях в науке и высшем образовании крайне сложно ввиду непродолжительности нахождения у власти НСДАП. После вынужденной эмиграции многих ученых немецкая наука была обескровлена, несмотря на то, что в ней по-прежнему оставалось множество выдающихся исследователей. Освободившиеся места занимали «расово пригодные», как правило, менее опытные специалисты, не обладавшие глубокими знаниями. В большинстве случаев попытки нацифицировать немецкую науку не увенчались успехом. Значительная часть ученых как гуманитарных, так и естественных наук, придерживались старых принципов в своих исследованиях. Это, однако, не отменяет того факта, что немецкое высшее образование деградировало, главным образом из-за репрессий в отношении преподавателей, руководства университетов, а также качественных изменений в организации учебного процесса, когда студенты направлялись для работ на заводы, поля, дорожное строительство и т.п.

Литература

1. *Wehler, H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte: 4 Bde. / H.-U. Wehler ; Bd. 4 : Vom Beginn des Ersten Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten, 1914–1949. – München : C. H. Beck, 2003. – 1173 S.
2. *Патрушев, А. И.* Германская история: через тернии двух тысячелетий / А. И. Патрушев. – Москва : Международный университет в Москве, 2007. – 704 с.
3. *Эванс, Р.* Третий рейх. Дни триумфа: 1933–1939 / Р. Эванс ; перевод с английского Б. Кобрицова, А. Галактионов. – Москва : Астрель, 2012. – 958 с.
4. *Уолкер, М.* Наука при национал-социализме / М. Уолкер ; перевод с английского И. А. Белозеровой ; послесловие и редактор Э. И. Колчинского // Вопросы истории естествознания и техники. – 2001. – № 1. – С. 3–30.
5. *Ширер, У.* Взлет и падение и Третьего рейха / У. Ширер ; перевод с английского О. А. Ржевского. – Москва : АСТ, 2015. – 1216 с.
6. *Пленков, О. Ю.* Тайны Третьего Рейха. Культура на службе вермахта / О. Ю. Пленков. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 480 с.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МИЛИЦИИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ОХРАНЕ ПРАВОПОРЯДКА
в 1970–1980-е гг.¹**

Карпов Сергей Григорьевич
*Доцент кафедры отечественной истории,
кандидат исторических наук, доцент
Вологодский государственный университет
Вологда, Россия
Ksg-asics@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены основные формы взаимодействия милиции и общественности Вологодской области в борьбе с правонарушениями и преступностью.

Ключевые слова: внештатный сотрудник; милиция; народная дружина; преступность; профилактика правонарушений.

**INTERACTION OF POLICE AND PUBLIC
VOLOGDA REGION IN LAW ENFORCEMENT
IN THE 1970S–1980S.**

Karpov Sergey Grigorievich
*Associate Professor of the Department of National History,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Vologda State University
Vologda, Russia
Ksg-asics@yandex.ru*

Annotation. The article deals with the main forms of interaction between the police and the public of the Vologda region in the fight against offenses and crime.

Keywords: Freelance, police, national team, crime, crime prevention.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-09-00554 «Органы внутренних дел в контексте взаимоотношений власти и общества России в XX веке (на материалах Европейского Севера)».

В советский период истории власть стремилась развивать общественные начала и активность граждан, в том числе в сфере охраны правопорядка и борьбы с преступностью. На состоявшемся в 1959 г. XXI съезде КПСС был сделан вывод о завершении построения в СССР социалистического общества. Поскольку, согласно марксистской теории, при социализме отсутствуют объективные корни для существования преступности, возобладали идея о сокращении государственных органов охраны общественного порядка.

2 марта 1959 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «Об участии трудящихся в охране общественного порядка» [5]. В соответствии с этим постановлением прежние общественные формирования по охране общественного порядка (бригады содействия милиции) были распущены, а вместо них стали создаваться добровольные народные дружины (ДНД). Они призваны были взять на себя часть функций правоохранительных органов. Эта тенденция получила развитие в решениях XXII съезда КПСС (1961 г.), который провозгласил курс на построение основ коммунистического общества. В обществе, строящем коммунизм, согласно партийным идеологическим догмам, постепенно «утвердятся гармонические отношения между личностью и обществом на основе единства общественных и личных интересов» [4, с. 243]. Для полной победы над преступностью необходимо ликвидировать причины ее порождающие. При этом главное внимание обращалось на устранение ее причин, то есть профилактику преступлений и замену уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания. В соответствии с этими установками в 1962 г. МВД РСФСР было реорганизовано в Министерство охраны общественного порядка (МООП РСФСР). Основной задачей органов внутренних дел на переходный к коммунизму период провозглашалась охрана общественного порядка от «отдельных» его нарушений, допускаемых «отдельными несознательными гражданами».

В связи с этим основной формой взаимодействия милиции с общественностью стали добровольные народные дружины (ДНД). Они были созданы на большинстве предприятий, организаций и вузов Вологодской области. За каждой ДНД была закреплена определенная территория, а общее руководство деятельностью дружинников осуществляли штабы народных дружин, которые создавались на уровне городов и городских районов, а также на крупных предприятиях. Кроме обычных ДНД, в области создавались специализированные общественные формирования: оперативные комсомольские отряды (ОКОД), дружины по работе на транспорте, группы регулирования дорожного движения, группы по работе с несовершеннолетними; сводные оперативные отряды дружинников.

Дружинники активно привлекались к охране общественного порядка как во время праздничных мероприятий, так и в обычные дни. Совместно с нарядами милиции они вели патрулирование и наблюдение за соблюдением порядка в общественных местах, сохранностью портретов, лозунгов, плакатов на площадях и улицах населенных пунктов, осуществляли охрану складских помещений, узлов связи, банков, сберкасс, музеев и других важных объектов [1, д. 70, л. 87; д. 72, л. 173]. Они имели достаточно широкие полномочия, в частности, право задержать человека и доставить его в отделение милиции. Таким образом, дружинники без проблем справлялись с мелкими правонарушителями (хулиганами, пьяницами, нарушителями тишины и т. д.). Однако нередко дружинники самостоятельно задерживали опасных преступников. Так, в сентябре 1980 г. в п. Иванов Бор Кирилловского района, условно осужденный Осипов совершил убийство и скрылся. На розыск преступника были мобилизованы работники милиции и общественность. Члены ДНД карьера «Кирилловский» Ю.И. Егоров, Н.Б. Сальников, А.И. Романов и В.В. Серов, получив сигнал о появлении в одной из окрестных деревень мужчины с приметами разыскиваемого, немедленно организовали поиск преступника и задержали его [1, д. 217, л. 80]. Таких случаев в практике работы народных дружин было немало. Так, членами ОКОД Вологодского политехнического института в 1982 г. было задержано 527 правонарушителей, из них 60 несовершеннолетних и 12 человек, совершивших уголовные преступления, предупреждено 40 нарушений общественного порядка и 2 преступления [2].

Сотрудничество милиции и общественности выражалось также в проведении профилактической работы по предупреждению правонарушений. Успешную работу по профилактике краж вел старший инспектор ОУР Ф.П. Бенев, который создал специализированную ДНД по предупреждению этого вида преступлений из учащихся ГПТУ – 14. Дружина осуществляла профилактические мероприятия в местах массового пребывания граждан и работала достаточно эффективно [1, д. 73, л. 207]. Одной из эффективных форм работы по профилактике правонарушений среди молодежи являлись всесоюзные «Недели комсомольского действия». В рамках одной из таких недель, которая проводилась в Вологодской области с 24 по 30 сентября 1979 г., приняло участие 3962 человека, в т.ч. 1480 членов ОКОД и 287 работников милиции. В ходе акции было проверено 1023 подростка, состоящих на учете в ИДН, задержано 195 подростков-правонарушителей [3].

Широкое распространение в 1970-е гг. получили институты внештатных сотрудников милиции и общественных инспекторов. Добровольные помощники милиции работали в качестве внештатных участковых инспекторов, внештатных сотрудников ОБХСС, общественных инспекторов по паспортной работе, внештатных сотрудников ГАИ, внештатные сотрудни-

ки по работе с несовершеннолетними. В 1980 г. руководством УВД Вологодского облисполкома был поощрен внештатные участковые инспектора милиции Кичменгско-Городецкого РОВД А.Н. Якимов и И.И. Глебов. Работая водителем, А.Н. Якимов возглавлял районную ДНД, являлся членом товарищеского суда при общественном пункте охраны порядка, шефствовал над двумя трудными подростками. И.И. Глебов, фельдшер Емельяновского медпункта, многократно оказывал содействие милиции в охране общественного порядка, профилактике правонарушений, пресечении браконьерства. В ноябре 1980 г. Глебов сумел установить местонахождение бежавшего из колонии-поселения преступника и вместе с сотрудником милиции участвовал в его задержании [1, д. 219, л. 11].

Большая группа помощников милиции была представлена внештатными сотрудниками ГАИ, которые оказывали содействие милиции при проверке документов, проведении техосмотров автомобилей, проверяли состояние дорог, участвовали в проведении рейдов и т.д. Масштабную по объему работу проводили общественные инспекторы по паспортной работе. Так, общественный инспектор по паспортной работе Устюженского РОВД Л.А. Кедрова в 1969 г. проверила паспортный режим в 247 домовладениях с населением около тысячи человек [1, д. 156, л. 112]. Также на общественных началах действовали комиссии по делам несовершеннолетних, уличные и домовые комитеты, товарищеские суды, советы по охране социалистической собственности. Эти организации, работая в тесном контакте с правоохранительными органами, вносили свой вклад в дело профилактики правонарушений и воспитания граждан.

Литература

1. Архив УМВД по Вологодской области. Ф. 7. Оп. 1.
2. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 3805. Оп. 46. Д. 6. Л. 1.
3. ВОАНПИ. Ф. 3892. Оп. 43. Д. 39. Л. 86.
4. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференция и пленумов ЦК. В 14 томах. Том 8: 1959 – 1961. – Изд. 8-е, доп. и испр. – Москва : Политиздат, 1972. – 566 с.
5. Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране : Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 02.03.1959 № 218. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online/> (дата обращения: 26.11.2019). – Текст : электронный.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БРИТАНСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ
В ПЕРИОД ВНУТРИПАРТИЙНОГО КРИЗИСА (1997–2005 гг.)**

Сурма Алексей Александрович

Аспирант

Белорусский государственный педагогический

университет им. М. Танка

Минск, Республика Беларусь

Surma623@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется деятельность британских консерваторов в период внутривнутрипартийного кризиса (1997–2005 гг.), определяется причина кризиса и подходы трех партийных лидеров – Майкла Говарда, Уильяма Хейга и Иэна Дункана Смита по его ликвидации. Также автор устанавливает причины неспособности указанных лиц преодолеть кризис.

Ключевые слова: Великобритания; Консервативная партия; евроскептики; евроэнтузиасты; кризис.

**ACTIVITIES OF BRITISH CONSERVATIVES DURING
THE INNER-PARTY CRISIS (1997–2005)**

Surma Alexey Aleksandrovich

Post-graduate Student

The Belarusian State Pedagogical University

named after Maxim Tank

Minsk, Republic of Belarus

Surma623@gmail.com

Abstract. The article analyzes the activities of British conservatives during the inner-party crisis (1997–2005); it identifies the cause of the crisis and the approaches of the three party leaders –Michael Howard, William Hague Iain Duncan to handle it. In addition, the author establishes the causes of their failure to overcome the crisis.

Keywords: Britain; Conservative party; eurosceptics; euroenthusiasts, crisis.

Консервативная партия Великобритании является одной из основных политических сил Соединенного Королевства. С ее деятельностью в большей или меньшей степени связаны многие важнейшие события в стране. На сегодняшний день растущий интерес широкой общественности к истории данной политической организации обусловлен процессом выхода Великобритании из Европейского Союза, в котором британские консерваторы играют, пожалуй, ключевую роль.

Со второй половины 1990-х гг. начался период в истории Консервативной партии Великобритании, который можно охарактеризовать как время внутривнутрипартийного кризиса тори. Он прервал почти двадцатилетнее пребывание консерваторов у власти – партия проиграла парламентские выборы 1997 г., получив лишь 165 мест в Палате общин против 418 мест, полученных лейбористами. [1, р. 120]. Основной причиной кризиса стало несоответствие идеологической программы партии (тэтчеризм) требованиям времени – для британского электората более важными стали вопросы улучшения социального обслуживания и качества жизни, чего тэтчеризм с его приверженностью максимальному уменьшению масштабов государственного регулирования рыночной экономикой не мог обеспечить [2, с. 87; 3, р. 253].

В сложившихся условиях партию возглавил евроскептик Уильям Хейг, деятельность которого была направлена на ликвидацию внутривнутрипартийного кризиса [4, с. 86]. Хейг предпринял попытку модернизировать партийную идеологию. Вначале лидер консерваторов призвал однопартийцев бросить вызов «Новым лейбористам» Т. Блэра и перейти на более центристские позиции в британском политическом спектре, чтобы вернуть около четырех миллионов потерянных голосов избирателей. Но уже через год из-за негативных результатов опросов общественного мнения о своей популярности тори вновь вернулись к прежней правой популистской позиции, включавшей вопросы предоставления убежища, иммиграции, борьбы с преступностью, политики в отношении ЕС [5, р. 171]. Стоит отметить, что отсутствие единства в рядах Консервативной партии по европейскому вопросу осложняло процесс обновления ее идеологии – в партии наблюдалась вражда между евроскептиками и евроэнтузиастами [4, с. 86]. Хейгу удалось немного уменьшить уровень несогласия по европейскому вопросу среди членов Консервативной партии, но лидер консерваторов не сумел полностью предотвратить внутривнутрипартийный раскол. Противостояние между сторонниками углубления европейской интеграции и ее противниками продолжилось [6, р. 155–156].

Вышеуказанные неудачи Хейга отразились на результатах парламентских выборов 2001 г., где консерваторы вновь потерпели поражение [1, р. 120]. Вскоре после этого Хейг принял решение оставить пост лидера партии и подал в отставку. В 2001 г. на выборах главы Консервативной партии победу одержал очередной евроскептик Иэн Дункан Смит [7, с. 236–237].

Первым шагом Дункана Смита на посту лидера консерваторов стало объявление о тщательном пересмотре партийной политики. Он призвал членов Консервативной партии отказаться от дискуссии по вопросу взаимоотношений с ЕС и уделить внимание проблемам здравоохранения, обра-

зования, преступности, а также помощи наиболее «уязвимым» гражданам британского общества [3, р. 260]. Посредством переориентации консерваторов с решения экономических проблем на социальные Дункан Смит намеревался (как и Хейг) потеснить «Новых лейбористов» в центре британского политического спектра. Однако сохранившееся при новом лидере тори (как при Хейге) господство идеологических постулатов тэтчеризма в политике партии помешало создать эффективную, органично связанную и теоретически обоснованную идеологию [8, р. 202–204]. Дункану Смигу к тому же не удалось сплотить партию, которая по-прежнему делилась на враждующих между собой евроскептиков и евроэнтузиастов. В итоге в конце октября 2003 г. консерваторы выразили вотум недоверия своему лидеру, и он был отправлен в отставку [7, с. 240].

6 ноября 2003 г. консерваторов возглавил Майкл Говард. Как и два его предшественника, он начал свою деятельность с попытки переноса идеологических основ партии ближе к политическому центру. Однако и ему не удалось выстроить новую политическую платформу тори должным образом к предвыборной кампании 2005 г. Об этом свидетельствовало возвращение Консервативной партии к правому популизму, в частности, к вопросу об иммиграции [9, р. 210, 214–215]. Такие действия обусловили очередное поражение консерваторов на парламентских выборах 2005 г., следствием чего стала отставка М. Говарда [1, р. 120]. Очередным лидером партии стал Дэвид Кэмерон, благодаря деятельности которого в 2010 г. тори вернулись к власти в стране в качестве старшего партнера по коалиции с Партией либеральных демократов.

Таким образом, в основе деятельности британских консерваторов в период внутрипартийного кризиса 1997–2005 гг. лежало обновление партийной идеологии. Проанализировав подходы трех лидеров Консервативной партии к модернизации политической программы тори, можно сделать вывод, что основной причиной неудач в данном вопросе являлась неспособность партийного руководства отказаться от идеологических постулатов тэтчеризма, что в итоге помешало выработке новой политической программы, способной заинтересовать электорат и вернуть консерваторов на вершину власти.

Литература

1. *Denver, D.* British general elections since 1964: diversity, dealignment, and disillusion / D. Denver, M. Garnett. – First edition. – Oxford : Oxford University Press, 2014. – 224 p.
2. *Громыко, Ал. А.* Модернизация партийной системы Великобритании / Ал. А. Громыко. – Москва : Весь Мир, 2007. – 344 с.
3. *Seldon, A.* The Barren Years: 1997–2005 / A. Seldon, P. Snowdon // *Recovering Power: the Conservatives in Opposition since 1867* / A. Seldon, p. Snowdon :

eds. S. Ball, A. Seldon. – New York : Palgrave Macmillan, 2005. – Ch. 11. – P. 243–275 p.

4. Великобритания: эпоха реформ / Ал. А. Громько [и др.] ; ответственный редактор Ал. А. Громько. – Москва : Весь Мир, 2007. – 536 с.

5. Dorey, P. British Conservatism: the politics and philosophy of inequality : International library of political studies / P. Dorey. – London : I.B. Tauris, 2011. – 275 p.

6. Lynch, P. The Conservatives and Europe, 1997–2001 / P. Lynch // The Conservatives in crisis. The Tories after 1997 / P. Lynch ; eds. M. Garnett, P. Lynch. – Manchester : Manchester University Press, 2003. – Ch. 10. – P. 146–163 p.

7. Брункевич, Д. В. Консервативная партия Великобритании и Европейский союз в 1990–2004 гг. : специальность 07.00.03 : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Брункевич Денис Валерьевич. – Ярославль, 2005. – 304 с.

8. Hayton, R. Iain Duncan Smith, 2001–3 / R. Hayton // Leaders of the opposition: from Churchill to Cameron / R. Hayton; ed. T. Heppell. – London : Palgrave Macmillan, 2014. – Ch. 15. – P. 196–209.

9. Garnett, M. Michael Howard, 2003–5 / M. Garnett // Leaders of the opposition: from Churchill to Cameron / M. Garnett ; ed. T. Heppell. – London : Palgrave Macmillan, 2014. – Ch. 16. – P. 210–221.

**СЕКЦИЯ № 3. ИСТОРИК, ИСТОЧНИК,
ИСТОРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ**

УДК 94(416)

**ИЗДАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЕКСТОВ IMMRAMA
В. СТОУКСОМ КАК ПОСТАНОВКА
ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ О ЖАНРЕ**

Богданова Анастасия Алексеевна

Аспирант

Тюменский государственный университет

Тюмень, Россия

bognastia1996@gmail.com

Аннотация. Ирландский ученый-энциклопедист В. Стоукс (1830–1909) подготовил четыре издания с переводом средневековых ирландских текстов «Плавания» (др.-ирл. Immrama), где сформулировал ряд важных теоретических положений. В настоящей статье рассматривается рецепция этих положений в глобальной исследовательской среде и их значение для развития проблематики жанра. Работа выполнена в векторе постепенной актуализации историографических штудий в кельтологии, но также будет полезна всем, кто интересуется средневековой ирландской литературой и историей.

Ключевые слова: Винтли Стоукс; Плавания; Immrama; средневековая ирландская литература; ирландистика; кельтология.

**WHITLEY STOKES' EDITIONS OF THE OLD IRISH IMMARAMA
AS A CONTRIBUTION TO THE GENRE'S THEORETICAL THOUGHT**

Bogdanova Anastasiia Alekseevna

Post-graduate Student

Tyumen State University

Tyumen, Russia

bognastia1996@gmail.com

Abstract. The Irish scholar W. Stokes (1830–1909) has suggested a plenty of important theoretical points in his editions of the medieval Irish texts The Voyages (Old Irish Immrama) with a parallel translation. The author is consider-

ing the reception of this contribution within the global scientific tradition in Irish and Celtic Studies. The article will be useful not only for celtologists themselves, but also for everyone who is interested in medieval Irish literature and history.

Keywords: Whitley Stokes; Immrama; Old Irish Literature; Irish Studies; Celtic Studies.

Э. Халл (E. Hull), вспоминая об В. Стоуксе (1830–1909), так оценивает его вклад в изучение «Плаваний»: «Он питал особый интерес к тем историям о морских плаваниях, которые связаны с образами невиданного мира в ирландской языческой и христианской литературе» [1, p. 358]. Впрочем, его научное творчество органично вписывалось в энциклопедизм и широту академических взглядов второй половины XIX века и не ограничивалось сугубо кельтологической сферой, о чем писали еще его коллеги [1, p. 357; 2, p. 352]. В последнее время не только к деятельности В. Стоукса, но и к наследию других энциклопедистов-кельтологов середины XIX – начала XX вв. (Ю. О'Карри, Дж. Питри, А. Натта и др.) все чаще обращаются современные ученые, что показывает и актуальность наших изысканий, и возросшую потребность профессионального сообщества в саморефлексии, в понимании логики развития кельтологии и ирландистики как научной области (Celtic and Irish Studies) [3–5].

В. Стоукс подготовил издания с параллельным переводом трех «Плаваний»: «Плавание Майль-Дуйна», «Плавание Уа Корра»; «Плавание Снедгуса и Маг Риагла» представлено в двух версиях [6–10]. Ранее мы отмечали ценность как лингвистической, так и источниковедческой работы издателя: его редакция сохранила оригинальные (хотя и поздние) среднеирландские формы; был поставлен вопрос о влиянии различных культурно-нарративных традиций на средневековые Immrama; сформулированы тезисы об авторстве и соотношении исторического и мифологического в текстах [11]. Но нам кажется целесообразным также показать восприятие (рецепцию) его теоретических положений в глобальной кельтологической науке, таким образом, подчеркнуть их оригинальность и/или преэминентность в едином академическом дискурсе.

В. Стоукс через поиск сюжетных параллелей допускал влияние трех культурных традиций на Immrama: античной, автохтонной кельтской и христианской [6, p. 449–450]. Ученый придерживался комплексной точки зрения, не отдавая приоритет ни одной из них. В контексте данной проблематики активно был подхвачен тезис о репрезентациях в Immrama античных мотивов и художественных форм. Так, параллельно с В. Стоуксом прямую связь между ирландскими «Плаваниями» и Энеидой Вергилия подчеркивал немецкий лингвист Г. Циммер (H. Zimmer) [12]. Доводы обоих исследователей подверг критике У. Ф. Тралл (W. F. Thrall), причем аргу-

ментация первого на материале Одиссеи и Imirgata представляюсь ему более четко сформулированной и даже имеющей некоторые основания для предположений «общего происхождения концептов греческой и кельтской традиций» [13, р. 459–460]. Тем не менее, доказательств, чтобы констатировать прямое заимствование, явно не достаточно. Сам автор приходит к выводу, что «судя по наличию схожих сюжетов как в античной литературе, так и в ирландских историях того же типа (*similar class*), можно предположить существование примитивных легенд (*primitive store of legend*), вдохновлявших как греков, так и кельтов» [13, р. 460].

И только в 1984 году Р. Элдевик (R. Eldevik) реактуализирует данную проблематику. Отметив ценность роли В. Стоукса как первопроходца в этой перспективной для компаративистики теме, Р. Элдевик считает возможным прежде всего влияние Энеиды, которое прослеживается на уровне: 1) латинских цитат; 2) общей «рамочной» конструкции повествования о морском странствии; 3) характера духовного развития героя на протяжении всей истории [14, р. 6].

К сожалению, влияние ирландских юридических практик в контексте «Плаваний» не упоминалось, но пенитенциальный обычай отправлять преступника в море на маленькой лодке с минимумом запасом еды и питья В. Стоукс рассматривал на материале агиографии и скандинавского эпоса. Его наблюдения использовала в своей уникальной статье М. Бирн (M. Byrne), впервые связавшая появление ирландских историй о морских путешествиях с ирландским юридическим прагматиком [15].

Наряду с цитированием В. Стоукса в магистральных направлениях изучения «Плаваний» мы сталкиваемся и с необычной интерпретацией его теорий. Так, Б. Хиллерс (B. Hillers) обращает внимание на неприязненное отношение исследователей к пристрастию средневековых авторов описывать именно архипелаги волшебных островов, а не один конкретный локус. Исследовательница видит отголоски подобного в реакции В. Стоукса на повесть «Плавание Уа Корра», когда он характеризует часть с морским путешествием как «мешанину из лоскутов» (*disconnected patchwork*), в то время как первые эпизоды – «интересными и художественно выразительными»¹ [9, р. 25; 16].

Изучение изданий и их справочного аппарата важно не только для обнаружения дискуссионных проблем, но и для демонстрации развития *фак-*

¹ Несмотря на оригинальность, замечание Б. Хиллерс весьма спорно. В. Стоукс находил и достоинства в образах некоторых островов: в «Плавании Уа Корра» такими были сцены наказания грешников на островах Ада, отражающих эсхатологические представления раннесредневекового ирландца [9, р. 25]. «Плавание Майль-Дуйна» ученый вообще находит «забавным» и с деталями, не лишенными художественной красоты [6, р. 448].

тологической базы о жанре: его дефиниции, датировки, состава. Наглядным примером являются различные попытки издателей датировать появление историй и их окончательное оформление в нарративной традиции. Последующие поколения использовали одну или несколько предложенных датировок. Так, в начале XX века была весьма распространена система Г. Циммера [12, s. 198, 216], на которого ссылаются английские и американские авторы¹. Для «Плавания Брана» авторитетной считается датировка его композиции Куно Мейером (K. Meyer) – VII в. [17]. Оба исследователя опирались на лингвистический критерий. В. Стоукс, пользуясь лингвистическим и сюжетно-компаративным анализом, датировал «Плавание Снедгуса и Маг Риагла» (расширенной версии) и «Плавание Уа Корра» X в. и XI в. соответственно [9, p. 25; 10, p. 131]. Несмотря на то, что он не вдавался в подробности этого вопроса, а по возможности просто избегал его, отдавая предпочтение датированию дошедших до нас манускриптов, версия В. Стоукса учитывалась в узкопрофессиональных кругах [18; 20, p. 34–35], а его издания и переводы пользуются авторитетом и спросом вплоть до наших дней.

Таким образом, теоретические тезисы, сформулированные В. Стоуксом в изданиях «Плаваний» имели большой импульс в глобальной исследовательской традиции жанра. Прослеживая рецепцию научного вклада В. Стоукса последующими поколениями исследователей, мы видим, как приобретают очертания основные проблемы и тематические направления *Immra*, как происходит их трансформация и актуализация.

Литература

1. Hull, E. Whitley Stokes / E. Hull // *Folklore*. – 1909. – Vol. 20, № 3. – P. 356–360.
2. Best, R. I. Bibliography of the publications of Whitley Stokes / R. I. Best // *Zeitschrift für celtische Philologie*. – 1912. – Bd. 8. – S. 351–406.
3. Boyne, P. Thank You, Eoin O'Curry; from Mangan, O'Grady and Others / P. Boyne // *Studies: An Irish Quarterly Review*. – 1983. – Vol. 72, № 285. – P. 76–83.
4. Wood, J. *Folklore Studies at the Celtic Dawn: The Rôle of Alfred Nutt as Publisher and Scholar* / J. Wood // *Folklore*. – 1999. Vol. 110, № 1–2. P. 3–12.

¹ «Плавание Майль-Дуйна», «Плавание Снедгуса и Маг Риагла» и «Плавание Уа Корра» Г. Циммер датировал концом VIII в., IX или X вв. и началом XII в. соответственно. Ему следуют американские исследователи кельтских корней Артуровского цикла – У. А. Нитце и А. Ч. Браун [18, p. 388; 19, p. 463], а также У. Ф. Тралл [13, p. 450–451] с учетом и других датировок, предложенных А. Наттом, К. Мейером и В. Стоуксом.

5. *Boyle, E.* The Tripartite Life of Whitley Stokes (1830–1909) / E. Boyle, P. Russell. – Dublin : Four Courts Press, 2011. – 268 p.
6. The Voyage of Mael Duin // *Revue Celtique* / Ed. and tr. by W. Stokes. – Paris, 1888. – Vol. 9. – P. 447–495.
7. The Voyage of Mael Duin // *Revue Celtique* / Ed. and tr. by W. Stokes. – Paris, 1889. – Vol. 10. – P. 50–95.
8. The Voyage of Snedgus and Mac Riagla // *Revue Celtique* / Ed. and tr. by W. Stokes. – Paris, 1888. – Vol. 9. – P. 14–25.
9. The Voyage of the Húi Corra // *Revue Celtique* / Ed. and tr. by W. Stokes. – Paris, 1893. – Vol. 14. – P. 22–70.
10. The adventure of St. Columba's Clerics / Ed. and tr. by W. Stokes. – Paris : *Revue Celtique*, 1905. – Vol. 26. – P. 130–170.
11. *Богданова, А. А.* Становление проблематики средневековых ирландских текстов о плаваниях (др.-ирл. Immráma) в англоязычных изданиях и переводах / А. А. Богданова // Герценовские чтения 2017. Актуальные проблемы всеобщей истории. Вып. 2. Сборник научных трудов / ответственный редактор и составитель Т. В. Кудрявцева. – Санкт-Петербург : ЭлекСис, 2017. – С. 42–50.
12. *Zimmer, H.* Keltische Beiträge II : Brendans Meerfahrt / H. Zimmer // *Zeitschrift für deutsches Alterthum und deutsche Litteratur*. – 1889. – Bd. 33. – S. 129–220.
13. *Thrall, W. F.* Virgil's Aeneid and the Irish Immráma: Zimmer's theory / W. F. Thrall // *Modern Philology*. The University of Chicago Press, 1917 – 1918. – Vol. 15. – P. 449–474.
14. *Eldevik, R.* A Vergilian model for the immrāma? / R. Eldevik // *Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium*. – 1984. – Vol. 4. – P. 1–8.
15. *Byrne, M. E.* On the punishment of sending adrift / M. E. Byrne // *Ériu*. – 1932. – Vol. 11. – P. 97–102.
16. *Hillers, B.* Voyages between heaven and hell: navigating the early Irish immram tales / B. Hillers // *Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium*. – 1995. – Vol. 13. – P. 66–81.
17. The Voyage of Bran Son of Febal to the Land of the Living / Ed. and tr. by A. Nutt, K. Meyer. – London, 1895–1897. In 2 vols.
18. *Brown, A. C. L.* Iwain: A Study in the Origins of Arthurian Romance / *Brown A. C. L.* – 1903. – 147 p.
19. *Nitze, W. A.* The romance of Erec, son of Lac / W. A. Nitze // *Modern Philology*. – 1914. – Vol. 11, №. 4. – P. 445–489.
20. *Patch, H. R.* The Other World According to Descriptions in Medieval Literature / H. R. Patch. – Cambridge (Mass), 1950. – 395 p.

ДЖЕРАРД УИНСТЕНЛИ О ЗАКОНАХ «ИСТИННОЙ РЕСПУБЛИКИ»

Погодина Виталина Владимировна

Студент

Вологодский государственный университет

Вологда, Россия

pogodina.vitalina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль законов в «истинной республике» Дж. Уинстенли. Анализируется содержание понятия «истинный закон» и раскрывается суть утопичности проектирования единого всеобщего закона.

Ключевые слова: «истинная республика»; «истинный закон»; народ; революция; социальная утопия; Уинстенли Дж.

J. WINSTENLY ON THE LAWS OF «THE TRUE REPUBLIC»

Pogodina Vitalina Vladimirovna

Student

Vologda State University

Vologda, Russia

pogodina.vitalina@yandex.ru

Abstract. The article considers the reflection of the role of law in the «true republic» based on the social utopia of J. Winstenley. The dual meaning of the concept of «true law». The utopianism of the draft universal law is revealed.

Keywords: J. Winstenly; people; revolution; social utopia; «true law»; «true republic».

Английская буржуазная революция XVII века является важнейшим событием в истории Великобритании. Произошедшее оказало огромное влияние на политическую и экономическую жизнь Англии, кроме того, эти события можно считать своего рода предвестниками революций, случившихся в Европе в последующие десятилетия [1, с. 117]. Это определяет актуальность данного исследования.

Небывалый прежде рост политической активности населения Англии привел к созданию и распространению идей, которые по степени своей революционности сильно опережали время. Пожалуй, самым уникальным яв-

лением, появившимся в период английской революции, было движение беднейших слоев населения – диггеров («копателей»). Вождем и теоретиком диггеров был Джерард Уинстенли. Его учение не только дало этому движению необходимое идеологическое обоснование, но и стало предтечей целого ряда идей эпохи Просвещения XVIII в. [2, с. 310–311].

Наиболее полным и систематически разработанным проектом коренного переустройства существующего общества на основе принципов истинного равенства является работа Дж. Уинстенли «Закон Свободы» (1652) – это последний известный нам памфлет лидера диггеров [3]. Цель данной статьи – определить роль закона в «истинной республике» в трактовке Дж. Уинстенли.

Идея закона занимает существенное место в учении Дж. Уинстенли. В памфлете «Закон Свободы» он дает собственное толкование понятия закон: «Закон есть правило, которым руководствуется человек и другие творения в своих действиях для сохранения общего мира» [3, с. 176]. Истинные законы – это законы умеренности, трудолюбия и чистоты нравов, которые карают невежественное и безумное поведение [3, с. 178]. Так как автор на своем жизненном опыте прочувствовал всю жестокость английских судов и недобросовестность юристов, он уделяет особое внимание форме законодательства.

Исходя из того, что Дж. Уинстенли вводит понятие «закон» и описывает в своих памфлетах то, какими должны быть истинные законы, мы понимаем, что даже в его «идеальной» республике могут возникнуть какие-либо нарушения, для пресечения и предупреждения которых и необходимо ввести законы.

Как поясняет сам автор, безграничная свобода не может привести к созданию совершенного общественного строя, могут возникать различные нарушения от безрассудного невежества. Некоторые люди надеются получить плоды не работая, за счет труда других людей, другие надеются на общность жен [3, с. 181]. Поэтому должны быть введены законы, которые будут охранять подлинную республиканскую свободу, обеспечивать средства существования на земле для всех, без порабощения одного человека другим [3, с. 181]. Законы республики должны ограждать личное спокойствие каждого, его частное жилище против грубости и невежества. Поэтому для обеспечения спокойствия каждой семьи, должен быть введен справедливый закон свободной и мирной республики, за исполнением которого будут следить должностные лица [4, с. 173].

Автор, описывая существующие в современной ему Англии законы, неоднократно называет их «суровыми», объясняя это тем, что они изданы в пользу богатых лендлордов, отнимающих у бедного угнетенного люда свободное пользование общинными землями. Такие законы убивают истинную

свободу [3, с. 182]. Согласно убеждению лидера диггеров, стремление к личному благополучию и реализации исключительно частного интереса являются корнем несправедливого королевского закона. Он красочно и ярко описывает отрицательные черты королевских законов: «Королевские законы развратны, такие общие, что они претендуют на любовь ко всем и не хранят верности никому» [3, с. 191]. К тому же, в королевских законах очень много неясности, противоречивости и путаницы, так как эти законы являются законами завоевателя. Они изданы для того, чтобы «держать народ в подчинении воле завоевателя» [3, с. 192].

Дж. Уинстенли в своем памфлете не раз указывает на то, что «простые люди Англии платили налоги, держали постой и проливали свою кровь» [3, с. 169] в надежде на то, что законы будут изменены, реформированы, но в итоге они остались прежними по сути, лишь сменили названия («их окрестили новым именем»). Вследствие этого, восклицает Уинстенли, дух разочарования в среде простого народа усиливается [3, с. 164].

По мнению вождя диггеров, на смену королевским «законам плоти» должны прийти республиканские «законы духа», то есть общего благополучия. Поэтому одной из главных целей является искоренение королевских законов. Кто обладал законодательным правом при короле – задается вопросом автор памфлета? Парламент, состоящий из дворян и духовных лиц, которые, исходя из личных интересов, издавали законы. Раз в ходе революции 1640-х гг. королевская власть была свергнута и образовалось новое правительство, значит и законы оно должно создать новые, а не подкорректированные старые, иначе будет только хуже [5, с. 181].

Важнейшему вопросу, какими должны быть эти новые законы «истинной» республики, Дж. Уинстенли уделяет большое внимание. В замыслах автора есть некоторые противоречия. Уинстенли утверждает, что республике необходимы такие законы, которые рассматривали бы каждый возможный случай и все возможные действия, совершаемые людьми. Но в то же время заявляет, что лучшими для управления республикой являются краткие и сильные законы, которые утверждены парламентом. Уинстенли утверждает, что, если бы законы были кратки, их было мало и они часто прочитывались, разногласий бы не возникало [3, с. 191]. В этом, на наш взгляд, просматривается утопичность и двойственность замысла лидера диггеров: чтобы описать каждый возможный случай или действие людей, как желает Дж. Уинстенли, вряд ли получится ограничиться краткими законами.

Автор считает, что «истинное» законодательство республики должно включать в себя следующие законы: об обработке земли; против праздности; о складах; о наблюдателях; против купли и продажи; навигации; о серебре и золоте; выборах должностных лиц; против измены; о возвращении свободы рабам; о браке [3]. То есть автором затронуты практически все

волнующие широкие слои населения вопросы, которые, по мнению Дж. Уинстенли, должны получить правовое разрешение.

В «идеальном» обществе Уинстенли есть место и для уголовных законов и уголовного преследования. Например, в связи с тем, что идеальная республика Дж. Уинстенли будет основываться исключительно на прямом продуктообмене, людей, допустивших куплю – продажу любых вещей будет ждать смертная казнь. Вообще, в целом в идеальном обществе Лидера диггеров принуждение и организованная принудительная власть сохраняются [6, с. 205]. В этом вопросе имеется некоторое расхождение «Закона Свободы» с ранними памфлетами, в которых Уинстенли писал, что насилие (тюрьмы, виселицы) не нужны людям [3], а в «Законе Свободы» он отходит от данных позиций. Это можно объяснить задачами, которые ставил перед собой Уинстенли в различное время. В 1649 г. он стремился доказать безосновательность выдвинутых против диггеров обвинений в желании насильственными путями ниспровергнуть существующий государственный порядок. Позже, в «Законе Свободы», Уинстенли пытается дать конкретное описание общества, в котором общность имущества (в первую очередь, земли) уже осуществлена и появилась настоятельная необходимость организации принципиально новой общественной власти, призванной охранять и гарантировать общественное производство от любых частных посягательств.

Что касается вступления закона в силу, чтобы обеспечить гарантию прав и интересов народа, Уинстенли предлагает установить правило, гласящее, что каждый закон вступает в силу через месяц после его принятия. Для того чтобы народ в течение этого месяца мог заявить о своих возражениях. Народ имеет право выражать свое согласие или несогласие с законом. За парламентом признается лишь законодательная инициатива, которая перед тем как превратиться в закон, должна получить одобрение народа. Референдум несет функцию свободного волеизлияния народа. Только через месяц после обнародования законопроект, не вызвавший возражения, приобретает силу закона. Так же закон должен быть оглашен перед народом четыре раза в год служителем церкви, то есть каждый квартал, чтобы каждый знал, чему он должен повиноваться [3].

Таким образом, в основе утопического проекта Джерарда Уинстенли лежало введение своеобразного нового всеобщего закона, регламентирующего все стороны жизни человека. Законодателем в республике Уинстенли должен выступать всеобщий дух справедливости. Так как все люди разные: одни – мудрые, другие – глупые, одни – ленивые, другие – трудолюбивые, для обуздания дурных наклонностей и нравов, для сохранения мира и свободы и должен быть создан Закон, непреложный и строго обязательный к исполнению всеми членами «истинной республики».

Литература и источники

1. *Киселева, О. А.* Социальные революции Нового времени: проблемы изучения в высшей школе / О. А. Киселева // Проблемы фундаментальной подготовки в школе и в вузе в контексте современности : межвузовский сборник научных работ. Выпуск 7 / редактор-составитель А. Е. Новиков. – Череповец : ЧГУ, 2017. – С. 117–120.
2. *Киселева, О. А.* К вопросу о преподавании всеобщей истории в вузе / О. А. Киселева // Философия и методология истории : сборник научных статей VIII Всероссийской научной конференции (Коломна, 19 апреля 2019 г.) / ответственный редактор С. Г. Калашников. – Коломна : ГСГУ, 2019. – С. 309–313.
3. *Уинстенли, Дж.* Закон свободы / Дж. Уинстенли // Избранные памфлеты / составитель В. П. Волгин. – Москва : Академии наук СССР, 1950. – 300 с.
4. *Павлова, Т. А.* Джерард Уинстенли о путях перехода к новому строю / Т. А. Павлова. – Москва : ИВИ РАН, 1998. – 214 с.
5. *Павлова, Т. А.* Народная утопия в Англии второй половины XVII века / Т. А. Павлова // История социалистических учений. Сборник статей памяти академика В. П. Волгина. – Москва : Наука, 1984. – С. 167–187.
6. *Барг, М. А.* Великая английская революция в портретах ее деятелей / М. А. Барг. – Москва : Мысль, 1991. – 397 с.

УДК 94(47)084

ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА 1930-х – НАЧАЛА 1950-х гг.

Тихомиров Никита Вадимович

Аспирант

Московский государственный областной университет

Москва, Россия

tihomirov_n@rambler.ru

Аннотация. В статье проанализированы основные стороны проблематики, связанной с построением теории образования централизованного русского государства в советской историографии конца 1930-х – начала 1950-х гг. Выявлены ключевые вопросы, установлены теоретико-методологические позиции ведущих историков. Раскрыта степень и характер влияния политико-идеологического фактора на работу ученых. Определены исследовательские задачи и дискуссионные вопросы, дана оценка их проработанности в

трудах историков-марксистов. Статья призвана расширить научное понимание специфики формирования советской моноконцепции отечественной истории. Полученные автором выводы могут служить усовершенствованию подходов в исследовательской и методической работе.

Ключевые слова: советская моноконцепция отечественной истории; централизованное государство; марксизм; историография; методология.

Tikhomirov Nikita Vadimovich
Post-graduate Student
Moscow State Regional University
Moscow, Russia
tikhomirov_n@rambler.ru

Abstract. The article analyzes the main aspects of the problems associated with the construction of the theory of the formation of a centralized Russian state in Soviet historiography of the late 1930s – early 1950s. Key issues are identified, theoretical and methodological positions of leading historians are established. The degree and nature of the influence of the political and ideological factor on the work of scientists is revealed. Research tasks and debatable issues are identified, and their sophistication in the works of Marxist historians is evaluated. The article is intended to expand the scientific understanding of the specifics of the formation of the Soviet monoconcept of domestic history. The findings obtained by the author can serve to improve approaches in research and methodological work.

Keywords: Soviet monoconception of domestic history; centralized state; Marxism; historiography; methodology.

Возникновение централизованного русского государства всегда было одной из главнейших тем отечественной исторической науки. Государственность как форма существования народа является высшей степенью проявления его исторического бытия. Представления о генезисе государства определяют формирование комплекса идей о становлении народа, национального сознания и национальной культуры, понимания народом своей исторической роли и места в мире. Данная тема имеет высокий воспитательный потенциал, является важной составляющей процесса духовно-нравственного становления человека как члена современного гражданского общества и носителя созидательных патриотических ценностей.

Для советской исторической науки в 1930–1950-х гг. тема централизации русского государства стала одной из ведущих. В этот период происходит интенсивное формирование советской моноконцепции отечественной истории [1, с. 371]. Осуществляется пересмотр теоретических и методологических положений дореволюционной историографии. Новый подход к

исследованию прошлого строится на основе доктринальных положений марксизма-ленинизма. В первое десятилетие советской исторической науки значительное влияние в ней имела школа М.Н. Покровского, отстаивавшая идею о торговом капитале как ведущем факторе исторического прогресса. Однако с начала 1930-х гг. намечается поворот в сторону критики данного положения и основанной на нем исторической концепции. Вышедшие в 1939–1940 гг. академические сборники статей закрепили разгром научной школы М.Н. Покровского [2; 3].

В это время складывается особая историографическая ситуация, которая обусловила характер научной деятельности историков. Советская наука, была ориентирована на тезисы марксистской формационной концепции, видевшей в основе исторического процесса развитие производительных сил, а в качестве движущей силы – классовые противоречия. В послереволюционной науке данное положение стали аксиоматическими. Марксистский метод был провозглашен как единственно научный.

Заметную роль в развитии научных представлений о складывании централизованного русского государства сыграл И.В. Сталин. Его влияние на развитие идейных представлений в советском обществе общеизвестно. Меньше внимания в литературе уделяется тому, как сталинские постулаты повлияли на формирование концепции централизации. Еще в 1920-е гг. им был высказан ряд суждений, которые сделались впоследствии постулатами исторической науки и стали предметом обязательного цитирования исследователей, обращавшихся к теме централизации. И.В. Сталин наметил концептуальные основы данного процесса. Он указал на его особенности в России по сравнению со странами Западной Европы. Они, по мысли генерального секретаря, состояли в следующем.

Во-первых, политическая интеграция была ускорена устойчивой внешней угрозой. Во-вторых, она произошла ранее разложения феодальных отношений. В-третьих, уже со времени возникновения русское государство имело черты многонационального [4, с. 73; 5, с. 15–16; 6, с. 38–41].

Анализ историографии 1930-х – начала 1950-х гг. показывает, насколько существенным было воздействие перечисленных тезисов на позицию историков. Влияние И.В. Сталина сказалось и в отношении советской науки к роли личности в истории. В связи с этим примечательно внимание главы государства к личности Ивана IV.

Важной вехой в создании теории централизации стала работа над учебниками по истории, развернувшаяся с середины 1930-х гг. Анализ учебной литературы рассматриваемого периода позволяет выявить некоторые опорные представления теории централизованного государства, утвердившиеся в академической среде.

С середины 1930-х гг. советское государство проявляет пристальное внимание к вопросам преподавания истории в школе. Постановлением

ЦК ВКП(б) объявляется конкурс на разработку нового стабильного учебника по истории СССР [7, с. 18]. Победителем стал проект, предложенный группой профессора А.В. Шестакова в 1937 г. В нем были закреплены официально одобренные теоретические представления о становлении централизованного государства. Учебник А.В. Шестакова давал схему периодизации данного процесса, включавшую две логически связанных части: 1) «Создание русского национального государства» и 2) «Расширение русского государства» [8, с. 33–42]. Позднее предложенные формулировки были уточнены в учебнике для 8-го класса под редакцией А.М. Панкратовой (1940), они получили следующее звучание: 1) «Создание русского национального государства» и 2) «Расширение русского государства и превращение его в многонациональное государство» [9]. Учебник Панкратовой выдержал 12 переизданий до 1953 г.

Кроме названных изданий, следует указать пособие для исторических факультетов вузов «История СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII в.» (1939) под редакцией В.И. Лебедева, Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина [10].

В ходе построения теории централизованного государства отечественная наука решала ряд исследовательских задач, в число которых входили следующие:

- 1) создание периодизации рассматриваемого процесса;
- 2) определение его движущих сил;
- 3) выяснение особенностей строя русского государства;
- 4) анализ национальной составляющей;
- 5) выяснение роли личностного фактора.

Среди отечественных историков, внесших определяющий вклад в развитие теории централизованного государства в указанные период, такие имена, как: Б.Д. Греков [11], В.В. Мавродин [12], К.С. Базилевич [13], И.И. Смирнов [14], С.В. Юшков [15], П.П. Смирнов [16] и др.

Большое значение для развития названной проблематики имели научные дискуссии. Они нашли отражение на страницах профильных периодических изданий. Обсуждение основных проблем в рамках теории централизованного русского государства имело место на страницах журнала «Вопросы истории» – печатного органа АН СССР.

Ярким образцом полемики по поводу проблем централизации стало обсуждение методологических оснований исследовательской деятельности. Открыла дискуссию статья П.П. Смирнова «Образование Русского государства в XIV–XV вв.» (1946). Автор выдвинул претензии историкам В.В. Мавродину, К.В. Базилевичу и др. в том, что те, по его мысли, уклонились от ведущего принципа марксистской науки – материалистического монизма [17]. П.П. Смирнов утверждал о необходимости трактовать исторический процесс в контексте развития производительных сил. По сути, им отвергалась возможность привлечения прочих факторов как проявление эклектизма.

Ответные публикации В.В. Мавродина, К.В. Базилевича, И.И. Смирнова показали чуждость такой позиции большинству ведущих исследователей вопроса. Так, К.В. Базилевич указал на непонимание П.П. Смирновым марксистского метода. «Буржуазные историки, – писал он, – изучая множественность причин, не выделяли ведущую причину или выделяли ее неправильно, тогда как марксисты рассматривают эту множественность в единстве исторического процесса, в основе которого лежит развитие производительных сил человеческого общества» [18, с. 36].

Такая отповедь свидетельствовала о возобладавшем в науке начале многофакторности в изучении процесса централизации. В этом видно творческое преобразование исходных методологических посылок формационного учения марксизма-ленинизма.

Примечательна также дискуссия 1949–1950 гг. по поводу периодизации феодального периода истории СССР. Историки разных направлений предприняли попытку поиска критериев периодизации истории СССР и периода становления централизованного государства в частности. В ходе обсуждения выяснилось, что строгая методологическая привязка к единокторной концепции развития производительных сил не удовлетворяет установкам на поиск основы единства разных сторон исторического процесса. Характерны замечания В.В. Мавродина, заявившего о необходимости увязать развитие государственности со становлением великорусской народности. По мысли историка, эти проблемы «сопровождают друг друга и являются различными сторонами одного и того же явления» [19, с. 65].

В выводах названных дискуссий нельзя не заметить примечательной трансформации марксистского метода. Несмотря на декларируемые объективизм и стремление полностью устранить субъективный фактор из исторического процесса, исследователи продолжали теоретическую работу в духе позитивистских построений дореволюционного времени. Заявляемая приверженность идеям материалистического монизма на деле воплощалась в концепцию многофакторного развития.

Литература

1. Фукс, А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVIII в. – вторая половина 1930-х гг.) / А. Н. Фукс. – 2-е изд., доп. – Москва : МГОУ, 2017. – 420 с.
2. Против исторической концепции М. Н. Покровского / ответственный редактор А. Сидоров. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1939. – Ч. 1. – 518 с.
3. Против Антимарксистской концепции М. Н. Покровского / редактор И. У. Будовниц. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1940. – 506 с.

4. *Сталин, И. В.* Марксизм и национальный вопрос / И. В. Сталин // Марксизм и национально-колониальный вопрос / под редакцией Д. А. Розанова. – Москва : Политиздат, 1937. – 232 с.
5. *Сталин, И. В.* Сочинения / И. В. Сталин. – Москва : ОГИЗ : Государственное издательство политической литературы, 1947. – Т. 5. – 448 с.
6. *Сталин, И. В.* Сочинения / И. В. Сталин. – Москва : ОГИЗ : Государственное издательство политической литературы, 1948. – Т. 9. – 380 с.
7. Постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах СССР от 16 мая 1934 г. // К изучению истории. – Москва : Партиздат, 1937. – 38 с.
8. Элементарный курс истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории. – Москва : Учпедгиз, 1937. – 224 с.
9. История СССР. Учебник для VIII класса средней школы / под редакцией А. М. Панкратовой. – Москва : Учпедгиз, 1940. – 238 с.
10. История СССР. Том 1. С древнейших времен до конца XVIII в. / под редакцией В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина. – Москва : Государственное социально-экономическое издательство, 1939. – 792 с.
11. *Греков, Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века / Б. Д. Греков. – Москва : АН СССР, 1952. – Кн. 1. – 534 с.
12. *Мавродин, В. В.* Образование русского национального государства / В. В. Мавродин. – Изд. 2-е. – Москва : ОГИЗ, Госполитиздат, 1941. – 208 с.
13. *Базилевич, К. В.* Лекция 11. Образование русского национального государства. Стенограмма лекции, прочитанной 20 декабря 1939 г. / К. В. Базилевич. – Москва : Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), 1940. – 45 с.
14. *Смирнов, И. И.* Иван Грозный и боярский «мятеж» 1553 г. / И. И. Смирнов // Исторические записки. – Москва : АН СССР, 1953. – Т. 43. – С. 150–181.
15. *Юшков, С. В.* К проблеме образования феодального государства / С. В. Юшков. – Москва : Московский юридический институт, 1948. – 72 с.
16. *Смирнов, П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века / П. П. Смирнов. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1947. – Т. 1. – 490 с.
17. *Смирнов, П.* Образование Русского государства в XIV – XV вв. / П. Смирнов // Вопросы истории. – 1946. – № 2–3. – С. 55–90.
18. *Базилевич, К. В.* К вопросу об исторических условиях образования Русского государства / К. В. Базилевич // Вопросы истории. – 1946. – № 7. – С. 26–44.
19. *Мавродин, В.* Основные этапы этнического развития русского народа / В. Мавродин // Вопросы истории. – 1950. – № 4. – С. 55–70.

**«WSPOMNIENIA Z PODRÓŻY DO SYBERJI, POBYTU
W BEREZOWIE...; SPISANE PRZEZ EWE FELIŃSKĘ»
(«ВОСПОМИНАНИЯ О ПУТЕШЕСТВИИ В СИБИРЬ,
ПРЕБЫВАНИИ В БЕРЕЗОВЕ...»,
ЗАПИСАННЫЕ ЭВОЙ ФЕЛИНЬСКОЙ) 1839 Г.
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Трофимова Ольга Викторовна
Профессор, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия
otrofim@rambler.ru

Аннотация. Мемуары первой польской ссыльной в Сибирь Эвы Фелинской рассматриваются как комплексный исторический источник, перевод на русский язык и разноаспектное исследование которого вводит в научный оборот новые данные о повседневной истории сибирской провинции (в сравнении с бытовой ситуацией на польских территориях) и о положении ссыльных в Березове в 1839–1841 гг.

Ключевые слова. Сибирская ссылка; поляки в Сибири; Ewa Felińska; исторический источник личного происхождения

**«WSPOMNIENIA Z PODRÓŻY DO SYBERJI,
POBYTU W BEREZOWIE...; SPISANE PRZEZ EWE FELIŃSKĘ»
(«MEMOIRS OF THE TRIP TO SIBERIA, STAYING
IN BEREZOVO..., WRITTEN DOWN BY EVA ELINSKY») 1839 Г.
AS A HISTORICAL SOURCE**

Trofimova Olga Viktorovna
Professor, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department
Tyumen State University
Tyumen, Russia
otrofim@rambler.ru

Abstract. The first Polish exile to Siberia Eva Felinski's memoirs are considered as a complex historical source. Their translation into Russian and the multidimensional study of them allow to apply new data on the daily history of the Siberian province in comparison with the everyday situation in the Polish regions and exiles' life in Berezovo in 1839–1841.

Keywords: Siberian exile; The Poles in Siberia; Ewa Felińska; personal historical source.

Оригинальный текст на польском языке «Wspomnienia z podróży do Syberji, pobytu w Berezowie i w Saratowie; spisane przez Ewę Felińską» (далее – «Воспоминания...»), в основе которого – фрагменты дневника, написанного в ее сибирской ссылке [1], Эва Фелиньска (Ewa Felińska) опубликовала в Вильно в 1852 г. [2], но полный вариант «Воспоминаний...» (за исключением выполненного нами перевода «Фрагментов из дневника...» [3]) не известен русскому читателю.

Тексты Фелиньской можно отнести к историческим источникам личного происхождения нового времени. При их изучении актуализируется весь спектр историко-филологической проблематики. Совмещение в структуре польского оригинала (далее перевод преимущественно единичных – в силу объема статьи – иллюстраций – наш. – *О. Т.*) признаков:

- текста-тревела – описания пути следования, «без отдыха, все дальше, дальше, дальше» под «тягостное брнчание почтового колокольчика» и под надзором конвойного, из Киева через Орел, Тулу («... Мне очень хотелось осмотреть красивый город Тулу, посетить оружейную фабрику, но неумолимый голос почтового колокольчика и зловещая песня моего конвойного: дальше... дальше... парализовали мое желание» [2, с. 10]), Рязань, Нижний Новгород, Казань, Пермь, Екатеринбург, Тюмень («... Выехав из Тюмени, в скором времени мы остановились в Тобольске. Путешествие из Киева продолжалось целый месяц: выехав 11 марта, мы прибыли в эту столицу Западной Сибири 11 апреля еще по санному пути, хотя под конец путешествия снега, растопленные теплом весеннего солнца, начали потоками воды спускаться с гор» [2, с. 34]), а затем, с 17 по 31 мая, из Тобольска по рекам Тобол, Обь и Сосьва, минуя Бронниково, Демьянское, Самарово, Кондинск, – к месту ссылки, в Березов («... Когда мы вошли в Сосьву, взгляды всех обращены были к северу. Вскоре послышался крик: Березов! Березов! Плыли мы уже две недели» [2, с. 70, 71]),

- женских мемуаров с выраженной субъективной позицией («В Березове есть один обычай, который мне очень нравится. Каждая семья хранит подвенечные свадебные платья, как свои, так и своих предков. Одежды, напоминающие об ушедших, позволяется надевать во время маскарада, и тогда кажется, что прежние поколения встали из могил. Нужно признать, что это подлинники, которые передают прошлое лучше, чем хранимые памятью рассказы» [2, с. 236]),

- топографических описаний («Березов – уездный город Тобольской губернии; лежит под 63 градусом северной широты на левом берегу Сосьвы, которая невдалеке впадает в Обь. Берег, на котором построен городок, высокий, почва песчаная, но улицы, однако, болотистые: одни высыхают лишь во время сильной жары, другие покрыты никогда не просыхающей грязью...» [2, с. 83]),

- этнографических описаний («Язык самоедов совершенно отличается от остяцкого, они произносят слова через нос очень невнятно <...> – такова особенность их диалекта. Одевание самоедов, так же, как и остяков, состоит из шкур оленей, одежды же их, однако, сшиты несколько старательнее» [2, с. 157]),

- социальных характеристик («Раньше казакам разрешалось переходить на гражданскую службу или записываться в мешане, сейчас не разрешается. За исключением необременительной службы <...>, казаки в Березове являются тем же, чем у нас жида. Сами перекупщики, они ничего не производят. <...> Жители Березова вообще живут в большом достатке, можно сказать, богаты» [2, с. 101, 102]),

- нанизывание на нарративную основу повествования философских отступлений («Вокруг меня все изменилось: природа, люди, предметы, обычаи, представления, все попросту другое. Если бы не чувства, тлеющие глубоко, если бы не зеркало памяти, отражающее прошлое такими живыми красками, что было бы для меня свидетельством тождественности моего существа? И тут у меня возник вопрос: возможность сохранения памятью на дне души давних впечатлений является благом или же наоборот?» [2, с. 122]),

- мифопоэтических вкраплений («... Когда страх прошел и освободил место для здравого рассудка, этой женщине припомнилась вера ее земляков, что если медведь покажется заблудившемуся, то обязательно выведет его на верную дорогу» [2, с. 150]) и

- фольклорных фрагментов («Не буду повторять русских сказок, с которыми нас уже познакомили несколько писателей, но остяцкие сказки имеют физиономию столь своеобразную, что если их здесь поместить, кажется, что это будет уместно» [2, с. 212]),

- характеризующих картину мира, в том числе языковую, местного населения («Мне объяснили, что вышеописанная забава называется масляной. Это как бы персонификация мясопустной недели...» [2, с. 257]),

- рассказов об исторических личностях, чья жизнь завершилась в Березове, – Меньшикове, Долгорукове, Остермане [2, с. 86, 87],

- включение в повествование реальных лиц, в общении с которыми находилась пани Фелиньска, принятая в Березове в круг местного высшего общества («На вечер я была приглашена в дом исправника, где собралась вся березовская аристократия» [2, с. 245]), а именно купцов Брагина и Корепанова, купчихи Нижегородцевой, казака Козлова, учителя Калмыкова, помощника судьи Слободского, врача Вакулинского, француза Le Brun и др., а также упоминание генерал-губернатора Горчакова, графа Толстого, советника Соколова, генеральши Потемкиной, руководителя восстания самоеда Вауля и др. – все это дает возможность отнести «Воспоминания...» к мемуарам – «современной истории» [4, с. 467, 472].

Руководитель «Женского общества» (филиала «Союза польского народа»), мать шестерых детей (в том числе будущего архиепископа Варшавского, которого католический костел объявил святым, Сигизмунда (Зигмунта) Фелиньского (Щенсны), Эва Фелиньска (1793–1859) в польской Википедии представлена как «польская подпольщица, ссыльная и автор бытовых повестей», которая в 1839 г. была «выслана в Сибирь в Березов на реке Обь», где и пребывала по 1841 г., после чего ее перевели в Саратов, где она находилась до 1844 г. [5]. Марта Гамбин-Жбик (Marta Gambin-Żbik) называет ее «предтечей польской женской мемуаристики» [6] и подчеркивает, что это была первая именно сосланная в Сибирь, а не поехавшая вслед за мужем, полька. Уникальность же мемуаров Фелиньской заключается не только в психологических нюансах, но и в подробностях, фактах: «Это кладезь информации о Сибири и о польских ссыльных первой половины XIX века» [7].

Оказавшаяся в Сибири вместе с Юзефой Жонжевской (Różewska) и Паулиной Вилчопольской (Wilczopolska), Эва Фелиньска называет в «Воспоминаниях...» поляков, с которыми ей довелось познакомиться в Тобольске, ожидая отправления в Березов: это майор Шредер (Szreder), К. Волицки (Wolicki), И. Струмила (Strumiła), С. и П. Керсновские (Kiersnowscy), К. Мархоцки (Marchocki), а также полковник С. Кржыжановски (Krzyżanowski), А. Павша (Pawsza), О. Петрашкевич (Pietraszkiewicz) [2, с. 35 и др.] – единичные документы о трех последних сохранились в Тобольском архиве [8]. О самой Фелиньской сведений в архивах Тюмени и Тобольска пока обнаружить не удалось.

Литература

1. Wyjątki z Dziennika pisanego w Berezowie // Athenaeum: pismo zbiorowe. Wilno, 1845. T. 6. S. 73–95; Dziennik p. E. Felińskiej: Ciąg Drugi // Athenaeum: pismo zbiorowe. Wilno, 1846. T. 1. S. 70–136; T. 2. S. 140–172; T. 3. S. 214–235.

2. Wspomnienia z podróży do Syberji, pobytu w Berezowie i w Saratowie; spisane przez Ewę Felińską. T. I. – Wilno : Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1852. – 348 s.

3. Отрывки из дневника Эвы Фелиньской, который она писала в Березове : перевод с польского О. Трофимовой // Подорожник : краеведческий альманах / редактор-составитель Белобородов В. К. Тюмень, Мандр и К^а, 2005. – Вып. 6. – С. 4–115. Рец.: Мандрика Ю. Л. Рецензия [Рец. на публикацию Отрывки из дневника Эвы Фелиньской, который она писала в Березове. Пер. с польского О. Трофимовой // Подорожник : краеведческий альманах. Вып. 6. / Редактор-составитель Белобородов В. К. – Тюмень : Мандр и К^а, 2005] // Европа. Международный альманах. – Тюмень, 2005. – Вып. V. – С. 223–224.

4. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Ру-

мянцева. – Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 1998. – 702 с.

5. *Ewa Felińska* – URL: https://pl.wikipedia.org/wiki/Ewa_Feli%C5%84ska (дата обращения: 09.12.2019). – Текст : электронный.

6. *Ewa Felińska* – URL: <https://ewafelinska.pl> (дата обращения: 09.12.2019). – Текст : электронный.

7. Gambin-Żbik M. Przed lekturą Wspomnień. – URL: <https://ewafelinska.pl> (дата обращения: 09.12.2019). – Текст : электронный.

8. ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И 1. Оп. 1. Д. 496, 522, 552; Ф. И 154. Оп. 21. Д. 160; Ф. И 205. Оп.1. Д. 727, 747.

УДК 94(430).085

ОЦЕНКИ ВЕЙМАРСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Попов Иван Дмитриевич

Доцент, кандидат исторических наук

Вологодский государственный университет

Вологда, Россия

idpopov@outlook.com

Аннотация. Рассматриваются основные оценки федеративной модели и федеративных отношений Германии периода Веймарской республики, трактовки характера веймарского федерализма, политического значения земель и роли Рейхсрата.

Ключевые слова: Веймарская республика; германский федерализм; региональная политика; земли Германии; историография.

ASSESSMENTS OF WEIMAR FEDERALISM IN POST-SOVIET HISTORIOGRAPHY

Popov Ivan Dmitrievich

Associate Professor, Candidate of Historical Sciences

Vologda State University

Vologda, Russia

idpopov@outlook.com

Abstract. The main assessments of the federal model and federal relations in Germany during the Weimar Republic, interpretations of the essence of Weimar

federalism, the political significance of the lands and the role of the Reichsrat are considered.

Keywords: Weimar Republic; German federalism; regional policy; lands of Germany; historiography.

Отношения центра и регионов традиционно были весомым фактором внутренней политики Германии. Особую значимость они приобрели в годы Веймарской республики, когда именно в отдельных немецких землях происходили резонансные для всей страны события (Кильское восстание, Баварская советская республика, рейнский сепаратизм, «пассивное сопротивление» и многочисленные стачки в Рурской области, «имперская экзекучия» в Тюрингии и Саксонии 1923 г, Пивной путч, Гамбургское вооруженное восстание, государственный переворот 1932 г. в Пруссии). Вместе с тем, для историографической традиции СССР тематика веймарского федерализма являлась достаточно неудобной. В марксистской идеологии идеалом административно-территориального устройства считалась «единая, неделимая республика» с ликвидацией государственности и резерватных прав всех входящих в империю монархий, а также разделением Пруссии на несколько самоуправляющихся провинций. В этой связи сама федеративная идея рассматривалась как априори реакционная установка. Советские ученые подчеркивали также великопруссский характер веймарского федерализма и его прямую связь с дальнейшим утверждением фашизма [1, с. 309, 315–316]. В трудах Я.С. Драбкина были даны более взвешенные оценки отношений центра и регионов. К числу проблем веймарского федерализма историк относил не только доминирование Пруссии и незавершенность процессов унитаризации, но и усиление централизации государственного управления, а также недобровольный характер пребывания в составе империи [2, с. 316–319]. Эти утверждения во многом были поддержаны и современными учеными [3, с. 69–70; 4, с. 113].

В постсоветский период в республиках бывшего СССР стали появляться работы, посвященные феномену германского федерализма. Одной из первых была диссертация юриста Е.Р. Кастеля, где констатировалось существенное углубление унитаризации, по сравнению с кайзеровским периодом. При этом говорилось и о разумности федеративных отношений в Веймарской республике. По мнению ученого, был достигнут компромисс между «партикуляристами» и «централистами», отвечавший на вызовы сепаратизма [5, с. 26–28]. Схожей оценки придерживается и белорусский историк В.А. Космач [6, с. 119–121].

Историк Н.В. Павлов и вовсе отрицает федеративную сущность Веймарской конституции, характеризуя ее как «фундамент псевдофедерализма». Он обосновывает это понижением прежних союзных государств импе-

рии до статуса земель, значительным урезанием их законодательной компетенции и «политическим бессилием земельных правительств за исключением Пруссии» [7, с. 55–56]. Чуть более осторожные оценки дают И.М. Бусыгина и В.Г. Баев: они признают наличие федералистских форм в Веймарской республике, но и не отрицают унитаристскую сущность ее конституции. И.М. Бусыгина это связывает с более процентралистскими настроениями, нежели в 1871 г. [8, с. 111], а В.Г. Баев – с влиянием кайзеровской унитаризации, которая носила во многом бюрократический характер и ограничивалась полумерами [3, с. 69–70].

Другие исследователи обращают внимание на то, что в Веймарской республике унитарная конструкция государства не соответствовала фактической самостоятельности земель. Политолог В.И. Васильев утверждает, что фактический политический вес земель и Рейхсрата, несмотря на ограниченность его полномочий, на практике оказался больше того, что предусматривалось конституцией [4, с. 109, 111–113]. На высокую политическую роль этого института указывает и юрист И.В. Лексин, подчеркивая, что veto Рейхсрата преодолевалось квалифицированным большинством и при раздробленном Рейхстаге де-факто было непреодолимым барьером [9, с. 73]. О разрыве между декларируемой унитарной моделью государства и проведением федерализма в практической деятельности говорит и историк А.О. Целишев [10, с. 59, 61].

Наиболее фундаментальное исследование веймарского федерализма было предпринято в работах белорусского историка О.Г. Субботина. Федеративную модель молодой республики он считает компромиссом, «который в среднесрочной перспективе не устраивал ни одну из сторон» [11, с. 18]. Подчеркиваются конструктивные недостатки оформившейся модели отношений центра и земель. Среди них слабость демократических институтов; партикуляристская политика ведущих земель (прежде всего Пруссии и Баварии); постоянные конфликты центра и земель по вопросам налоговой политики, чрезвычайного законодательства, унификации управленческих структур; слабость бюджетного федерализма, связанная с полным доминированием имперского финансового управления; произвольное лишение земель части налоговых доходов; отсутствие гарантий территориальной целостности субъектов федерации; ограничение Рейхсрата в праве законодательной инициативы и распорядительных функциях [11, с. 20–22]. Все это, по мнению исследователя, вело к высокой степени политизации отношений центра и регионов и «неспособности правящих элит страны установить баланс центристских и центробежных сил», в результате чего федеративное устройство не только не стало национальной идеей, но и превратилось в «фактор дестабилизации», «инструмент поощрения партикуляризма» и источник политического кризиса [11, с. 7].

Таким образом, большинство историков на постсоветском пространстве сходятся во мнении об унитаристском характере веймарского федерализма (зачастую употребляется выражение «унитарный федерализм»). При этом дискуссионными являются проблемы фактического политического влияния земель, роли Рейхсрата, реальности существования федеративных форм, а также эффективности сложившейся модели отношений центра и регионов.

Литература

1. Попов, И. Д. Региональная политика Германии периода Веймарской республики (1918–1933) в советской и постсоветской историографии / И. Д. Попов // Научный диалог. – 2019. – № 8. – С. 308–344.

2. Драбкин, Я. С. Становление Веймарской республики / Я. С. Драбкин. – Москва : Наука, 1978. – 374 с.

3. Баев, В. Г. «Унитарный» федерализм Веймарской Германии / В. Г. Баев // Современное право. – 2005. – № 1. – С. 65–70.

4. Васильев, В. И. Современный германский федерализм : политические реалии и проблемы развития : специальность 23.00.02 : диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Васильев Виктор Иванович. – Москва, 2001. – 462 с.

5. Кастель, Е. Р. Германский федерализм : историко-правовое исследование (1849–1990 гг.) : специальность 12.00.01 : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Кастель Евгений Рихардович. – Екатеринбург, 1995. – 46 с.

6. Космач, В. А. Веймарская республика в Германии : страницы истории (1918/1919–1933 гг.) : монография / В. А. Космач. – Псков : ЛОГОС Плюс, 2016. – Т. 1. Рождение и становление республики (1918/1919–1923 гг.). – 416 с.

7. Павлов, Н. В. Германский федерализм : опыт реформирования / Н. В. Павлов // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – № 10. – С. 53–63.

8. Бусыгина, И. М. Германский федерализм : история, современное состояние, потенциал реформирования / И. М. Бусыгина // Полис. Политические исследования. – 2000. – № 5. – С. 110–120.

9. Лексин, И. В. Территориальное устройство Веймарской республики и фашистской Германии / И. В. Лексин // Российский юридический журнал. – 2009. – № 3. – С. 71–81.

10. Целищев, А. О. Особенности федерализма в Веймарской республике / А. О. Целищев // Запад – Россия : исторический опыт взаимодействия : материалы межвузовской научной конференции историков России. – Уфа : Башкирский государственный университет, 2002. – С. 58–62.

11. Субботин, О. Г. Трансформация веймарской модели федерализма в Германии (ноябрь 1918 – февраль 1934 г.) : специальность 07.00.03 : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / О. Г. Субботин. – Минск, 2015. – 46 с.

**МАТЕРИАЛЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ АРХИВОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ
СЛУЖЕБНОГО И ДОМАШНЕГО БЫТА ОТВЕТСТВЕННЫХ
РАБОТНИКОВ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОГО АППАРАТА
ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1930-е гг.**

Перебинос Юлия Александровна

Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,

кандидат исторических наук, доцент

Вологодский институт права и экономики

Федеральной службы исполнения наказаний

Вологда, Россия

uliaperebinos@mail.ru

Аннотация. В публикации характеризуются материалы по истории «чиновничьей повседневности» Европейского Севера России 1930-х гг., отложившиеся в региональных архивах. Анализируются служебная переписка, отчетные, контрольные, финансово-хозяйственные документы партийно-советского аппарата 1930-х гг., позволяющие описать служебный и домашний быт ответственных работников.

Ключевые слова: партийно-советский аппарат; ответственные партийно-советские работники; «чиновничья повседневность»; служебный быт; домашний быт; архивные источники по изучению «чиновничьей повседневности».

**MATERIALS OF REGIONAL ARCHIVES ON THE STUDY
OF OFFICIAL AND HOME MODE OF LIFE OF RESPONSIBLE
WORKERS OF THE PARTY-SOVIET APPARATUS
OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE 1930S.**

Perebinos Yulia Aleksandrovna

Associate Professor, the Chair of State Legal Disciplines, PhD in History,

Associate Professor

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia,

Vologda, Russia

uliaperebinos@mail.ru

Abstract. The publication describes materials on the history of «bureaucratic daily» of the European North of Russia in the 1930s, deposited in regional archives. The official correspondence, reporting, control, financial and economic

documents of the party-soviet apparatus of the 1930s are analyzed, which allow us to describe the official and home mode of life of responsible workers.

Keywords: party and soviet apparatus; responsible party and soviet workers; «bureaucratic daily»; official mode of life, home mode of life; archival sources for the study of «bureaucratic daily».

Источники изучения региональной системы власти в 1930-е гг. позволяют описать бюрократическую («чиновничью») повседневность во всем ее многообразии – от внешних условий жизни и профессиональной деятельности до особенностей поведения ответственных работников исполкомов Советов и аппаратов партийных комитетов. Одной из существенных характеристик повседневности является служебный быт местной бюрократии, под которым понимаются условия профессиональной деятельности руководящих работников: продолжительность рабочего времени и времени отдыха; состояние и благоустроенность служебных помещений; обеспеченность сотрудников канцелярскими принадлежностями, средствами связи, транспортом и др. Изучение домашнего быта предполагает описание жилищных условий (характер жилища, его размер, удобства), домашней обстановки (мебель, наличие «предметов роскоши»), обеспеченности чиновников одеждой и обувью; рациона питания; организации досуга.

Подобные характеристики возможно описать, прежде всего опираясь на делопроизводственную документацию партийных и советских учреждений: отчетные (справки, сводки, обзоры, докладные записки), контрольные (материалы обследований, обзоры деятельности, составляемые по итогам проверки вышестоящими инстанциями нижестоящих партийных и советских органов); финансово-хозяйственные документы (сметы, штатные расписания, инвентарные описи, отчеты о выполнении смет, листки нетрудоспособности), а также служебную переписку.

Среди огромного массива данных документов, отложившихся в фондах региональных архивов, встречаются весьма любопытные источники, позволяющие ярко описать служебный и домашний быт чиновников. Так, для воссоздания служебного быта северных руководящих сотрудников во второй половине 1930-х гг. чрезвычайно интересным документом является «Обзор о результатах проверки бдительности охраны и хранения служебных документов в учреждениях г. Архангельска» [1]. Данное мероприятие, как явствует из документа, проводилось сотрудниками УНКВД по Северному краю в сорока трех учреждениях города 30 июля 1936 г. в нерабочее время. Проверка была внезапной и выявила нарушение в тридцати девяти учреждениях. Причем для исследователей интерес представляют не столько выявленные нарушения, сколько характеристики условий работы, в частности, обстановка, наличие в кабинетах необходимой для хранения секретной

документации мебели – сейфов, столов и шкафов, закрывающихся на ключ, а также состояние порядка и чистоты в помещении. Необеспеченность учреждений специальной мебелью отражена и в справке, составленной по итогам обследования Северным краевым комитетом партии райкомов и горкомов Северного края в марте 1935 г. Так, указано, что «в Соломбальском райкоме секретные материалы хранятся в деревянном шкафу, дверь которого не имеет петель и просто приставляется» [2]. Из переписки секретаря Архангельского горкома ВКП(б) и руководителей Исакогорского района г. Архангельска в 1937 г. следует сделать вывод о том, что в районе остро стояла проблема обеспеченности учреждений служебными помещениями: «народный суд помещается в старом крестьянском домишке, который из-за ветхости надо сносить... Парткабинет помещен в одной из комнат клуба, где невозможно вести нормальную работу... Райздрав со штатом 5 чел. – в одной комнате клуба... РОНО и сберкасса помещаются в доме детского сада, при этом 12 чел. в 2-х небольших комнатах мешают работать друг другу... Прокурор со штатом 3 чел. помещен в одной маленькой комнате в помещении милиции... Почта со штатом 5 чел. помещена в доме милиции в одной комнате, что мешает работе милиции и создает невозможную толкотню в этих организациях...» [3].

Годовые сметы исполкомов Советов и аппаратов партийных комитетов позволяют выявить уровень материальной обеспеченности ответственных партийных и советских работников, в том числе в сравнении с другими категориями служащих; установить реальный размер оплаты их труда; определить перечень предоставляемых данной социальной группе дополнительных льгот и привилегий, охарактеризовать условия их служебной деятельности. К примеру, в смете Архангельского горкома ВКП(б) на 1938 г. содержится материал о планируемых административно-хозяйственных расходах – на канцелярские принадлежности, услуги почты и телеграфа, оплату отопления, освещения, водоснабжения и канализации, содержание транспорта. На указанные нужды планировалось израсходовать 29 тыс. рублей, что превышало средства на зарплату техническим работникам. В той же смете указано, что Архангельской горком имел на балансе одну автомашину ГАЗ М-1 с пробегом 9800 км и шесть велосипедов [4]. Определенный интерес для исследователей представляют и сметы учреждений на проведение отдельных мероприятий, например, партийных конференций, заседаний пленумов, съездов и т.п. В частности, смета, утвержденная на проведение третьей Соломбальской партконференции, проводимой в декабре 1936 г., предусматривала расходы на питание делегатов; стенографирование конференции; оформление мандатов и удостоверений делегатам; буфет для президиума; оформление конференции; билеты в кино и театр для делегатов. Всего планировалось потратить 5600 руб. [5].

Весьма любопытным и информативным источником для описания служебного и домашнего быта северных чиновников в 1930-е гг. являются листки нетрудоспособности (больничные листы) служащих. Прежде всего они позволяют выявить заболевания, распространенные в среде работников Европейского Севера России. Так, в 1938 г. работники Архангельского горкома чаще всего болели туберкулезом, ангиной, гриппом, малярией [6]. Данный перечень болезней, в свою очередь, указывал на неблагоприятные условия жизни и профессиональной деятельности: суровый климат, неустроенный быт, тяжелая психологическая обстановка, недостаточный уровень медицинского обеспечения. Кроме того, больничные листы позволяют проанализировать уровень социальной защищенности, привилегированности изучаемой социальной группы, так как содержат сведения об оплате периода нахождения чиновника на больничном; о том, где он проходил лечение – в «поликлинике спецназначения», туберкулезном диспансере, клинической больнице или областной поликлинике.

Финансовая отчетность также дает возможность выявить особенности режима работы и отдыха руководящих работников в 1930-е годы. Довольно часто в материалах встречается информация о неиспользовании сотрудниками отпуска, что свидетельствовало о напряженном графике их работы. При этом за неиспользованный отпуск чиновники получали денежную компенсацию [7]. Кроме того, могли предоставлять отпуск по болезни, по семейным обстоятельствам [8]. В ряде случаев предоставление отпуска руководящему работнику увязывали с выполнением его организацией хозяйственных планов. В частности, Северный крайком ВКП(б) принял решение предоставить очередной отпуск секретарю Никольского РК, предупредив, что если район не выполнит план по лесозаготовкам, то секретарю в отпуске будет отказано [9].

В целом изучение и анализ делопроизводственной документации исполкомов Советов и партийных комитетов 1930-х гг., хранящейся в государственных архивах Архангельской и Вологодской областей, позволяет сделать определенные выводы о характере служебного и домашнего быта местной партийно-советской бюрократии тех лет. Наличие острых проблем отражало в целом весьма невысокую степень организации их домашнего и служебного быта, относительно низкую бюрократическую и делопроизводственную культуру. Вместе с тем, на протяжении 1930-х гг. наблюдается улучшение условий жизни и работы. К концу 1930-х гг. значительно улучшилось материальное положение чиновников, особенно на уровне городского и краевого/областного аппаратов. Выросла и бюрократическая культура, вся работа была формализована, обеспечена инструкциями, различными формами отчетности, которые оформлялись типографским способом и затем заполнялись от руки либо машинописно. В то же время следует

констатировать, что чем ниже был уровень власти, тем ниже становился уровень обеспеченности чиновников и их бытовой устроенности. При этом в целом комфортные условия на работе и дома, особенно в сравнении с другими социальными слоями советского общества 1930-х гг., способствовали престижности службы в партийных и советских учреждениях.

Литература

1. Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории (далее – ГААО ОДСПИ). Ф. 290. Оп. 2. Д. 837. Л. 109-127.
2. ГААО ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 2. Д. 837. Л. 103.
3. ГААО ОДСПИ. Ф. 834. Оп. 1. Д. 663. Л. 87-88.
4. ГААО ОДСПИ. Ф. 834. Оп. 1. Д. 816. Л. 3-3об.
5. ГААО ОДСПИ. Ф. 834. Оп. 1. Д. 816. Л. 3-3об.
6. ГААО ОДСПИ. Ф. 834 Оп. 1. Д. 944. Л. 15-94.
7. ГААО ОДСПИ. Ф. 834. Оп. 1. Д. 660. Л. 11.
8. ГААО ОДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 695. Л. 77-81.
9. ГААО ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 2. Д. 30. Л. 12об.

УДК 94(47).084

ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ СССР в 1930–1950-е гг.

Ильина Ольга Викторовна

*Доцент, кандидат исторических наук
Вологодский государственный университет
Вологда, Россия
kema-rodina@yandex.ru*

Аннотация. В статье дается характеристика различным источникам, которые регулировали миграционные потоки населения и показывали влияние движения населения на демографическую ситуацию в стране в 1930–1940-е гг. Анализ этих источников позволяет определить интенсивность, направления миграции, половозрастной состав мигрантов. В статье сделана попытка показать место государственной политики в формировании миграционной картины данного периода.

Ключевые слова: миграция населения; организованный набор; мобилизация; эвакуация; половозрастной состав населения.

SOURCES ON THE STUDY OF RURAL POPULATION MIGRATION IN THE 1930–1940S.

Irina Olga Viktorovna

Associate Professor, Candidate of Historical Sciences

Vologda State University

Vologda, Russia

kema-rodina@yandex.ru

Abstract. The article describes various sources that regulated the migration flows of the population and showed the effect of population movement on the demographic situation in the country in the 1930s and 1940s. An analysis of these sources allows us to determine the intensity, direction of migration, gender and age composition of migrants. The article attempts to show the place of state policy in the formation of the migration picture of this period.

Keywords: population migration, organized recruitment, mobilization, evacuation, gender and age composition of the population.

Миграционное движение – это фактор, постоянно оказывающий влияние на различные процессы, происходившие в обществе. Интенсивность, направления, формы миграции во многом зависят от политики, которую проводит государство, и от тех приоритетов, которые государство в этой политике ставит. Изучаемый период интересен тем, что в это время в движение пришли огромные массы людей, однако каждое десятилетие имело свои особенности перемещения населения.

Так, в 1930-е гг. в связи с проведением политики индустриализации и коллективизации государство ставило задачу увеличить численность рабочего класса и обеспечить растущую промышленность трудовыми кадрами. Выполнение этой задачи могло быть осуществлено только за счет внутренних ресурсов, поэтому в течение первых двух пятилеток выходит серия Постановлений ЦИК и СНК СССР, регулирующих набор рабочей силы из колхозов [1]. Анализ содержания этих правовых документов дает основания делать вывод о том, что в начале 1930-х гг. большая часть крестьян-отходников привлекалась на строительные работы и лесозаготовки в связи с вводом в эксплуатацию тысячи новых предприятий. Эти виды деятельности не требовали высокой квалификации, что позволяло разным категориям сельского мужского населения иметь повод для выезда из деревни. Позже появление разъясняющих инструкций Наркоматов и новых Постановлений по набору рабочей силы показывает трансформацию задач государства, которому становятся нужны постоянные рабочие, повышающие свою квалификацию [2]. Растет ответственность вербовщиков крестьян, подробно

прописываются функции предприятий по обустройству и обучению вновь прибывших работников из деревень. Однако, несмотря на подробную регламентацию процесса формирования рабочих кадров для промышленности, в 1930-е гг. преобладала стихийная миграция сельского населения в города, что в целом характерно для миграционных процессов в стране с конца XIX по 1920-е гг. [3] Анализ масштабов миграции можно проследить, изучая материалы статистики, а именно отчеты ЦСУ о передвижении населения за тот или иной год. В изучаемый период преобладали перемещения в основном населения молодых и зрелых трудоспособных возрастов из села в город, что создавало положительное сальдо миграции городов, с одной стороны, и вело к убыли сельского населения – с другой. Так, молодежь в возрасте 15–19 лет составляла в 1937 г. в городе 32,2%, а в селе – 24,8%, такая же картина наблюдалась и со зрелыми рабочими возрастными от 30 до 49 лет [4, с. 95]

Однако нельзя забывать, что 1930-е гг. – это активный период колхозного строительства, который проводился насильственными методами, его негативные последствия: раскулачивание и голод 1932–1933 гг. В поисках лучшей доли крестьяне массово выезжали из районов, подвергшихся голоду, в связи с чем выходили специальные документы государства, в которых требовалось пресекать такую миграцию и возвращать крестьян в места прежнего жительства. Так, к началу марта 1933 г., по данным ОГПУ, было задержано 219,5 тыс. чел., из которых 186,6 тыс. чел. возвращено, а остальные привлечены к судебной ответственности [5, с. 266]. Последствия голодных лет – это сокращение рождаемости и увеличение показателей смертности и, как следствие, сокращение численности в первую очередь сельского населения. Данные статистики свидетельствуют о высокой смертности на селе, по сравнению с городом: в 1933 г. на 1000 населения Европейской части РСФСР в сельской местности умерло 735, в городах – 265 [5, с. 269].

Конец 1930-х гг. и первая половина 1940-х гг. – время чрезвычайных военных событий в истории страны. В политике государства миграционные процессы этого периода носят мобилизационный характер и связаны с мобилизацией на фронт и эвакуацией населения и предприятий в тыл. Регулирование данных процессов осуществляется на основе большого пласта нормативных документов высших органов власти в стране. Например, Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» содержал пункты о запрещении въезда и выезда в местности, объявленные на военном положении, о выселении лиц, признанными социально опасными, об уклонении от исполнения воинской обязанности и др. [6, с. 1]. Указ этого же органа «О мобилизации военнообязанных по 14 военным округам» определял круг лиц, подлежащих призыву в армию (родившихся с 1905 г.

по 1918 г. включительно), объявлял первым днем мобилизации 23 июня [6, с. 1].

Отчеты Переселенческих отделов при областных и республиканских исполкомах дают информацию о перемещении эвакуированного населения (половозрастная характеристика, места выхода и вселения, время проживания, род деятельности в местах временного проживания). Например, анализ отчетов переселенческого отдела при Вологодском облисполкоме за 1941–1944 гг. показал, что прибывали эвакуированные в основном из Ленинграда и Ленинградской области, а также из КФССР, т.е. из пограничных с Вологодской областью территорий. Большая их часть размещалась в сельской местности. Половозрастной состав характеризуется преобладанием детей, женщин, стариков. [7, с. 23–24].

Помимо перемещения эвакуированного населения и мобилизации на фронт, продолжало осуществляться начатое до войны движение крестьян в другие отрасли народного хозяйства. С одной стороны, такая сезонная миграция обеспечивала решение государственных задач по удовлетворению нужд фронта и тыла (восстановление и строительство промышленных объектов, торфозаготовки, сбор смолы, заготовка дров для железных дорог и предприятий), с другой – истощала и так оскудевшие во время войны трудовые ресурсы села. О значительных перемещениях именно сельского населения говорят данные статистических органов. Если в целом население городов РСФСР с 1941 по 1945 г. уменьшилось на 13%, то сельское население за этот период сократилось почти на 23% [8, с. 182].

С 1944 г. начинается процесс реэвакуации, с 1945 г. – демобилизации из рядов Красной Армии (продолжалась до 1948 г.). Таким образом, миграционные процессы второй половины 1940-х гг. формировались под влиянием последствий войны. Демобилизованные увеличивали численность населения сел и деревень, но не могли восполнить его, т.к. большое количество мужчин трудоспособного возраста погибли на полях сражений или пропали без вести. Данные о потерях населения в военный период дают материалы Книг Памяти, созданные как на общесоюзном уровне, так и в отдельных областях и республиках.

Одновременно с процессами реэвакуации и демобилизации шел процесс организованного государством переселения населения, например, на вновь присоединенные территории Калининградской области, Сахалинской области, КФССР и др. Материалы делопроизводственной документации переселенческих отделов содержат информацию о планах переселения, требованиях, предъявляемых к переселенцам, льготах, которые предоставлялись им в местах вселения. В 1947 г. был восстановлен «оргнабор», разрешавший официально проводить вербовку рабочей силы среди жителей села на работу в промышленность. Сводные статистические отчеты ЦСУ,

извлеченные из центральных архивов РГАЭ и ГАРФ, содержат данные о передвижении населения по возрасту и полу. Анализ этих документов показывает, что в активный миграционный поток в 1940–1950-е гг., как и в 1930-е гг., вливалась в основном молодая трудоспособная часть населения в возрасте от 16 до 35 лет.

Таким образом, исследователю для изучения миграции населения доступен широкий пласт источников как опубликованных (законодательные акты, материалы периодической печати, статистики), так и архивных (в первую очередь делопроизводственная документация), которые позволяют раскрыть масштабы, направления и формы миграции населения, увидеть проблемы такого движения и пути их преодоления. Анализ материалов статистики помогает определить влияние миграционных потоков на демографическую ситуацию городов и сел.

Литература

1. Об отходничестве : Постановление ЦИК и СНК СССР от 30.06.1931 г. // Собрание законодательства СССР. – 1931. – № 42. – Ст. 286 ; О порядке отходничества из колхозов : Постановление ЦИК и СНК СССР от 17.03.1933 г. // Собрание законодательства СССР. – 1933. – № 21. – Ст. 116.

2. О применении нового закона об отходничестве из колхозов : Постановление НКТП // За индустриализацию. – 1933. – 23 апреля ; Об упорядочении дела набора рабочей силы из колхозов : Постановление СНК СССР от 21.07.1938 г. // Собрание постановлений Правительства СССР. – 1938. – № 34. – Ст. 208.

3. Жукова, В. С. Адаптация сельских жителей к городской среде в начале XX в. (на материалах дневника И. Г. Глотова) / В. С. Жукова // Романовские чтения – 11 : сборник материалов международной научной конференции. – Могилев : Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, 2016. – С. 94–96.

4. Жиромская, В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. : взгляд в неизвестное / В. Б. Жиромская. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 280 с.

5. Население России в XX веке : Исторические очерки. – Москва : РОССПЭН, 2000. – Т. 1. – 463 с.

6. Правда. – 1941. – 24 июня.

7. Ильина, О. В. Демографические процессы в деревне Европейского Севера России в 1940–1950-е гг. : монография / О. В. Ильина. – Вологда : ВГПУ, 2011. – 120 с.

8. Вербицкая, О. М. Население российской деревни в 1939–1959 гг. : Проблемы демографического развития / О. М. Вербицкая. – Москва : ИРИ РАН, 2002. – 318 с.

СЕКЦИЯ № 4. ДИПЛОМАТИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

УДК 94(4):327

ПЕРЕГОВОРЫ КАК ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (XVI–XVIII вв.): КОНЦЕПТ Г. БОННО ДЕ МАБЛИ

Циватый Вячеслав Григорьевич

Доцент кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран,

кандидат исторических наук, доцент,

Заслуженный работник образования Украины

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко

Киев, Украина

tsivatyi@gmail.com

Аннотация. В статье проанализирован внешнеполитический, переговорный и политико-дипломатический опыт Европы как выдающееся историческое достижение для политико-дипломатического и институционального развития Европы и формирования ее системы международных отношений в эпоху раннего Нового времени (XVI–XVIII веков). Внимание акцентировано на дипломатическом инструментарии, национальной специфике и особенностях переговорного инструментария европейских государств исследуемого периода (дихотомия концептов «война» и «мир») с акцентуацией на принципах переговоров и технике переговорного процесса эпохи раннего Нового времени.

Ключевые слова: внешняя политика; дипломатия; война; мир; переговоры; институционализация; Европа.

NEGOTIATIONS AS A POLITICAL-DIPLOMATIC TOOL OF EUROPEAN DIPLOMACY OF EARLY MODERN PERIOD (XVI–XVIII centuries): CONCEPT G.BONNO DE MABLY

Tsivatyi Viacheslav Grigorievich

PhD (History), Professor of History, The Honored Worker of Ukraine

Taras Shevchenko National University of Kyiv

Kyiv, Ukraine

tsivatyi@gmail.com

Abstract. The objective of this research is to analyze the foreign policy, political and diplomatic experience of Europe as an outstanding historical achievement for the political, diplomatic and institutional development of Europe and as the formation of its system of international relations in the early Modern Period (XVI–XVIII centuries). This research focuses on the diplomatic tools, national specifics and features of the European states negotiation process during the inquired period (a dichotomy between «war» and «peace» concepts) with an emphasis on the principles of negotiations and the negotiation technique of the earlier times.

Keywords: foreign policy; diplomacy; power; treaty; negotiations; institutionalization; Europe.

Автор данного исследования, анализируя внешнеполитические, переговорные и дипломатические процессы в Европе раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.), ставит целью раскрыть не только исторические аспекты институционального развития дипломатии, политико-дипломатического и переговорного инструментария, внешней политики Европы, которые уже были предметом изучения ученых, а выделить их общественно-политический функциональный аспект. Особое внимание уделяется развитию и институционализации дипломатических служб и принципам переговоров во временно-пространственном измерении [1; 2, с. 7–14; 3].

Среди войн раннего Нового времени особое место занимают – Итальянские войны (1494–1559 гг.) и Тридцатилетняя война (1618–1648 гг.) [4]. В ходе этих войн в теории и практике дипломатии формировались концепты «война» и «мир», усовершенствовались принципы переговорного процесса, формы и методы дипломатии, формировался образ дипломата как политико-культурная константа раннего Нового времени [5; 6].

Современник Итальянских войн (1494–1559) Никколо Макиавелли приводит много примеров из своей практической деятельности дипломата. Противоречивость межгосударственных отношений осложняет выработку консенсуса и может привести к асимметричному, неравному, разрешению проблемы, т.е. к неравному распределению выгод и издержек (например, Като-Камбрезийский мирный договор 1559 года) [7].

Проблематика власти в Европе раннего Нового времени нашла свое отражение в сочинении знаменитого политика, философа и дипломата Габриэля Бонно де Мабли «Принципы переговоров» (1757) [8]. В этом сочинении обобщен и проанализирован богатейший опыт переговорного процесса, его принципов и технологий как в эпоху Средних веков, так и раннего Нового времени [9].

Произведение «Принципы переговоров» сначала вышло отдельной книгой в 1757 году, а затем автор стал включать его в качестве введения в выпущенный им ранее в 1748 году, и впоследствии неоднократно дополнявшийся сборник «Европейское публичное право, основанное на договорах». Цель его состояла в том, чтобы проследить, как зарождаются в Евро-

пе распри и противоречия, понять, как можно добиться от государств соблюдения взятых ими обязательств, в т.ч. путем переговоров.

Научный труд «Европейское публичное право» заслуженно стал важной вехой в институциональной истории и развитии международного права. Высокую оценку данное произведение получило от Фридриха Великого и была переведена на ряд языков. В университетах Англии по ней преподавали международное право, государственные деятели называли ее «учебником для министров» (*manuel des ministres*) [10, р. 41–42], мемуарист Гримм – «азбукой современной политики» [11, с. 270].

Габриэля Бонно де Мабли поставили в один ряд с прославленными правоведами Гуго Гроцием и Пуфендорфом, а многие отдавали именно ему пальму первенства и считали, что он даже их превзошел. «Принципы переговоров» – пожалуй, одно из самых парадоксальных произведений в творчестве аббата Мабли.

В своей концепции он усовершенствует политико-дипломатический опыт XVI–XVII веков и предлагает сложившуюся веками историческую модель конструктивно применять в новом веке, при этом формулируя уже совершенно новые для своего времени принципы поведения в системе международно-политических координат и системы международных отношений, иной раз оказывающимся теми, что действовали в предыдущие эпохи как в древности, так в средние века и раннее новое время.

В отличие от многих других реформаторов-теоретиков, Мабли мог предложить государствам практические рекомендации для решения их насущных внешнеполитических и дипломатических проблем, и нельзя не поразиться тому, сколь и сейчас актуальны эти принципы, впервые или заново открыты ученым в эпоху раннего Нового времени [12].

Историческое и политико-дипломатическое наследие Габриэля Бонно де Мабли о сущности власти, о внешнеполитическом опыте европейских преобразований и принципах переговорного процесса, об особенностях европейских правителей и их политико-дипломатическом окружении заслуживают своего достойного внимания и в наше время, порой поражая своей актуальностью и историко-ретроспективной новизной. Воистину не даром его концепция и взгляды характеризовались как «...наилучшее краткое изложение того, что написано о дипломатии» [9, с. 327], о дипломатии раннего Нового времени. Обобщенные Мабли принципы внешней политики эпохи раннего Нового времени несомненно применимы и сегодня [13, с. 287–294; 14].

Можно констатировать, что в исследуемую эпоху в Европе уже сформировалась общеевропейская модель переговоров и переговорного процесса. На особое внимание заслуживаем концепт и принципы переговоров Габриэля Бонно де Мабли. Именно в период раннего Нового и Нового времени, в условиях противоборства концептов «война» – «мир» и военных перипетий, и происходит формирование новой модели переговорного процесса между государствами, а также становление государств нового типа и нового миропорядка (Новая Европа).

1. *Mowat, R. B.* A History of European Diplomacy (1451–1789) / R. B. Mowat. – London, 1971. – 311 p.
2. *Циватый, В. Г.* Ментальные фронтиры внешней политики и дипломатии в Англии в эпоху Средних веков и раннего Нового времени: институциональный аспект / В. Г. Циватый // Кубанские исторические чтения : сборник научных трудов. – Краснодар : Издательство Краснодарского центра научно-технической информации (ЦНТИ), 2019. – С. 7–14.
3. *Кальер, Ф., де.* О способах ведения переговоров с государями : перевод первого французского издания 1716 г. / Ф. де Кальер. – Москва : Гендальф, 2000. – 210 с.
4. *Barbiche, B.* Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne. XVI-e – XVIII-e siècle / *Barbiche B.* – Paris : Presses univ. de France, 2012. – 369 p.
5. *Black, J.* A History of Diplomacy / J. Black. – London : Reaktion Books, 2010. – 312 p.
6. *Mattingly, G.* Renaissance diplomacy / G. Mattingly. – Boston, 1955. – 284 p.
7. *Циватый, В. Г.* Дипломатический инструментарий Никколо Макиавелли и институты европейской дипломатии раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) / В. Г. Циватый // Перечитывая Макиавелли. Идеи и политическая практика через века и страны : сборник научных статей / под редакцией М. А. Юсима. – Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2013. – С. 271–285.
8. *Мабли, Г.Б. де.* Принципы переговоров / Г. Б. де Мабли; перевод с французского, примечание и указатель Л. А. Сифуровой. – Москва : Научная книга, 2014. – 304 с.
9. *Искуль, С. Н.* Габриэль-Бонно де Мабли и его исторические труды / С. Н. Искуль // Мабли Г. Б. де. Об изучении истории. О том, как писать историю. – Москва : Наука, 1993. – С. 393–399.
10. *Levesque, P.-Ch.* Eloge historique de l'abbé de Mably / P.-Ch. Levesque // L.-P. Bérenger. Esprit de Mably et de Condillac, relativement à la morale et à la politique. Grenoble: chez le Jay-fils, 1789. – Т. I.
11. *Сафронов, С. С.* Исторические взгляды Мабли / С. С. Сафронов // Французский ежегодник, 1971. – Москва : Академия наук СССР, 1973. – С. 269–281.
12. *Шишкин, В. В.* Французский королевский двор в XVI веке. История института / В. В. Шишкин. – Санкт-Петербург : Евразия, 2018. – 306 с.
13. *Циватый, В. Г.* Институционализация дипломатической службы европейских государств на рубеже Средневековья и раннего Нового времени: теоретико-методологический аспект / В. Г. Циватый // *Codrul Cosminului.* – 2012. – Т. XVIII. – No. 2. – P. 287–294.
14. *Циватый, В. Г.* Ментальные и смысловые интерпретации концептов «война» и «мир» в теории дипломатии и практике международных отношений раннего Нового и Нового времени: ретроспективный и институциональный дискурсы / В. Г. Циватый // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.) : сборник научных статей. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – С. 9–13.

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ АНТИФРАНЦУЗСКИХ
КОАЛИЦИЙ ЭКСПАНСИОНИСТСКОЙ ПОЛИТИКЕ
ЛЮДОВИКА XIV**

Ялугина Екатерина Евгеньевна

Магистрант

Новгородский государственный университет

им. Ярослава Мудрого

Великий Новгород, Россия

yalugina.caterina@yandex.ru

Аннотация. Статья раскрывает борьбу антифранцузских коалиций с экспансионистской политикой Людовика XIV. Франция во второй половине XVII века поставила все свои ресурсы на подчинение военному делу и начала планомерный захват габсбургских земель. Государства Европы из стремления сохранить баланс сил на континенте организовали сопротивление и, воспользовавшись внутренним кризисом Французского королевства, одержали в борьбе верх.

Ключевые слова: Людовик XIV; Деволуционная война; Голландская война; война Аугсбургской лиги; война за испанское наследство.

**ANTI-FRENCH COALITIONS AS A FACTOR OF COUNTERING
TO THE EXPANSIONIST POLICY OF LOUIS XIV**

Yalugina Ekaterina Evgenievna

Master Student

Novgorod State University named after Yaroslav-the-Wise

Velikiy Novgorod, Russia

yalugina.caterina@yandex.ru

Abstract. The article «Anti-French Coalitions as a factor of countering to the Expansionist policy of Louis XIV» by Yalugina Ekaterina Evgen'evna reveals the struggle of Anti-French Coalitions with the Expansionist policy of Louis XIV. In the second half of the 17th century France put all its resources under military control and began the systematic seizure of Habsburg lands. The states of Europe, in an effort to maintain a balance of power on the continent, organized resistance and, taking advantage of the internal crisis of the French kingdom, prevailed in the struggle.

Keywords: Louis XIV; the Devolutionary War; the Dutch War; the War of the Grand Alliance; the War of the Spanish Succession.

Во второй половине XVII – начале XVIII столетий европейские державы создавали значительные военно-политические союзы, направленные против экспансии Франции в Европу. Явились ли антифранцузские коалиции эпохи Людовика XIV реальной сдерживающей силой для «политики присоединений» Французской монархии и к чему привели их действия для дальнейшей истории страны?

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Вестфальский мирный договор 1648 года, завершивший Тридцатилетнюю войну, заключал в себе условия для создания нового порядка международных отношений, основой которого стало стремление государств Европы поддерживать баланс сил и не допускать усиление одной державы над другой. Однако Франция достигла наиболее выгодного положения как гарант мира.

Молодой французский король начал проводить политику завершения курса абсолютизации власти для того, чтобы добиться для своего государства превосходства на европейском пространстве, в связи с чем правительство Людовика XIV провозгласило целью обладание испанскими наследными территориями в Европе.

Проведенные экономические, политические, военные реформы превратили Французское королевство за короткий срок в передовую державу. Население Франции превышало население других держав Европы [1, с. 218], поэтому для реализации притязаний государство могло мобилизовать значительное войско и обеспечивать при этом развитие самой страны. Королевская дипломатия добилась заключения выгодных военно-политических союзов и нейтрализации ряда стран. После чего, используя экономическую слабость Испании, предъявляет ей свои претензии на Испанские Нидерланды [2, с. 278].

В перспективе антифранцузские коалиции ставили задачу предотвратить гегемонию Франции в Европе. Однако причины объединения государств против королевства Людовика XIV были разными: Республика Соединенных Провинций желала вернуть лидирующие позиции на французском рынке, Англия стала главной соперницей Франции на море и в колониях, Священная Римская империя стремилась вернуть положение мирового гегемона, многочисленные немецкие государства вели политику, нацеленную на получение передовых позиций в Германии, Швеция поддерживала коалицию в зависимости от возможности реализации собственной экспансии вглубь Германии и Дании. Эти причины стали корнем «маятниковости» результатов союзников.

В ходе Деволуционной войны 1667–1668 гг. Англия и Соединенные Провинции при участии Швеции как гаранта Вестфальских договоренностей образовали Тройственный союз [3, с. 196] и добились завершения во-

енных действий с возвращением Францией завоеванных фламандских территорий [2, с. 284]. Первая антифранцузская коалиция эпохи Людовика XIV стала реальным противодействием его экспансионистской политике.

Людовик, используя династические связи, убедил английского монарха Карла II в необходимости общего оборонительного союза. Дипломатическая служба короля была весьма успешна и поэтому французы также добились заключения договора со Швецией и Рейнской лигой германских княжеств, своими бывшими противниками [4, с. 153–155]. Голландцы вступают в войну и организуют новую коалицию совместно с Испанией, Священной Римской империей и Бранденбург-Пруссией. Но союзники действовали несогласованно, Франция вышла из войны победительницей и сохранила за собой Франш-Конте и южную область Испанских Нидерландов [5].

Успех Голландской войны 1672–1678 гг. подтолкнул французов к созданию специальных присоединительных палат, которые искали законодательные обоснования территориальных притязаний, в результате чего Людовик XIV аннексировал ряд иностранных провинций [6]. В войне 1688–1697 гг. Аугсбургская лига антифранцузских государств во главе с Вильгельмом Оранским пошла на компромисс и Людовик XIV временно приостановил продвижение в земли Габсбургов [7, с. 156]. Франция понесла большие потери, в стране ощущалась социально-экономическая напряженность [8, р. 47].

В период войны за испанское наследство 1701–1714 гг. Людовик XIV получил возможность объединить монархии Франции и Испании, поэтому было положено начало новому вооруженному противостоянию. Война началась с неудачных для Франции кампаний в Италии [9, р. 111]. Но государство поставило практически всю свою экономику на подчинение военным целям, поэтому сумело успешно отразить натиск коалиционной армии. Но на втором этапе военного конфликта Францию затронул глубокий внутренний кризис [10, с. 288–289]. Франция лишилась грамотного военного руководства, поддерживала экономику Испанской державы в ущерб собственной и проводила неудачные финансовые реформы. Возник вопрос о французском престолонаследии [2, с. 664]. Все эти факторы привели к тому, что объект притязания Франции – испанские владения в Италии – был разделен между Священной Римской империей и Великобританией. Людовик XIV и его потомки лишились возможности продолжить ведение экспансионистской политики в Европе. Антифранцузские коалиции из стремления сохранить баланс сил на континенте за счет проблем внутри Франции одержали в борьбе верх.

Литература

1. *Бессмертный, Ю. Л.* Жизнь и смерть в Средние века. Очерки демографической истории Франции / Ю. Л. Бессмертный. – Москва : Наука, 1991. – 240 с.
2. *Блюш, Ф.* Людовик XIV : перевод с французского / Ф. Блюш. – Москва : Ладомир, 1998. – 815 с.
3. *Юм, Д.* Англия под властью дома Стюартов (1649–1685) : перевод с английского : в 2 томах / Д. Юм. – Санкт-Петербург : Алетей, 2002. – Т. 2. – 464 с.
4. *Борисов, Ю. В.* Дипломатия Людовика XIV / Ю. В. Борисов. – Москва : Международные отношения, 1991. – 384 с.
5. Grands traités politiques. Traité de Nimègue. Traité de paix entre la France et l'Espagne // Digithèque de matériaux juridiques et politiques. – URL: <http://mjp.univ-perp.fr/traites/1678nimegue.htm> (дата обращения: 17.03.2019). – Текст : электронный.
6. *Lavisse E.* Histoire de France illustrée depuis les origines jusqu'a la revolution: in-8 v. Volume VII (2° partie). Louis XIV, ae 1643 à 1685. – Paris, 1911. – P. 351–352 // Internet Archive. – URL: <https://archive.org/details/histoiredelfrance0702laviuoft/page/350> (дата обращения 17.03.2019). – Текст : электронный.
7. *Clodfelter, M.* Warfare and Armed Conflicts. A Statistical Encyclopedia of Casualty and Other Figures, 1492–2015 / *Clodfelter, M.* – Jefferson, NC : McFarland & Company, Inc., Publishers, 2017. – 804 p.
8. *Шоню, П.* Цивилизация классической Европы : перевод с французского / П. Шоню. – Екатеринбург : У-фактория, 2005. – 606 с.
9. *Lynn, J.* The French Wars 1667–1714. The Sun King at war / J. Lynn. – Oxford: Osprey Publishing, 2002. – 96 p.
10. *Сен-Симон (герцог де).* Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы : перевод с французского : в 2 томах / *Сен-Симон (герцог де).* – Москва : Прогресс, 1991. – Т. 1. – 598 с.

**РОЛЬ ПЕРВЫХ ЛИЦ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
В РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
в 1871–1918 гг.**

Бердникова Александра Владимировна

Студент

Вологодский государственный университет

Вологда, Россия

berdnikovaaleksanra3@gmail.com

Аннотация. На развитие системы разведывательной деятельности Германской империи во времена Второго рейха сильное влияние оказали первые лица государства. В данной статье на основе анализа официальных документов и источников личного происхождения сделана попытка выявить степень влияния императора и канцлера на становление немецкой разведки.

Ключевые слова: военная история; Второй рейх; император; канцлер; Первая мировая война; разведывательная деятельность.

**THE ROLE OF THE FIRST PERSONS OF THE GERMAN EMPIRE
IN INTELLIGENCE ACTIVITIES IN 1871–1918.**

Berdnikova Alexandra Vladimirovna

Student

Vologda State University

Vologda, Russia

berdnikovaaleksanra3@gmail.com

Abstract. The development of the intelligence system of the German Empire during the Second Reich was strongly influenced by the top officials of the state. In this work, based on the analysis of official documents and sources of personal origin, an attempt is made to identify the degree of influence of the Emperor and the Chancellor on the formation of German intelligence.

Keywords: military history; Second Reich; Emperor; Chancellor; world war I; intelligence activities.

Целью данной статьи является анализ степени влияния первых лиц Германской империи (императора и имперского канцлера) на разведывательную деятельность во времена Второго рейха (1871–1918) и выяснение их роли в результатах, полученных и реализованных разведывательными службами.

Особенностью развития немецкой разведки являлось то, что со второй половины XVIII в. и до начала Первой мировой войны в 1918 г. она пережила несколько периодов расцвета и упадка, обусловленных внешнеполитической обстановкой вокруг Германии, ее внутривнутриполитическим состоянием, а также, в немалой степени, характером и масштабом личности лиц, возглавлявших государство.

Первый значительный подъем в развитии немецкой разведки пришелся на период правления Фридриха II Великого (1740–1786 гг.), просвещенного монарха, основоположника прусско-германской государственности, что отразилось на результатах Семилетней войны 1756–1763 гг. После столетнего упадка в развитии разведывательной деятельности заново ее возродил действовавший в соответствии с указаниями О. фон Бисмарка (1815–1898 гг.) начальник прусской полиции Вильгельм Штибер (1818–1882). Накануне войны с Австрией (1866 г.) ему удалось создать эффективную агентурную сеть в этой стране, перед франко-прусской войной (1870–1871 гг.) – он организовал аналогичную, но значительно усовершенствованную разведывательную структуру во Франции. После чего вновь последовал довольно длительный период упадка немецкой разведки, когда ее развитие продолжалось скорее по инерции, в отсутствии крупных вооруженных столкновений Германской империи с другими странами. В этот период, после вступления на престол в 1888 г. кайзера Вильгельма II и ухода в отставку 1890 г. Отто фон Бисмарка, на высшем государственном посту сменилось пять канцлеров: Лео фон Каприви (20 марта 1890 г. – 28 октября 1894 г.), Хлодвиг Гогенлоэ (29 октября 1894 г. – 17 октября 1900 г.), Бернгард фон Бюлов (17 октября 1900 г. – 14 июля 1909 г.), Теобальд фон Бетман-Гольвег (7 июля 1909 г. – 13 июля 1917 г.). В этих условиях существенно возросла роль императора в организации разведывательной деятельности – глава государства не просто разрабатывал директивы для разведслужбы и анализировал результаты ее деятельности, но и активно участвовал в «оперативной работе»: давал поручения агентам, дезинформировал глав иностранных государств, оказывал помощь разоблаченным агентам немецкой разведки. Вильгельм II принял достаточно верное и эффективное решение о назначении руководителем разведслужбы Вальтера Николаи, который, в значительной степени стал преемником на этом посту Вильгельма Штибера. Тому и другому, каждому в свое время, удалось создать действенную разведывательную сеть.

Рубеж XIX–XX в. стал временем исключительно интенсивного развития внешнеполитических теорий и доктрин в различных странах мира [1]. Свообразной квинтэссенцией германской военной доктрины стал принятый в 1892 г. план Шлиффена. Он отражал характерную и при этом крайне опасную особенность политики и стратегии германского правительства –

переоценку собственных сил и недооценку потенциальных возможностей вероятных противников [2, с. 39]. Несколько компенсировать этот просчет могла принятая на Второй Гаагской конференции и ратифицированная Германией конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны» практически никак не ограничивавшая действия разведчиков стран, подписавших этот документ.

В знаменитой «Сентябрьской программе» 1914 г., представлявшей собой «дорожную карту» аннексионистских шагов Германского рейха, канцлер Германской империи Т. фон Бетман-Гольвег озвучил план ослабления России и Франции и подчинения внутренней и внешней политики Бельгии и Люксембурга полному диктату Германии. Значительную роль в реализации этой программы должна была сыграть разведслужба. Хорошо известно, что традиционно в Германии огромную не только военную, но и политическую роль играл Большой Генеральный Штаб, являвшийся наряду с кайзером и канцлером частью правящего страной триумvirата [3, с. 51]. Еще в 1913 г. особый, под номером III-B, отдел Большого Генерального Штаба, занимавшийся разведывательной деятельностью, возглавил Вальтер Николаи (1873–1947), который первоначально достаточно узко расценивал задачи разведки, сводя их к исключительно военно-оперативным функциям. Отчасти он повторял ранние ошибки О. фон Бисмарка и В. Штибера. Однако Вальтеру Николаи быстро удалось найти общий язык и сойтись во взглядах на стратегию военных действий (а именно – на необходимость сосредоточения основных сил Германской империи на западном фронте – против Франции и Англии) с генералом Э. фон Фалькенгайном, а позже – с генералами П. фон Гинденбургом и Э. фон Людендорфом, согласившимися с планом В. Николаи по реформированию разведслужбы и расширению ареала разведывательной деятельности.

Несколько задержавшись, когда война уже была в полном разгаре, в 1915 г., В. Николаи начал перестройку разведывательной и контрразведывательной работы. Был значительно расширен периферийный оперативный аппарат, который стал охватывать, помимо приграничных нейтральных стран, еще и столицу США – г. Вашингтон и крупные центры некоторых государств Латинской Америки. Для взаимодействия с оперативно-тактической разведкой на фронте, которой руководили командующие армиями, Вальтер Николаи включил своих представителей в их штабы. В 1915 г. приказом генерала Э. фон Фалькенгайна отделение № 111-B стало полностью самостоятельным подразделением, а его начальник приобрел статус и жалование командира полка и вошел в привилегированную группу главного командования кайзеровской армии [4, с. 133]. В 1916 г., по приказу Эриха Людендорфа, Вальтер Николаи принял ряд мер по повышению эффективности разведки: теперь в ведение Управления военной прессой

(КПА) были переданы пропаганда и внутренняя политическая разведка, принята директива об использовании «патриотической пропаганды» и зарубежных СМИ, создана организация «Разведка внутри страны» для получения необходимых политических и экономических сведений, а также предприняты шаги по улучшению взаимодействия с разведками союзных стран. В 1917 г., по приказу Э. фон Людендорфа, усилились репрессии внутри Германии против солдат и мирных граждан, поддавшихся пропаганде иностранных спецслужб, склонявших немцев к заключению мира и призывавших их бойкотировать службу в армии. В. Николаи с сожалением констатирует, что Берлин фактически не обращал внимания на подрывную политическую деятельность внутри страны вплоть до 1917 г., когда антивоенные настроения части немецкого народа приняли опасный для власти характер [4], и, как известно, именно они стали одной из причин Ноябрьской революции 1918 г., положившей конец Империи.

Таким образом, можно сделать вывод, что в развитии разведывательной деятельности Второго рейха большую роль сыграли первые лица страны: Отто фон Бисмарк, Вильгельм II, высший генералитет армии и начальники разведывательных служб – В. Штибер и В. Николаи. Германской империи удалось увеличить свою агентурную сеть во вражеских странах. В то время как Великобритания и Франция отстаивали свои интересы, следя преимущественно за обстановкой на подчиненных им территориях, немецкая разведка применяла гораздо более разнообразные и эффективные методы в своей работе.

Литература

1. Киселева, О. А. А. Т. Мэхэн и развитие внешнеполитической мысли на рубеже XIX – XX веков / О. А. Киселева // Проблемы фундаментальной подготовки в школе и в вузе в контексте современности. Межвузовский сборник научных работ / редактор-составитель А. Е. Новиков. – Череповец : ЧГУ, 2019. – Вып. 9. – С. 38–45.

2. Киселева, О. А. Ведущие страны Запада в последней трети XIX – начале XX века : учебное пособие / О. А. Киселева. – Вологда : ВоГУ, 2015. – 132 с.

3. Киселева, О. А. Политическое развитие ведущих стран Запада в Новое время: от абсолютизма к буржуазному конституционализму : учебное пособие для студентов исторического факультета / О. А. Киселева. – Вологда : ВГПУ, 2010. – 121 с.

4. Николаи, В. «Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время» / В. Николаи. – URL: https://royallib.com/book/nikolaj_valter/taynie_sili_internatsionalniy_shpionag_i_borba_s_nim_vo_vremya_mirovoy_voyni_i_v_nastoyashchee_vremya.html (дата обращения: 28.02.2020). – Текст : электронный.

ПРОБЛЕМЫ ВОПЛОЩЕНИЯ ФРАНЦИЕЙ КОНЦЕПЦИИ «САНИТАРНОГО КОРДОНА» ВОКРУГ СОВЕТСКОЙ РОССИИ¹

Бодров Андрей Владимирович

Доцент, кандидат исторических наук

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

bodrovandrew@yandex.ru, a.bodrov@spbu.ru

Аннотация. Концепция «санитарного кордона» вокруг Советской России существенно повлияла на контуры мирного урегулирования по итогам Первой мировой войны. Она была выдвинута и наиболее последовательно воплощалась французскими дипломатами и военными, стремившимися придать сотрудничеству стран Центральной и Восточной Европы характер подлинного фронта. Однако эта цель так и не была достигнута. В центре всех расчетов Парижа оставалось сдерживание Германии, угроза же «большевизма» в начале 1920-х гг. теряла свою остроту. Подобные приоритеты побуждали Францию придать «санитарному кордону» оборонительный характер и ограничить свои обязательства помощи против Советской России. Еще одним ключевым фактором стали разногласия самих стран региона, прежде всего Польши, Чехословакии и Литвы. После 1924 г. концепция «санитарного кордона» во многом перестала определять французскую политику.

Ключевые слова: Франция; Советская Россия; Версальская система; Центральная и Восточная Европа; Ф. Фош; санитарный кордон.

IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF A «CORDON SANITAIRE» AROUND THE SOVIET RUSSIA BY FRANCE: MAIN OBSTACLES

Bodrov Andrey Vladimirovich

Kandidat Nauk (Ph.D.) in History, Associate Professor

Saint-Petersburg State University

Saint-Petersburg, Russia

bodrovandrew@yandex.ru, a.bodrov@spbu.ru

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта РФФИ № 18-09-00498 «От интервенции к признанию: «русская» политика Французской Республики в 1917–1924 гг.» Французской Республики в 1917–1924 гг.».

Abstract. The concept of a «cordon sanitaire» around Soviet Russia influenced a lot the outlines of the peace settlement after the First World War. It was forwarded and implemented the most consistently by French diplomats and military who sought to turn the cooperation between the countries of Eastern and Central Europe into a genuine front. But this goal has been never reached. Containment of Germany remained in the center of all considerations of the official Paris, and the danger of «Bolshevism» had been losing its importance in the early 1920s. Such priorities prompted France to shape the «cordon sanitaire» as a defensive alliance and to restrict its obligations of help against Soviet Russia. Disagreements between the counties of the region itself, primarily between Poland, Czechoslovakia, and Lithuania, were another key factor. The concept of the «cordon sanitaire» to a large extent ceased to determine the French policy after 1924.

Keywords: France; Soviet Russia; Versailles system; Eastern and Central Europe; F. Foch; “cordon sanitaire”.

Концепция «санитарного кордона» вокруг Советской России существенно повлияла на контуры мирного урегулирования по итогам Первой мировой войны. Новые границы в Центральной и Восточной Европе должны были облегчить взаимопомощь потенциальных союзников Франции в регионе против ревизионистских поползновений побежденных. Подобным образом передача Подкарпатской Руси Чехословакии, Восточной Галиции – Польше и Буковины – Румынии позволяла первым двум государствам установить с последней своеобразный «сухопутный мост» [1, р. 23–24].

В контексте революционного подъема в Европе первой половины 1919 г. первая версия «санитарного кордона» была сформулирована маршалом Ф. Фошем в январе 1919 г. в наступательных категориях – в духе «удушения большевизма». Однако, как известно, вскоре Париж был вынужден свернуть свое участие в вооруженной интервенции в Россию, сделав «санитарный кордон» активной формой ее изоляции.

Именно Ф. Фош оставался наиболее последовательным сторонником реализации концепции. Предполагалось, что в случае возобновлении боевых действий в Европе он как глава межсоюзнического Высшего военного комитета вновь встанет во главе сил Антанты. Это позволяло Фошу координировать деятельность многочисленных французских военных миссий в странах Центральной и Восточной Европы, стремясь придать сотрудничеству последних слаженность подлинного фронта.

Передовую линию обороны должны были составить Польша и Румыния, названные Фошем «надежнейшим барьером против торжествующего в России большевизма» [2]. Прибалтика оценивалась как довольно слабый фланг, оборона которого была немыслима без серьезного вовлечения Поль-

ши и Великобритании. Роль тыла и потенциальных вспомогательных сил позади «польско-румынского фронта» составляли Чехословакия с ее развитым промышленным потенциалом и, в меньшей степени, Сербско-хорватословенское королевство (Югославия). Все вместе это должно было исключить главную опасность – прорыв Красной армии к границам других «изгоев» Версальского порядка: Германии, Венгрии, Австрии [3, р. 188–189].

Для того чтобы «санитарный кордон» был дееспособен, необходимо было обеспечить потенциальных участников антибольшевистского фронта оружием, а также всем необходимым для мобилизации. Вторым важным условием было согласование военных планов хотя бы на стадии развертывания. Третьим – обеспечение надежного транспортного сообщения, исключавшего возможность отрезать французских союзников от помощи извне.

Окончательно «санитарный кордон» обрел «плоть и кровь» с подписанием франко-польского и польско-румынского соглашений о взаимопомощи в марте – апреле 1921 г. Парадокс, однако, заключался в том, что Франция при этом явственно стремилась минимизировать свой вклад в его поддержание [4, р. 45–46]. «Санитарный кордон» приобрел сугубо оборонительный характер и окончательно стал делом стран региона. Изначальный замысел Фоша остался далек от своей реализации. Тому был целый ряд причин.

Во-первых, в центре всех стратегических расчетов Парижа было сдерживание Германии. Особенно опасным в этой логике было советско-германское сотрудничество, поскольку оно увеличивало потенциал Веймарской республики. Однако политика «кордона» не предотвратила заключение Рапалльского соглашения. Угроза же «экспорта революции» при поддержке Москвы относилась французским правительством в 1920-х гг. к «второстепенным или третьестепенным проблемам» [5, р. 123].

Вторым фактором являлось то, что военный потенциал Советской России в первой половине 1920-х гг. оценивался Парижем невысоко. В частности, Фош исходил из того, что поляки и румыны имеют на востоке противника, чей «моральный дух и техническая оснащенность еще более посредственны» [6, fol. 6–7]. Тезиса о неспособности Красной Армии на крупномасштабные действия придерживалась вплоть до 1927 г. и французская разведка [7, р. 18–19]. Шанс на продвижение давали только новые революции или просоветские перевороты.

В-третьих, многочисленные обязательства Франции побуждали ее искать помощи других великих держав в обеспечении территориального статуса-кво. Самым желанным союзником для Франции оставалась Великобритания. Однако британский МИД относился к Восточной Европе почти как к обузе [8, р. 41–43]. Франко-британские переговоры о взаимопомощи в 1920–1922 гг. побуждали Париж медлить со сколачиванием «тыловых сою-

зов» на континенте, дабы не отпугивать Лондон. В частности, именно по этой причине ратификация франко-польского союза была отложена почти на год [9, p. 37].

В-четвертых, важно учитывать, что французская военная помощь прямо увязывалась с получением в ответ различных экономических и торговых преференций. Реализация на практике все того же франко-польского союза в полной мере ощутила на себе подобный «экономический детерминизм». Проволочки в предоставлении кредитов для модернизации польской армии [10, p. 399] лишний раз показывали, что Париж не считал «советскую» угрозу для региона столь уж близкой и устрашающей.

Наконец, единство фронта против Советской России разрушали многочисленные противоречия и расхождения интересов стран самого региона. В частности, между Прагой и Варшавой весь межвоенный период стоял неразрешимый «тешенский вопрос», между Польшей и Литвой – территориальный спор из-за Виленского края. Соседи были готовы в лучшем случае гарантировать свой нейтралитет в конфликте с Москвой, но не поддержку. После 1924 г. концепция «санитарного кордона» во многом перестала определять «русскую политику» и самой Франции.

Все вышесказанное объясняет позицию известной британской исследовательницы З. Стайнер, отмечавшей, что «санитарный кордон» сыграл незначительную роль в сдерживании «советской угрозы» и «вскоре распался» [11, p. 610].

Литература

1. *Dessberg, F.* La France et les frontières de l'Est européen dans les années 1920 / F. Dessberg // Sécurité européenne: frontières, glacis et zones d'influence. – Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2007. – P. 23–39.
2. Service historique de la Défense. 4 N 93: état-major du maréchal Foch. Dossier 1.
3. *Documents diplomatiques français.* 1921. – Tome I. – Brux. : P. I. E-Peter Lang S.A., 2004. – 843 p.
4. *Schramm, T.* La France et la Pologne 1920–1922: Relations bilatérales ou partie d'un système européen de sécurité? / T. Schramm // Guerres mondiales et conflits contemporains. – 1999. – No. 193. – P. 39–52.
5. *Hovi, K.* Alliance des Revers: Stabilization of France's alliance policies in East Central Europe 1919–1921 / K. Hovi. – Turku : Turun Vliopisto, 1984. – 135 p.
6. Archives du Ministère des Affaires étrangères. 117 CPCOM. 167.
7. *Beckloff Cabel P. M.* The Communist Challenge to Versailles: British and French assessments of Soviet strategic policy in Europe, 1922-27: A Thesis / P. M. Beckloff Cabel. – Calgary : University of Calgary, 2011. – 165 p.
8. *Bennett, G. H.* British Foreign Policy During the Curzon Period, 1919-24 / G. H. Bennett. – New York : St. Martin's, 1995. – 243 p.

9. *Cienciala, M.* From Versailles to Locarno: Keys to Polish Foreign Policy, 1919–25 / M. Cienciala, T. Komarnicki. – Kansas : University Press of Kansas, 1984. – 384 p.

10. *Laforest, Ch.* La stratégie française et la Pologne (1919–1939). Aspects économiques et implications politiques / Ch. Laforest // Histoire, économie et société. – 2003. – No 3. – P. 395–411.

11. *Steiner, Z.* The Lights that Failed: European International History, 1919–1933 / Z. Steiner. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 938 p.

УДК 94(4)

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕВОЛЮЦИИ НА БАЛКАНАХ
НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИКИ КОМИНТЕРНА И ЦК РКП(б)
ПО ОТНОШЕНИЮ К КОРОЛЕВСТВУ СХС В 1921–1923 гг.**

Скотников Федор Андреевич

Студент

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

st055529@student.spbu.ru

Аннотация. В статье освещается проблема теории и практики революции на Балканах в начале 1920-х годов на основе анализа документов ЦК РКП(б) и Коминтерна о действиях этих структур в Королевстве СХС, дается ответ на вопрос, связанный с изменением тактики большевистского руководства в 1923 году и его сближением со Степаном Радичем и его партией, весьма далекой от каких-либо революционных идей. В ходе работы был проведен анализ программных документов советского государства применительно к Королевству СХС, а также их сочетание с действительностью и действиями ЦК КПСС в этой области.

Ключевые слова: Королевство СХС; Хорватия; Коминтерн; Коммунистическая партия Югославии; Балканы; теория революции

**THEORY AND PRACTICE OF REVOLUTION IN THE BALKANS
OR EXAMPLE, THE POLICY OF THE COMINTERN AND THE RCP(b)
IN RELATION TO THE KINGDOM SHS IN 1921–1923.**

Skotnikov Fedor Andreevich

Student

Saint-Petersburg State University

Saint-Petersburg, Russia

st055529@student.spbu.ru

Abstract. The article highlights the problem of the theory and practice of the revolution in the Balkans in the early 1920s based on the analysis of the documents of the Central Committee of the RCP(b) and the Comintern on the actions of these structures in the Kingdom of the SHS, to answer the question related to the change in tactics of the Bolshevik leadership in 1924 and its rapprochement with Stepan Radich and his party, very far from any revolutionary ideas. In the course of the work, the analysis of the program documents of the Soviet state in relation to the Kingdom of SHS, as well as their combination with the reality and actions of the CPU in this area was carried out.

Keywords: Kingdom of SHS; Croatia; Comintern; Communist party of Yugoslavia; Balkans; theory of revolution

Пришедшие осенью 1917 г. к власти в России большевики изначально не проявляли интереса к региону Балкан и стран, которые в нем находились [1, с. 103], с чем мы можем связать их нейтральную позицию по вопросу объединения южных славян в одно государство. Однако дальнейшие события Гражданской войны 1918–1922 гг. и участие в ней различных воинских формирований представителей образованного в 1 декабря 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС) на стороне «белых», существенно поменяло позицию Москвы по отношению к молодому славянскому государству.

В своей статье мы задались целью проанализировать основные моменты теории возможной революции в КСХС и понять их соотношение с реальной действительностью, чтобы ответить на вопрос: почему в 1924 г. руководство III Интернационала решило сделать ставку на Степана Радича – человека далекого от коммунистических идей и скептически относящегося к СССР?

Переходя непосредственно к самой теории революции в КСХС, необходимо отметить положение этого государства на ментальной карте руководства «штаба мировой революции» для мира, так называемых капиталистических стран. Согласно ней государство югославян относилось к так называемому типу стран со «средним развитием уровня капитализма», что предполагало для него сначала буржуазно-демократическую революцию, которая затем плавно перерастала в революцию социалистическую [2, с. 127]. Следует отметить, что данная классификация была чрезвычайно условна, так как для похожей на КСХС Болгарии предполагалась сразу социалистическая революция, что было связано с тем, что местная компартия контролировала весь пролетариат в стране.

Основными движителями революции и одновременно ее целями должны были стать нерешенные крестьянский и национальный вопросы. Следует отметить, что руководство ЦК РКП(б) и Коминтерна считало эти две

проблемы взаимосвязанными: «Совершенно верно, что национальный вопрос нельзя отождествлять с крестьянским, ибо, кроме вопросов крестьянских, национальный вопрос включает в себя еще вопросы национальной культуры, национальной государственности и пр. Но, несомненно, также и то, что основу национального вопроса, его внутреннюю суть все же составляет вопрос крестьянский. Этим именно и объясняется, что крестьянство представляет основную армию национального движения, что без крестьянской армии не бывает и не может быть мощного национального движения. Это именно и имеют в виду, когда говорят, что национальный вопрос есть по сути дела вопрос крестьянский» [3, с. 72]. Решение данной проблемы «национального и социального освобождения» виделось местными коммунистами и их «кураторами» из Москвы в качестве создания Балканской коммунистической федерации, что предусматривало в себе развал Королевства СХС на различные малые государственные образования, что могло произойти в результате войны и последующей за ней революции [3, с. 75] – здесь советское руководство проецировало историю своего собственного прихода к власти в стране на югославскую ситуацию, полагаясь на схожесть между империей Романовых и королевством Карагеоргиевичей в национальном и социальном плане, без учета специфического балканского контекста.

Основным актором планируемой революции должна была стать молодая коммунистическая партия Югославии (КПЮ), которая имела довольно большой вес в политике с учетом сложившейся после войны ситуации в обществе, которую хорошо описал лидер хорватского крестьянства Степан Радич: «Массами овладела мораль проигравших, с одной стороны – габсбургщина. С другой – большевизм... Только с республиканизмом в этих краях мы могли одолеть габсбургщину и остановить большевизм» [4, с. 74]. Особенно хорошо силу КПЮ продемонстрировали выборы в Уставотворную скупщину, которая должна была выработать конституцию страны, в 1921 г., где компартия заняла 4 место, по количеству поданных за нее голосов [5, р. 70]. Однако в дальнейшем партия начала терять свою силу и значение в обществе и не могла выполнить тех задач, которые ставил перед ней III Интернационал, в результате чего Коминтерн пошел на сотрудничество с сепаратистски настроенным Степаном Радичем и его партией. В связи с этим возникает вопрос, почему КПЮ не использовала программу решения национального вопроса, озвученного Москвой, чтобы привлечь к своей партии новых членов, тем самым получив широкую поддержку среди национальных меньшинств страны и благополучно совершить революцию в стране? Нам кажется, что ответ на этот вопрос лежит в нескольких плоскостях.

Во-первых, в причине провала революции в Королевстве СХС лежит увлечение в КПЮ, так называемым «левым уклоном», что, по сути означа-

до неспособность идти на какие-либо уступки и компромиссы с другими партиями, ведущие к выгоде для обеих договаривающихся сторон. Действительно, в этот период времени многие коммунистические партии страдали от «левого уклона» и во многих местах это приводило к весьма печальным последствиям для иностранных компартий, которые часто из-за ошибочной сектантской позиции упускали шанс на успешное дело революции, чем пользовались их противники [6, с. 7–8]. Следует отметить, что руководство Коминтерна часто ставило акцент на решении национального вопроса именно КПЮ [7, с. 23], однако на практике эти рекомендации Москвы не соблюдались по причине, отмеченной нами выше.

Во-вторых, важную роль в неудаче КПЮ и Коминтерна в деле революции в Королевстве СХС сыграли успешные действия полиции и руководства государства, которое к 1923 г. сумело сильно обескровить партию, сделав ее деятельность преимущественно подпольной [8, с. 11]. Кроме того, в связи с арестами многих членов партии руководство КПЮ начало набор новых членов, которые были сильно не опытны. Из-за этого, при облаве на одну из конспиративных квартир, в руки австрийской полиции попал архив одного из молодых членов партии в Вене, который она могла бы передать полиции КСХС [8, с. 12], что еще сильнее бы ослабило партию, итак находящуюся не в самом лучшем положении.

Наконец, последним фактором сыгравшем в выборе Коминтерна стала фракционность КПЮ, которая, так же как и «левый уклон», являлась «болезнью» всех коммунистических партий, в том числе и РКП(б). Эта «болезнь» была по единству и силе партии, ослабляя ее позиции во многих вопросах. Так, в постановлении IV Конгресса Коминтерна по югославскому вопросу мы можем найти следующее предложение, характеризующее положение КПЮ и призыв к ее новому ЦК изменить сложившуюся пагубную для партии ситуацию: «Перед лицом разгулявшейся капиталистической и социал-демократической реакции нет ничего более пагубного для партии и для революционного движения в Югославии, чем фракционность. Поэтому обязанность нового Центрального комитета партии сделать все от него зависящее и предпринять необходимые меры для умиротворения умов внутри партии, ликвидации личных сомнений, добиться необходимого взаимного доверия ее членов и на этой основе объединить всех активных членов партии, оставшихся на своем посту под напором контрреволюции» [7, с. 36].

Таким образом, мы можем заключить, что теория революции в Королевстве СХС не соответствовала реальной действительности, так как главный актер данного процесса – КПЮ, которая должна была возглавить пролетариат, не была готова к этой сложной и трудной задаче, по ряду объективных причин внутри самой партии, в связи с чем началось сближение с некоммунистическими, но сепаратистски настроенными партиями Коро-

левства СХС, чтобы совершить революцию на Балканах, а затем распространить ее пламя по всей Европе.

Следует отметить, что некоторые члены ЦК РКП(б), например, лидер так называемой «левой оппозиции» Л.Д. Троцкий, критиковали данный подход Коминтерна, полагая такую тактику не совсем правильной: «Поскольку в пролетариате происходили явные и притом нарастающие сдвиги вправо, в Коминтерне началась полоса идеализации крестьянства, некритического преувеличения всех симптомов его «разрыва» с буржуазным обществом, подкрашивания всяких эфемерных крестьянских организаций и прямое охаживание «крестьянских» демагогов. Задача длительной и упорной борьбы пролетарского авангарда против буржуазии и лжекрестьянской демагогии за влияние на наиболее обездоленные низы деревни все более подменялось надеждой на прямую и самостоятельную революционную роль крестьянства в национальном и международном масштабе» [9, с. 151]. Одной из этих сил, на которую сделал ставку Коминтерн, и оказался Степан Радич и его партия. Им и предстояло осуществить революцию в Королевстве СХС и на Балканах.

Литература и источники

1. *Романенко, С. А.* Между пролетарским интернационализмом и славянским братством: российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год) / С. А. Романенко. – Москва : Новое литературное обозрение, 2011. – 1012 с.
2. *Маккензи, К.* Коминтерн и мировая революция, 1919–1943 / К. Маккензи. – Москва : Центрполиграф, 2008. – 349 с.
3. *Сталин, И. В.* Сочинения / И. В. Сталин. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1952. – Т. 7. – 406 с.
4. *Силкин, А. А.* Хорватский апостол Степан Радич / А. А. Силкин // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. – Москва : Индрик, 2009. – С. 64–82.
5. *Petranović, B.* Istorija Jugoslaviji, knjiga 1: 1918–1941 / B. Petranović. – Beograd : Nolit-Beograd, 1988.
6. *Горанович, М. М.* Крах зеленого интернационала, 1921–1938 / М. М. Горанович. – Москва : Наука, 1967. – 284 с.
7. Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов) / под редакцией доктора исторических наук Р. П. Гришиной. – Москва : Эдиториал УРСС, 2000. – Ч. 1. – 301 с.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 27. Д. 1. Л. 11–12.
9. *Троцкий, Л. Д.* Коммунистический Интернационал после Ленина / Л. Д. Троцкий. – Москва : Принтима, 1993. – 308 с.

**ВИЗИТ Л. ВАЛЕНСЫ В США
И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ**

Райкова Вера Алексеевна

Доцент кафедры всеобщей истории, кандидат исторических наук

Российский государственный педагогический

университет им. А.И. Герцена;

научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории

«Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности»

Псковский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

raivera@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению причин, обстоятельств и значения визита Леха Валенсы в США, состоявшегося в ноябре 1989 г. в контексте изучения международных проблем завершающего этапа холодной войны.

Ключевые слова: Лех Валенса; Джордж Буш-старший; холодная война; профсоюз Солидарность; медаль Свободы.

**THE IMPORTANCE OF WALESA'S VISIT TO THE UNITED STATES
FOR INTERNATIONAL RELATIONS
AT THE END OF THE COLD WAR**

Raikova Vera Alekseevna

Associate Professor of the Department of World History,

Candidate of History,

Herzen State Pedagogical University of Russia;

*Researcher of the Research Laboratory «Center for
comprehensive studies of regional security issues», Pskov State University*

Saint-Petersburg, Russia

raivera@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of the causes, circumstances and role of Walesa's visit to the United States in November 1989 for ending of the Cold War.

Keywords: Lech Walesa; George H.W. Bush; Cold War; Trade Union «Solidarity»; Presidential Medal of Freedom.

12–26 ноября 2019 г. известный польский государственный и общественный деятель Лех Валенса посетил США. В рамках этого визита он выступил на заседании Комитета по иностранным делам Палаты представителей Конгресса США; встретился с американским вице-президентом Майклом Пенсом; прочитал лекцию «Демократия в Центральной Европе в последние 30 лет» в Национальном фонде демократии; пообщался со студентами Гарвардского университета; возложил цветы к мемориалу жертвам коммунизма [1]. Наибольший интерес вызвали размышления Валенсы о состоянии современной демократии, необходимости радикального реформирования демократических институтов, широком распространении в мире популизма, роли США в мировой политике [2]. Однако всех прежде всего интересовали воспоминания Валенсы о легендарном посещении Америки в ноябре 1989 г., которое стало одним из ярких символов окончания холодной войны.

В июне 1989 г. Валенса получил приглашение выступить на Национальном съезде Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов, на которое ответил согласием. К тому моменту Лех Валенса был уже широко известен как основатель первого в Восточной Европе независимого от государства и самоуправляемого профсоюза «Солидарность», обладатель Нобелевской премии мира (1983 г.), один из инициаторов проведения переговоров оппозиции с коммунистической властью Польши. Запланированная на ноябрь 1989 г. поездка в США подразумевала только встречу Валенсы с американскими профсоюзными лидерами и обсуждение вопросов развития рабочего движения. Однако все изменилось после того, как 9–11 июля 1989 г. американский президент Дж. Буш-ст. посетил Польшу. Визит лидера США стал возможен после проведения в Польше 4 июня 1989 г. открытых выборов, в результате которых «Солидарности» удалось добиться уверенной победы – 92 места из 100 в Сенате и практически 100% мандатов для оппозиции в Сейме [3, с. 849]. Дж. Буш-ст. встретился с председателем Государственного Совета Польши Войцехом Ярузельским и Лехом Валенсой, который на тот момент не занимал никакой государственной должности. Примечательно, что встреча с Бушем-ст. состоялась в Гданьске, в доме Леха и Дануты Валенсы, что подчеркивало неформальный характер общения между ними. Именно после июльской беседы стало понятно, что визит Валенсы в США приобретает совсем новые смыслы.

Непосредственно сам визит состоялся 13–18 ноября 1989 г., во время которого Валенса посетил Вашингтон, Нью-Йорк, Филадельфию, Чикаго (город с самой большой в Америке польской диаспорой). В поездке Валенсу сопровождали коллеги по профсоюзу «Солидарность», в частности Бронислав Геремек и священник Генрих Янковский. Американское турне Валенсы носило ярко выраженный символический характер и призвано было показать наступление нового этапа в американо-польских отношениях. Для польской стороны немаловажным был также поиск средств и поддержки в

деле развития польской демократии, о чем свидетельствуют выступления и интервью Леха Валенсы.

13 ноября 1989 г. на официальном приеме в Белом Доме Валенса был награжден медалью Свободы – одной из высших американских наград для гражданских лиц. В торжественной речи Дж. Буш-ст. призвал всех признать заслуги Валенсы в деле установления демократии в Польше и – шире – в Восточной Европе: «Лех Валенса показал нам, как один человек может внушать другим такую сильную веру, что она изменила ход истории целой страны. Может быть, история и делает людей, но Лех Валенса делает историю... Лех Валенса! Своей незыблемой верой и благодаря чуду – новому рождению демократии в вашем отечестве – вы олицетворяете собой тот новый ветер, дуновение которого проносится по Востоку и Западу, вы – духовный крестный отец нового поколения демократии» [4, с. 604–605]. Завершил же свою речь американский президент словами о необходимости оказать Польше всевозможную помощь: «Америка начала оказывать помощь и будет продолжать ее оказывать. От Вашингтона до Варшавы, от Канзас Сити до Кракова, от Грин Бея до Гданьска американцы духовно связаны с польским народом в его мужественной борьбе за благоприятные возможности, процветание и свободу» [4, с. 605].

15 ноября состоялось историческое событие – Лех Валенса выступил перед обеими палатами Конгресса США, став всего лишь вторым, после маркиза Лафайета, иностранцем – неофициальным лицом, обратившимся к американским конгрессменам. Эмоциональная речь Валенсы символично называлась «Мы, народ...», тем самым повторяя первые слова американской конституции.

Прежде всего, Валенса апеллировал к образу США как светочу и маяку демократии: «Я стою здесь перед вами. Я – второй иностранец, не являющийся главой государства, которого пригласили выступить на совместном заседании обеих палат конгресса США, конгресса, который для многих людей в мире, угнетенных и лишенных своих прав, является светочем свободы и защитником прав человека... Польский народ связывает имя Соединенных Штатов со свободой и демократией, щедростью и великодушием, с человеческой дружбой и дружественной человечностью» [5, с. 605–606]. Далее он рассуждал о ценности польского опыта построения демократии и о том, как этот опыт может быть распространен на другие страны и народы: «путь борьбы Польши за права человека, борьбы без насилия, упорство и твердость, проявленные поляками в стремлении к плюрализму и демократии, показывают многим людям и даже странам сегодня, как избежать величайших опасностей» [5, с. 607]. В завершении Валенса обратился к конгрессменам с призывом о помощи: «Мы знаем, что у Америки есть свои проблемы и трудности, в том числе и очень серьезные. Мы не просим

благотворительности, не ожидаем филантропии, но мы бы хотели, чтобы к нашей стране относились как к партнеру и другу... Мы полагаем, что помощь демократии и свободе в Польше и во всей Восточной Европе – это наилучший вклад в будущее и в мир, лучший, чем танки, боевые корабли и самолеты, вклад, ведущий к укреплению безопасности» [5, с. 610]. Тем самым Валенса подчеркивал, что именно в Соединенных Штатах поляки видят надежного стратегического партнера в вопросах построения демократического государства и укрепления безопасности в мире.

16 ноября в палате представителей Конгресса США обсуждался вопрос о провозглашении Валенсы почетным гражданином США. В принятой по этому случаю резолюции отмечалось: «...огонь свободы, зажженный Лехом Валенсой и Солидарностью в 1980 году, победил в Польше в 1989 году, охватил всю Восточную Европу, принося беспрецедентную свободу и демократические реформы в страны советского блока, фактически разрушая коммунистическую систему и создавая более свободный, независимый и демократический мир» [6]. Другими словами, деятельность Валенсы в Польше рассматривалась американскими парламентариями как решающая в победе над коммунистическим режимом.

Таким образом, визит Леха Валенсы в США символизировал наступление нового этапа в американско-польских отношениях. Соединенные Штаты именно в Польше видели надежного союзника в деле распространения демократии в Восточной Европе. Это соответствовало выбранному администрацией Буша-ст. «дифференцированному подходу», согласно которому экономическая помощь странам увязывалась с уровнем их демократизации [7, с. 28]. Польша в конце 1989 г. дальше всех продвинулась по пути демократизации и дистанцирования от СССР, следовательно, лучше всех удовлетворяла требованиям США. Американский Конгресс сразу после визита Валенсы принял Акт поддержки восточноевропейских демократий, в соответствии с которым Польше и Венгрии выделялось 928 миллионов долларов на проведение экономических и политических реформ [8]. Не менее важно и то, что этот визит стал важным символом окончания холодной войны в Восточной Европе и изменения роли стран Центральной и Восточной Европы в международных отношениях.

Литература

1. «30 Year of Freedom» – summary of the U.S. visit. – Text : Electronic // Lech Walesa Institute. December 01, 2019. – URL: <https://www.ilw.org.pl/en/news/30-years-of-freedom-summary-of-the-us-visit> (дата обращения: 28.02.2020).

2. *Hirsh, M.* Lech Walesa on why democracy is failing: «There is no leadership» / *Hirsh, M.* – Text : Electronic // Foreign Policy. November 14, 2019. – URL: <https://foreignpolicy.com/2019/11/14/lech-walesa-poland-why-democracy-failing-there-is-no-leadership/> (дата обращения: 28.02.2020).

3. Польша в XX веке. Очерки политической истории / ответственный редактор А. Ф. Носкова. – Москва : Индрик, 2012. – 952 с.

4. Выступление Джорджа Буша // Польский диалог. События в Польше глазами польских, советских, американских, английских, западногерманских и французских журналистов / Брониславский Е., Вачнадзе Г.Н. – Тбилиси : Ганатлеба, 1990. – С. 603–605.

5. Выступление Леха Валенсы в Конгрессе США // Польский диалог. События в Польше глазами польских, советских, американских, английских, западногерманских и французских журналистов / Брониславский Е., Вачнадзе Г.Н. – Тбилиси : Ганатлеба, 1990. – С. 605–612.

6. H. J. Res. 440 – Proclaiming Lech Walesa to be an honorary citizen of the United States. November 21, 1989. – Text : Electronic // Congress.gov. – URL: <https://www.congress.gov/bill/101st-congress/house-joint-resolution/440/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Lech+Walesa%22%5D%7D&r=1&s=4> (дата обращения: 28.02.2020).

7. Белевцева, С. Н. Влияние США на демократические преобразования в Восточной Европе в период президентства Дж. Буша-старшего / С. Н. Белевцева // Вестник Вятского государственного университета. – 2012. – № 2-1. – С. 27–36.

8. H. R. 3402 – Support of East European Democracy (SEED) Act of 1989. November 28, 1989. – Text : Electronic // Congress.gov. – URL: <https://www.congress.gov/bill/101st-congress/house-bill/3402> (дата обращения: 28.02.2020).

УДК 327.7

ПОЛИТИКА ЮНЕСКО В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Тропина Ольга Валерьевна

Студент

Вологодский государственный университет

Вологда, Россия

olgatropina.1@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена политике ЮНЕСКО по обеспечению безопасности журналистов. Проводится анализ основных направлений деятельности организации и обозначаются проблемы, с которыми ЮНЕСКО пришлось столкнуться в последние десятилетия.

Ключевые слова: ЮНЕСКО; СМИ; свобода слова; безопасность журналистов, независимость СМИ.

UNESCO'S POLICY ON SAFETY OF JOURNALISTS

Tropina Olga Valeryevna

Student

Vologda State University

Vologda, Russia

olgatropina.1@mail.ru

Abstract. The article is concerned with UNESCO's policy on the safety of journalists. The main activities of the organization are analyzed and the problems that faced UNESCO in recent decades are indicated.

Keywords: UNESCO; mass media; freedom of speech; Safety of journalists, media independence

Журналистская профессия является не только важным, но и одним из самых опасных видов деятельности. В последние годы наблюдается вызывающий беспокойство рост числа посягательств на личную безопасность работников СМИ. Если с 2007 по 2011 год ЮНЕСКО зарегистрировала 316 убийств, то в 2012–2016 годах эта цифра выросла до 530 [1, р. 137]. Помимо этого, в различных странах мира журналисты зачастую подвергаются преследованиям, произвольным задержаниям и заключениям в тюрьмы, похищениям, физическому насилию и другим формам возмездия. Женщины-журналисты, помимо этого, сталкиваются также с сексуальным насилием и домогательствами. Согласно опросу, проведенному Международным институтом информационной безопасности совместно с Международным женским Фондом средств массовой информации и ЮНЕСКО, почти 2/3 женщин подвергались запугиванию, угрозам или жестокому обращению на рабочем месте [1, р. 153]. По сведениям Международной сети содействия свободному обмену информацией (ИФЕКС) в девяти из десяти случаев виновники преступлений, совершенных против журналистов избегают наказания [1, р. 17]. Подобная безнаказанность обусловлена целым рядом причин: отсутствие политической воли к расследованию, авторитаризм в ряде стран, боязнь возмездия со стороны криминала, слабая правовая база и судебная система, халатность и коррупция, недостаточное финансирование правоохранительной системы.

Среди международных межправительственных организаций проблема защиты журналистской профессии стала актуализироваться лишь в 1980-е гг. На уровне ООН данной проблематикой занимается Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), учрежденная в ноябре 1945 г. В середине 1990-х гг. ЮНЕСКО активизировала деятельность в области защиты информационного сообщества, пре-

вратив ее в одно из ключевых направлений своей деятельности. Учитывая, с одной стороны, нарастающие процессы глобализации и межгосударственной интеграции, а с другой – углубление глобальной нестабильности [2, с. 44], роль международных институтов будет укрепляться, а регулирование отдельных вопросов – выходить на наднациональный уровень. В том числе это касается и журналистской профессии, которая с каждым днем становится все более трансграничной, и потому нуждается в международной защите.

На сегодняшний день можно выделить следующие направления деятельности ЮНЕСКО. Во-первых, организация возглавляет План действий ООН по безопасности журналистов и проблеме безнаказанности, который содержит более 70 рекомендаций по предотвращению дальнейшего распространения насильственного экстремизма. В рамках плана была разработана Обсерватория ЮНЕСКО по убитым журналистам, представляющая собой всеобъемлющую базу данных и интерактивную карту, отражающую информацию, непрерывно собираемую с 1993 года об убийстве журналистов и всеобъемлющую с 2006 года. Во-вторых, с 1997 г. Генеральный директор ЮНЕСКО регулярно выступает с обращениями к мировой общественности и правительствам стран-участниц с осуждением убийств журналистов и нарушений свободы прессы с призывами расследовать и наказать виновных в этих преступлениях [1, р. 137]. В-третьих, с 1980 г. для защиты свободы СМИ ЮНЕСКО запустил Международную программу развития коммуникации (МПРК). В рамках нее с 2008 г. государствам-участникам рекомендовано представлять на добровольной основе информацию о состоянии дел с судебными расследованиями, проводимыми по каждому из случаев убийств, осужденных ЮНЕСКО, в целях включения ее в публичный доклад, представляемый ежегодно Генеральным директором Совету МПРК. ЮНЕСКО регистрирует ответы на эти запросы и классифицирует их как «решенные», «текущие / нерешенные», или «без ответа». В целом, с тех пор как ЮНЕСКО начала запрашивать информацию о судебных последующих мерах в связи с убийствами журналистов, осужденными генеральным директором, организация получила информацию от 63 из 75 государств-членов [1, р. 144].

Помимо этого, важной составляющей работы ЮНЕСКО в области защиты СМИ являются просветительские проекты: открытые дебаты; издание практических руководств для журналистов, работающих в зоне конфликтов; проведение семинаров, курсов, конференций; разработка программ и учебных пособий на тему журналистских расследований, журналистской этики, свободы СМИ и др.; сотрудничество с другими межправительственными (Совет Европы, ОБСЕ) и неправительственными («Репортеры без границ», Freedom House). Для привлечения внимания к

свободе СМИ проводятся как разовые, так и регулярные акции: открытые дебаты (в частности, после расстрела редакции Charlie Hebdo в 2015 г.), проведение Всемирного дня свободы печати (3 мая) и Международного дня прекращения безнаказанности за преступления против журналистов (2 ноября), вручение Всемирной премии ЮНЕСКО / Гильермо Кано за свободу печати [1, р. 36–37, 136, 147, 166]. Инициативы ЮНЕСКО имеют отклик во многих странах мира: создаются подразделения по анализу нападения на журналистов (Гватемала), проводятся спецпрограммы защиты журналистов (Бразилия, Гондурас, Пакистан, Кыргызстан, США), ведется подготовка сотрудников правоохранительных структур по вопросам безопасности в полиции (Пакистан, Турция, Афганистан, Гондурас, Гватемала, Мексика, Мальта).

Однако имеющиеся механизмы защиты журналистики ЮНЕСКО встречают и немало нареканий. Так, исследователи Э. Фридман и Р. Шейфер критикуют просветительские проекты в развивающихся странах за отсутствие квалифицированных преподавателей; недостаточное компьютерное оборудование; несовместимость программ с историческими, религиозными, политическими и культурными особенностями страны; зависимость от правительственного контроля над прессой и университетскими учебными планами; недостаточная целесообразность предлагаемых текстов и учебных материалов [3, р. 240]. Другой проблемой является общее сокращение финансирования в связи с выходом США из ЮНЕСКО, которое привело к свертыванию ряда программ в Ираке и Афганистане. В этой связи возрастает финансовая зависимость организации от авторитарных государств, которые стремятся к замалчиванию истинного положения со свободой СМИ. Так, во время жестокого убийства саудовского журналиста Дж. Хашогги в Стамбуле в 2018 г., выяснилось, что ЮНЕСКО имеет партнерство с Фондом принца Мухаммеда бен Сальмана бен Абдель Азиза (MiSK), которого многие подозревали в организации данного убийства [4].

Таким образом, несмотря на широкий спектр мер мониторинга и привлечения внимания к проблеме безопасности журналистики, а также существенных результатов в этих направлениях, достигнутых ЮНЕСКО, следует констатировать также снижение самостоятельности организации в политике защиты журналистской профессии. Поиск независимых источников финансирования, создание наднациональных механизмов безопасности СМИ и возвращение доверия к ЮНЕСКО – вот новые задачи, которые еще предстоит решать организации.

Литература

1. World trends in freedom of expression and media development: global report 2017/2018. – Paris : UNESCO, 2018. – 200 p.

2. *Попов, И. Д.* История Новейшего времени : учебно-методическое пособие / И. Д. Попов. – Вологда : ВоГУ, 2018. – 96 с.

3. *Freedman, E.* Ambitious in theory but unlikely in practice: A critique of UNESCO's Model curricula for journalism education for developing countries and emerging democracies / E. Freedman, R. Shafer // Journal of Third World Studies. – 2010. – Vol. 27. – P. 135–153.

4. Charges of Censorship as U.N. Press Freedom Day Event Is Called Off // The New York Times. – 2018. – May 3. – URL: <https://www.nytimes.com/2018/05/03/world/world-press-freedom-day-united-nations.html> (дата обращения: 05.12.2019). – Текст : электронный.

УДК 327.51

К ВОПРОСУ О РОЛИ НАТО В РАЗВИТИИ ПОСТ-БИПОЛЯРНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Борисова Катерина Александровна

*Старший преподаватель, кандидат исторических наук
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
katerinabor@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается политика НАТО в первые годы после распада Советского Союза, анализируются особенности новой стратегической концепции Альянса, его политики регионализации, а также роль в становлении пост-биполярного мирового порядка.

Ключевые слова: НАТО; США; партнерство; стратегическая концепция; европейская безопасность; регионализация.

NEW ROLE OF NATO IN THE POST-BIPOLAR WORLD

Borisova Katerina Alexandrovna

*Senior lecturer, PhD in History
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
katerinabor@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the policy of NATO in the beginning of 90s, when the Soviet Union was collapsed, analyzes the new conceptual strategy of NATO, partnership with new members and the role of organization in post-bipolar world order.

Keywords: NATO; USA; partnership; Strategic Concept; European security; regional policy.

Сложно подвергнуть сомнению тезис о том, что Североатлантический альянс играет очень важную роль в развитии современного мирового порядка. В частности, речь идет о его региональной стратегии в Европе, которая прошла длительный путь становления. Особой вехой на этом пути стали события начала 1990-х годов, благодаря которым НАТО заняла свое место в действующей системе международных отношений. Альянсу удалось не только своевременно найти адекватные ответы на новые вызовы, но и качественно обновиться.

В течение 40 лет с момента создания организации основная угроза стабильности и безопасности, по мнению ее членов, исходила от стран социалистического лагеря. Таким образом, на протяжении всего этого периода сдерживание красной угрозы было основной задачей НАТО, изменялись лишь подходы к ее реализации, которые излагались в различных стратегических концепциях.

После распада Советского Союза и роспуска ОВД основная цель, ради которой создавалось НАТО, была достигнута, угроза в лице СССР и ее союзников была устранена. Перед членами Альянса встал острый вопрос о дальнейшей судьбе организации: либо о его роспуске, либо о коренном реформировании. Начался активный поиск новых подходов, способных оправдать дальнейшее существование организации. И важнейшим критерием в этих поисках была оперативность. Перед странами Альянса встала первоочередная задача определить стратегию в отношении стран Восточной Европы, бывших союзников СССР. Вовлечение этих стран в орбиту своих интересов было обусловлено необходимостью заполнить образовавшийся на их территории «вакуум силы», пока там не произошло реинтеграции Советского Союза или зарождения абсолютно новых интеграционных процессов, способных изменить мировой баланс в свою пользу.

Уже в июле 1990 года Лондонская декларация о преобразовании Североатлантического союза выразила намерение активно развивать сотрудничество со странами, которые не являются членами Альянса [1], а на заседании Совета НАТО на уровне министров иностранных дел в июле 1991 года было принято совместное заявление о начале партнерства со странами Центральной и Восточной Европы [2]. Однако привлечь новых союзников «под старыми флагами» было не дальновидно. После окончания Холодной войны мировое сообщество грезило перспективами установления многополярного мира, в основе которого лежали бы принципы многосторонней дипломатии, взаимовыгодного сотрудничества, открытости и равноправия суверенитетов. В этих условиях многие предсказывали закат НАТО как пережитка эпохи Холодной войны.

Чтобы избежать подобной участи, страны Североатлантического альянса во главе с США в ноябре 1991 года на саммите глав государств и пра-

вительств приняли новую стратегическую концепцию, которая кардинально отличалась от всех предшествовавших документов [3]. Ее основная задача заключалась в том, чтобы стать основой консолидации нового мирового порядка [4].

Во-первых, данная стратегическая концепция носила открытый характер, то есть она была несекретной. Во-вторых, она отмечала важность других крупных международных организаций в строительстве нового мира, но закрепляла за собой лидирующие функции по обеспечению мира и безопасности в Европе. В-третьих, сохранив преемственность базовых принципов: коллективную оборону, гибкость реагирования, концепция впервые декларировала, что в основе деятельности НАТО лежит принцип многостороннего сотрудничества. Прежде всего, речь шла о взаимоотношениях со странами Центральной и Восточной Европы, которые официально включались в сферу интересов Альянса. В одной из статей Римской декларации о мире и сотрудничестве, которая была принята вместе с вышеупомянутой стратегической концепцией, члены организации прямо выразили готовность начать диалог с конкретными странами этого региона [5].

Однако помимо устремлений расширить свою сферу влияния, перед Альянсом стояла еще одна не менее важная задача. В процессе углубления сотрудничества с постсоциалистическими государствами НАТО было необходимо не потерять свою евроатлантическую идентичность. С этой целью в основу региональной стратегии был заложен еще один новый принцип – управляемой регионализации, который получил свою огласку в декабре 1991 года на сессии министров иностранных дел НАТО в Брюсселе [6]. Совет Североатлантического альянса объявлял себя форумом по обсуждению вопросов безопасности с ее новыми партнерами, которые были скомпонованы в определенные региональные группы. Благодаря подобной компоновке планировалось не только ускорить процесс интеграции новых членов в Альянс, но и повысить управляемость расширения НАТО [7, Р. 3–8]. Именно «управляемость» и «регионализация» способствовали бы сохранению «ядра» организаций и ее евроатлантической солидарности. Институциональное оформление нового механизма партнерства завершилось с принятием программы «Партнерство во имя мира» в январе 1994 года, а его первая апробация проводилась на государствах – членах Вишеградской группы [8].

В итоге региональная политика позволила Альянсу достичь серьезных успехов в военно-политической сфере, став неотъемлемым элементом глобальной стратегии НАТО. В 1991 году организация берет курс на структурное обновление из консервативного военного альянса в сообщество безопасности, в рамках которого его члены смогли бы приобрести силу, превышающую сумму потенциалов его участников, что было крайне при-

влекательно для новых союзников. Более того, с появлением первой несекретной стратегической концепции НАТО становится очевидно, что западные лидеры были намерены сохранить преемственность существующей в годы Холодной войны системы международных отношений с ее нормативно-правовой базой и основными международными организациями. Основной задачей стран Запада было обновить мировой порядок, избавившись от наследия эпохи конфронтации, которая внесла существенные коррективы в становление Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений с появлением «железного занавеса» [9, Р. 33–34.].

На наш взгляд, подобное решение было продиктовано не только международной обстановкой, оно полностью отвечало национальным интересам Соединенных Штатов [10]. Оказавшись во главе международного процесса в начале 1990-х годов, США практически в одночасье провозгласили себя великой державой. Важно отметить, что статус Великой державы пост-биполярного мира определялся не только экономическим, политическими или, например, военными характеристиками, но и общественным признанием со стороны большинства ведущих акторов международных отношений, в том числе и России. Именно поэтому в условиях отсутствия жизнеспособных культурно-идеологических и социально-экономических альтернатив демократическим ценностям и идеалам американской свободы удалось довольно быстро стать символами нового мирового порядка, США – главным экспортером демократии, а НАТО – мощным инструментом этого экспорта [11].

Однако подобного рода «образные», не материальные ценности, как демократия, не могли служить прочной основой организации, если бы не начали давать реальных плодов. Для того чтобы обозначить практическую значимость своих устремлений в стратегической концепции 1991 года, формулируется новая миссия. Отныне Североатлантический альянс объявлял себя не только гарантом европейской безопасности, его основной миссией провозглашается установление и поддержание Мира. Мира во всех регионах, которые стремятся вписаться в новый миропорядок. Таким образом, Североатлантический альянс, навязывая все большему числу стран свое понимание международной и региональной безопасности, стал эффективным инструментом для трансляции унифицированных стандартов военно-политического регулирования.

Литература

1. Declaration on a Transformed North Atlantic Alliance Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council («The London Declaration»). – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_23693.htm (дата обращения: 28.02.2020). – Text : Electronic.

2. «Partnership with the Countries of Central and Eastern Europe», Statement issued by the North Atlantic Council Meeting in Ministerial Session in Copenhagen, 6–7 June 1991. – URL: <https://www.nato.int/docu/comm/49-95/c910607d.htm> (дата обращения: 28.02.2020). – Text : Electronic.

3. The Alliance's New Strategic Concept agreed by the Heads of State and Government participating in the Meeting of the North Atlantic Council. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23847.htm (дата обращения: 28.02.2020). – Text : Electronic.

4. Declaration on Peace and Cooperation issued by the Heads of State and Government participating in the Meeting of the North Atlantic Council («The Rome Declaration»). – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23846.htm?mode=pressrelease (дата обращения: 28.02.2020). – Text : Electronic.

5. Ст. 11. «Римская декларация о мире и сотрудничестве». Declaration on Peace and Cooperation issued by the Heads of State and Government participating in the Meeting of the North Atlantic Council («The Rome Declaration»). – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23846.htm?mode=pressrelease (дата обращения: 28.02.2020). – Text : Electronic.

6. Press Communiqué M-NACC-I(91)111 issued by the North Atlantic Council Meeting in Ministerial Session in Brussel, 20 Dec. 1991. – URL: <https://www.nato.int/docu/comm/49-95/c911220a.htm> (дата обращения: 28.02.2020). – Text : Electronic.

7. NATO TRANSFORMED: THE SIGNIFICANCE OF THE ROME SUMMIT. Vol. 39. – Text : Electronic // Manfred Wörner. NATO Secretary General and Chairman of the North Atlantic Council. – URL: <https://www.nato.int/docu/review/1991/9106-1.htm> (дата обращения: 28.02.2020).

8. NATO research fellowship programme 1998-2000. Final report. – Text : Electronic // Russia and NATO's enlargement. – URL: <https://www.nato.int/acad/fellow/98-00/tome.pdf> (дата обращения: 28.02.2020).

9. Posen, B. R. Competing Visions of U.S. Grand Strategy / Barry R. Posen and Andrew L. Ross // *International Security*. – Winter 1996/97. – Volume 21, Issue 3. – P. 5-53.

10. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. US Government Printing Office. – Washington DC, July 1994.

11. *Bzezinski, Zb. The Great Transformation / Zb. Bzezinski // The National Interests*. – 1993. – Fall. N 33. – P. 3–13.

**РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА XXI ВЕКА
В ОТРАЖЕНИИ АМЕРИКАНСКОГО МУЛЬТИМАТОГРАФА**

Якуничева Анна Александровна

Студент

Вологодский государственный университет

Вологда, Россия

aprelsckaya.vishnya@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена образу политики России глазами американцев, изображенному в мультипликации. За основу берется стереотипическое изображение В.В. Путина и других русских персонажей, появляющихся в различных комических мультфильмах. Выделяются основные черты русских персонажей, российской политики, а также взаимодействие России и США.

Ключевые слова: Россия; США; политика; мультипликация; Путин.

**RUSSIAN POLICY OF THE XXI CENTURY IN THE REFLECTION
OF THE AMERICAN MULTIMATOGRAPH**

Yakunicheva Anna Aleksandrovna

Student

Vologda State University

Vologda, Russia

aprelsckaya.vishnya@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the image of Russian politics through the eyes of Americans, depicted in the animation. The basis is taken from the stereotypical image of Vladimir Putin and other Russian characters appearing in various comic cartoons. The main features of Russian characters, Russian politics, and interaction between Russia and the United States are highlighted.

Keywords: Russia, USA, politics, animation, Putin.

Современные исторические исследования довольно редко обращаются к мультиматографу. Зачастую он рассматривается исключительно как развлекательный жанр и не воспринимается исследователями всерьез. Вместе с тем, в наше время мультипликация охватывает зрителей всех возрастов и способна влиять на мировосприятие не хуже, чем кино [1, с. 1]. Лидером мультипликации XXI века считаются США: там базируются самые извест-

ные в мире анимационные студии – «Walt Disney Animation Studios», «PIXAR», «Dream Works» и многие другие. Соответственно, на этом поприще Америка имеет наибольшее влияние. Важность обращения к мультиматографу состоит также и в том, что на современном этапе развития державы пытаются защитить и экспортировать свою культуру, поэтому в условиях одновременно нарастающей глобализации и обострения глобальной нестабильности противоборство между ними осуществляется зачастую в культурной плоскости [2, с. 44–47]. Проследим это на примере отображения российской политики XXI в.

Образ современного российского государства в американской мультипликации зачастую подается через фигуру российского президента В.В. Путина. В мультсериале «Симпсоны» его образ создается из двух значимых составляющих. Первая – шарж, изображающий президента без верхней одежды на коне, беззлобная пародия на фотографию, которую в тот момент обсуждал весь мир. Впервые это комическое изображение встречается в 5 эпизоде 27 сезона. Вторая значимая составляющая – политика России, показанная через поступки российского президента. В специальном выпуске – «3 a.m.» он поддерживает Трампа, активно общается с ним и к тому же с помощью русских хакеров помогает ему победить на выборах. Образ России и других россиян в этих сериях не затрагивается.

Вечный соперник Симпсонов – «Гриффины» – тоже не побрезговали использованием образа Путина в своих сериях. В данном мультсериале российский лидер впервые появляется в 3 серии 8 сезона, где его грозный образ оказывается надуманным [3, с. 1]. В целом в данной серии президент России – положительный персонаж, помогающий главным героям. А вот второе появление в данном мультсериале В.В. Путина в 7 серии 16 сезона уже не так однозначно. Здесь президент России агрессивен, несправедлив и суров. Питер Гриффин и Путин – друзья и соперники, что является аллюзией на отношения России и США. Мультсериал показывает их равными, сильными, но также отражает и их вечное соперничество [4, с. 114]. В этой серии так же упоминается о дружбе В.В. Путина и Д. Трампа. Россия и россияне изображены в мультсериале стереотипно: холод, суровость, медведи и матрешки.

Не менее известным на поприще сатиры является мультсериал «Южный парк», где В.В. Путин появлялся множество раз. Использование образа президента в мультсериале наиболее ярко отражает отношение к политике России в 138 эпизоде 9 сезона, где Путин говорит о том, что экономика страны в глубоком кризисе и надеется на ее возрождение через космическую программу. Сам президент в этом произведении вспыльчив, агрессивен и угрюм, россияне и Россия, так же как и в предыдущем мультсериале, представлены крайне стереотипно.

В мультсериале «Обычное шоу» В.В. Путин не так суров и угрюм, как в предыдущих произведениях, однако в этом мультфильме он – исключительно отрицательный персонаж: эгоистичный и злобный, ведет агрессивную политику и жертвует частью своей страны, чтобы хоть как-то навредить Америке. Здесь же появляется образ россиянина Николая, который представлен как положительный персонаж. Николай останавливает злодеяния правительства и тем самым спасает американский парк. Это является отсылкой на мысль о том, что хоть действия российского правительства оцениваются негативно, в самом народе американцы видят положительный потенциал.

Единственный мультсериал, затрагивающий российско-американские политические взаимодействия не через образ В.В. Путина – «Американский папаша». Здесь фигурирует бывший агент КГБ Сергей Круглов, довольно типичный персонаж из России [5, с. 329]. Вся серия содержит множество отсылок к советскому прошлому – постоянно произносятся такие слова, как «коммунизм», «пролетариат», «красные». В образе Сергея – просоветская политика нынешней России глазами американцев. Здесь отражается тот факт, что многие американцы не отделяют СССР от России, считают их чуть ли не тождественными. В данном мультсериале есть также любопытная фраза, описывающая взаимоотношения двух стран: «Когда-то мы были противниками, смертельно боролись, а теперь он работает на меня», что также отсылает нас к современным отношениям России и Америки, только не в плане взаимодействия наших президентов, а в смысле подчинения российской экономической системы американскому капитализму.

Из всего вышеперечисленного можно сделать следующие выводы: 1. Российская внешняя политика видится как вмешательство в дела других государств. 2. Образ российского президента создается из следующих черт: строгий, хмурый, серьезный (за исключением мультсериала «Обычное шоу»), что обычно присуще многим российским персонажам [4, с. 103]; упрямый и уверенный в себе и в своих решениях, в какой-то степени безнаказанный. Отдельно подчеркивается его дружба или теплые отношения с Д. Трампом. 3. Несмотря на то что политика России зачастую оценивается как негативная (вмешательство в выборы, использование оружия и хитрости), сценаристы часто стремятся показать, что у российско-американских отношений есть перспективы. Во многих сериях Россия и Америка соперничают, спорят [1, с. 5], проявляют недовольство действиями друг друга, но практически в каждой из них затрагивается тема российско-американской дружбы.

Таким образом, мультиматрица может быть использован как источник по изучению образа российской политики, однако стоит учитывать его специфику. На текущий момент американскую мультипликацию сложно

назвать средством пропаганды или культурной борьбы: гораздо больше в ней представлена бытовая ирония или сатира в адрес российского государства. Вместе с тем, как и другим произведениям искусства, мультиматографу присуще отражение общей нестабильности в отношениях России и США, а также стереотипов российской политики, увязываемой, как правило, с фигурой российского президента.

Литература

1. *Шампарова, С. И.* Образ русских на американском телевидении / С. И. Шампарова // Молодой ученый. – 2017. – № 7. – С. 569–572.
2. *Попов, И. Д.* История Новейшего времени : учебно-методическое пособие / И. Д. Попов. – Вологда : ВоГУ, 2018. – 96 с.
3. *Семенова, А.* Москва мультяшная. Шесть зарубежных мультфильмов о Москве / А. Семенова, М. Борисова. – Текст : электронный // Газета.ру. – 2016. – 21 февраля. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2016/02/20/8085473.shtml> (дата обращения: 05.12.2019).
4. *Федоров, А. В.* Трансформации образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946–1991) до современного этапа (1992–2010) / А. В. Федоров. – Москва : Информация для всех, 2013. – 230 с.
5. *Тирахова, В. А.* Репрезентация образа России в отечественном и зарубежном кинематографе / В. А. Тирахова // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 3. – С. 327–333.
6. *Кушнир, Е.* Как и почему менялся образ русских в западном кино / Е. Кушнир. – Текст : электронный // Нож. – 2018. – 12 июня. – URL: <https://knife.media/russian-hollywood/> (дата обращения: 05.12.2019).

УДК 327

ИСТОРИЯ ИДЕИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ «ПАН-ЕВРОПЫ»

Новикова Мария Олеговна

Студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия

mariya.novikova1@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу, развитию идеи политической пан-Европы. В работе приведены основные авторы, которые оказали влияние на развитие данного дискурса. Также в статье описаны основные этапы претворения данной идеи в жизнь.

Ключевые слова: пан-Европа; власть; международные отношения; международная интеграция.

HISTORY OF THE CONCEPT OF THE POLITICAL «PAN-EUROPE»

Novikova Maria Olegovna

Student

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

mariya.novikova1@mail.ru

Abstract. The article is devoted to analysis of the development of the idea of a political pan of Europe. The paper presents the main authors who have influenced the development of this discourse. The article also describes the main stages of the implementation of this idea.

Keywords: Pan-Europe; power; international relations; international integration.

Во многом современная Европа является следствием многих процессов и идей, в центре которых находится тезис об объединенной Европе. Необходимость объединения возникала на фоне религиозной идентичности, борьбы с иноверцами или же для более успешного экономического роста, и стоит отметить, что в Старом Свете часто возвращались к этой идее, которая по определенным причинам теряла свою актуальность. В данной работе хотелось бы отметить этапы развития тезиса об объединенной Европе и показать, что из этого получилось и к чему привело.

Начать стоит с теократической доктрины «Универсальной монархии», которая появилась в середине 9 века при понтифике Николае I. Основным постулатом этой теории стало то, что в христианском мире только Папа Римский обладает всей полнотой власти, и все светские правители обязаны ему подчиняться. Этот концепт так и не был претворен в жизнь из-за того, что христианских светских монархов, в условиях начинающейся в то время сакрализации трона и монарха, не устраивала модель «внешнего управления», что вело к насилию, часто направленному на священнослужителей (Фома Бекет, Иоанн Непомуцкий) [1, с. 543].

Позже Пьер Дюбуа в своей работе «О возвращении Святой земли», написанной в 1310 году, предложил создать совет, состоящий из европейских суверенов, для предотвращения войн, в котором ведущую роль играл так же Папа Римский, но уже не в качестве верховного руководителя, а в качестве независимого арбитра [2, с. 22]. Затем, уже в XVII веке, появляются два проекта (герцога де Сюлли и Уильяма Пенна), в основании которых лежит модель необходимости совещательного органа для европейских стран и объединения институтов этих государств. В начале XVIII века французский аббат де Сен-Пьер публикует свой трактат «Проект вечного

мира в Европе», в котором призывает к балансу сил в регионе и показывает истоки идентичности европейцев [3, с. 116]. Стоит отметить, что эти работы не встречали политической поддержки со стороны правителей, были достаточно абстрактны и в большинстве своем пытались решить проблему безопасности на континенте.

Причины неуспешности данных проектов стоит искать в том, что на рубеже XVI–XVII веков Европа еще находилась в центре мира, не имея серьезных противников вне региона, что только усиливало конкуренцию и не вело к примирению и объединению сторон.

В «долгом XIX веке» возникает два концепта, которые в той или иной мере мы можем наблюдать и сейчас. Концепт «социальной Европы» появился в среде демократов и социалистов, а окончательную форму приобрел лишь ближе к концу XX века. Его суть состоит в нахождении идентичности на основе высокого уровня жизни европейских стран. Другой концепт «Объединенные штаты Европы» до сих не реализовался, его суть состоит в стремлении создать полноценную европейскую федерацию на базе европейских стран, однако многие исследователи и политологи отмечают постепенное возрастание роли ЕС во многих политических аспектах.

В XX веке после Первой мировой войны была предпринята попытка объединения Европы под лозунгом паневропейства. Ее проводником стал А. Бриан, который пытался усилить роль Франции в европейской политике и в то же время помочь Европе выйти с минимальными потерями из Великой депрессии. Его проект предлагал создание на базе 25 государств общего рынка, института открытых границ для капитала и людей [4]. Этот концепт «берет паузу» в результате прихода к власти нацистов в Германии, однако почти сразу после Второй мировой войны становится вновь актуальным. В своей речи в Цюрихе в 1946 году Черчилль говорит о необходимости создания Соединенных Штатов Европы, а в 1948 году выходит «Послание к европейцам» и создаются первые политические и правовые институты объединенной Европы (Совет Европы, Суд по правам человека). Затем в короткое время происходит создание нескольких объединений, необходимость которых заключалась в повышении доходов стран (ЕОУС, ЕЭС, Евратом). В 1957 году европейские страны проводят первые выборы в Европарламент, тем самым создавая единый законодательный орган для шести стран. Безусловно полномочия Европейского парламента уже, чем у национальных государств, однако уже тогда начался курс на передачу важных функций и полномочий в общий центр. Постепенное увеличение числа членов ЕЭС, а также подписание Шенгенского соглашения и единой валютной зоны привели к созданию Европейского союза в 1992 году – общей надсистемы для всех европейцев.

В выводе хотелось бы сказать о том, что мы можем четко проследить преемственность идей объединения Европы на протяжении всего второго тысячелетия. Европейцы пришли к определенным условиям, в которых сотрудничество стало действительно необходимо. Сложно выделить лишь один аспект европейской идентичности – это скорее комплекс, состоящий из христианских, либеральных и социальных ценностей, которые вкупе с культурой создают образ европейца. На данный момент предсказать будущее Европейского Союза не так легко, однако, в связи с выходом из Союза Великобритании – серьезного противника созданию федерации на основе европейских стран, у континентальной Европы появляется возможность преобразования в единое государство, со своим президентом и министерством иностранных дел. Если это случится, значит все идейные искания, которые начались более 10 веков назад, были не зря и привели европейцев к их цели.

Литература

1. *Pincus, Steven*. The Making of a Great Power? Universal Monarchy, Political Economy, and the Transformation of English Political Culture / Steven Pincus // The European Legacy. – 2000. – Vol. 5, № 4. – P. 543.
2. *Уколова, В. И.* У истоков пацифизма / В. И. Уколова // Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. – Москва : ИВИ РАН, 1998. – С. 22.
3. *Сен-Пьер, Ш. И.* Избранные места из проекта вечного мира (в изложении Ж.-Ж. Руссо) / Ш. И. Сен-Пьер // Трактаты о вечном мире / составители: И. С. Андреева, А. В. Гулыга. – Москва : Соцэкгиз, 1963. – С. 116.
4. *Зотова, Е. В.* Англия и проблемы федерализации Европы в 1929–1931 гг. / Е. В. Зотова // Власть. – 2015. – (1). – С. 153.

**СЕКЦИЯ № 5. ДИАЛОГ КУЛЬТУР
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ:
ОТ КОММУНИКАЦИИ ДО КОММЕМОРАЦИИ**

УДК 821.111 + 94.(410)

**ОБРАЗЫ ОЛИВЕРА КРОМВЕЛЯ В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ
И «ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЕ» АНГЛИЧАН XVII ВЕКА**

Кирчанов Максим Валерьевич

Доктор исторических наук, доцент

Воронежский государственный университет

Воронеж, Россия

maksymkyrchanoff@gmail.com

Аннотация. Автор анализирует образы Оливера Кромвеля в ранней английской идентичности XVII века в контекстах формирования исторической и культурной памяти английских писателей как представителей высокой культуры образованного меньшинства. Предполагается, что фигура лорда-протектора стала одним из первых мифов ранней современной английской политической идентичности. Автор полагает, что образы Оливера Кромвеля могут быть определены как «изобретенная традиция».

Ключевые слова: английская революция; интеллектуальная история; английская литература; Оливер Кромвель; историческая память.

**IMAGES OF OLIVER CROMWELL IN CULTURAL MEMORY
OF ENGLISH «HIGH CULTURE» OF THE 16TH CENTURY**

Kyrchanoff Maxim Valerevich

Doctor of History, Associate Professor

Voronezh State University

Voronezh, Russia

maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract. The author analyzes the images of Oliver Cromwell in the early 17th century English identity in contexts of the formation of the historical and cultural memories of English writers as representatives of the high culture of the educated minority. It is assumed that the figure of the Lord Protector became one of the first myths of the early modern English political identity. The author be-

believes that the images of Oliver Cromwell can be defined as an «invented tradition».

Keywords: English revolution, intellectual history, English literature, Oliver Cromwell.

Современное общество, несмотря на значительную роль процессов глобализации, продолжает состоять преимущественно из наций, наций-государств или тех сообществ, которые на статус таковых претендуют. Актуальная динамика исторического сознания и культурной идентичности в некоторых государствах как Запада, так и Востока может быть, с одной стороны, описана в категориях «взрыва памяти», который превратил коммеморативные и мемориальные политические практики в важные факторы развития и функционирования как национальной памяти в целом, так и академической историографии в частности. С другой стороны, попытки свести историю коммеморативных практик только и исключительно к современности можно интерпретировать как попытки модернизации исторического процесса в силу того, что общества прошлого также использовали свои стратегии для символической коммуникации с собственным прошлым, которая в значительной степени активизировалась с началом нового времени, когда династические государства постепенно трансформируются в национальные, а традиционные сообщества начинают мутировать в воображаемые политические и этнические нации. Одной из стран Запада, где эти процессы начались очень рано, в сравнении с другими европейскими государствами, была Англия [1; 2; 3], которая на протяжении XVI и XVII столетий пережила не только Реформацию и Революцию, но и несколько волн радикальных изменений формирующейся идентичности, в том числе – и памяти.

Поэтому в центре авторского внимания в этой статье будут проблемы функционирования исторической памяти в английском обществе XVII века в контексте трансформации образов Оливера Кромвеля в текстах его современников. Целью статьи является анализ образов лорда-протектора в историческом воображении XVII столетия как форме социальной и культурной памяти.

Симпатии Эдмунда Воллера (Edmund Waller, 1606–1687) были на стороне радикальных революционеров, которые пытались реализовать республиканский эксперимент, упразднив монархию и превратив Англию в Республику (Commonwealth), что явствует из его пространного текста «Панегирик моему Лорду-Протектору настоящего величия и совместного интереса его Высочества и этой Нации», ставшего поэтическим переложением политической программы Республики и раннего формирующегося английского национализма. Характеризуя роль О. Кромвеля, Э. Воллер давал

его деятельности следующую формально поэтическую, но фактически политическую характеристику: «некогда опустевшая страна [...] становится славным государством; колыбель империи, куда пришли ирландцы шотландцы, [...] наше могущество простирается настолько далеко, насколько могут дуть ветры, или может взлететь парус [...] Величайший вождь и величайший остров! [...] Раса, непобедимая [...] Нации, разделенные морем, объединяются» [4].

Современники революции предпочитали указывать на успехи Лорда-Протектора в деле развития англичан как «расы незавоеванных» и преобразования Англии из королевства в республику. Если монархия, по мнению авторов XVII века, была в плачевном состоянии, являясь «опустевшей страной», то О. Кромвель, определяемый ими как «величайший лидер величайшего острова», предстал в качестве восстановителя английской политической традиции и государственности, создателя республики. Поэтому республика воспринималась как «славное государство» и «империя», покорившие ирландцев и шотландцев как универсальных и исторически неизбежных Других. Особо в заслугу О. Кромвелю ставилось покорение Ирландии и объединение «наций», ранее «разделенных морем».

Эндрю Марвэлл (Andrew Marvell, 1621–1678) вошел в историю литературы как автор идеологически мотивированных текстов, посвященных О. Кромвелю, в которых он называл период его правления «золотыми годами». «Неутомимый Кромвель», воображаемый как «сон войны и удачи» в поэзии Э. Марвэлла, сравнивавшего его с Солнцем [5] и Юлием Цезарем [6], не знает отдыха и предстает как героический завоеватель Ирландии и покоритель диких ирландцев. Э. Марвэлл сравнивал возвышение «ангельского» Лорда-Протектора с приходом весны, настаивая, что тот строил в Англии «благословенное Царствие мира и любви» [5]. Глорификация О. Кромвеля была крайне важна и для формирования образов Другого. Оценивая роль О. Кромвеля в английской истории, Э. Марвэлл подчеркивал, что с его смертью умерли «доблесть, религия, дружба, благоразумие». Признавая искреннюю религиозность лидера революции, обращаясь к своему герою и сравнивая его с королем Эдуардом Исповедником и мифологическим Артуром, Э. Марвэлл патетически восклицал: «О Кромвель, любимец Небес!». Период революции поэт соотносил исключительно с деятельностью О. Кромвеля, настаивая, что активность Лода-Протектора «обессмертила его имя» [7]. Неудивительно, что Эндрю Марвэлл в своей политической поэзии, сравнивая Чарлза Первого и Оливера Кромвеля, полагал, что роль второго как «Ангела нашего Содружества» в английской истории важнее, подчеркивая, что «быть Кромвелем – это великое дело... быть выше Короля» [5].

Таким образом, английская высокая культура периода революции была активна в осмыслении роли О. Кромвеля, его политического и историче-

ского наследия. Усилиями английских авторов О. Кромвель был вообразен как лидер нации, а его образ стал объектом последовательной мифологизации и позитивной идеализации. Образы О. Кромвеля стали одной из первых изобретенных традиций ранней модерной английской идентичности как самосознания англичан, которые динамично менялись в направлении превращения в «воображаемое сообщество» – политическую нацию граждан, которые обладали бы общей исторической памятью, в том числе и пантеоном отцов-основателей нации, среди которых Лорду-Протектору принадлежало особое место. Последующая реставрация и смена политического курса несколько изменили место О. Кромвеля в исторической памяти, сместив его фигуру в центр профессиональных исторических исследований, что нуждается в дальнейшем изучении.

Литература

1. *Hastings, A.* The Construction of Nationhood. Ethnicity, Religion and Nationalism / A. Hastings. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – 248 p.

2. *Dobson, M.* The Making of the National Poet. Shakespeare, Adaptation and Authorship, 1660 – 1769 / M. Dobson. – Oxford : Clarendon Press, 1994. – 280 p.

3. *Kohn, H.* The Genesis and Character of English Nationalism / H. Kohn // Journal of the History of Ideas. – 1940. – Vol. 1, No 1. – P. 69 – 94.

4. *Waller, E. A.* Panegyric to my Lord Protector, of the Present Greatness, and Joint Interest, of His Highness, and this Nation / *Waller, E. A.* – URL: <https://www.alleylaw.net/edmund.html#Panegyric> (дата обращения: 28.02.2020). – Text : Electronic.

5. *Marvell, A.* The First Anniversary Of the Government under О. С. / A. Marvell. – URL: <http://www.luminarium.org/sevenlit/marvell/1stanniv.htm> (дата обращения: 28.02.2020). – Text : Electronic.

6. *Marvell, A.* Horatian Ode upon Cromwell's Return from Ireland / A. Marvell. – URL: <https://www.bartleby.com/106/65.html> (дата обращения: 28.02.2020). – Text : Electronic.

7. *Marvell, A.* The Death of Cromwell. A Poem upon the Death of His Late Highness the Lord Protector / A. Marvell. – URL: http://famouspoetsandpoems.com/poets/andrew_marvell/poems/15005.html (дата обращения: 28.02.2020). – Text : Electronic.

ПОСЛЕДНЯЯ ИСПАНСКАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В КАЛИФОРНИИ в 1821 г.

Коноплев Владимир Андреевич

Ведущий архивист

Государственный архив Вологодской области

Вологда, Россия

vlk1506@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена испанской исследовательской экспедиции в Калифорнии под командованием лейтенанта Луиса Аргуэлло.

Ключевые слова: Калифорния; географические исследования; Русская Америка; пушной промысел; Форт Росс.

THE LAST SPANISH EXPLORATIONS IN CALIFORNIA IN 1821

Konoplev Vladimir Andreevich

Senior researcher

State archive of Vologda region

Vologda, Russia

vlk1506@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to last Spanish expeditions to the north of San Francisco Bay under command of Capitan Louis Arguello.

Keywords: California; geographical explorations; Russian America; Fur trade; Fort Ross.

На протяжении последних двадцати лет своего владычества в Калифорнии испанцы вели в интенсивные географические исследования в долине р. Сан-Хоакин и частично р. Сакраменто. На северном направлении они активизировались лишь к концу второго десятилетия XIX в. Наиболее масштабной экспедицией к северу от залива Сан-Франциско стала экспедиция, совершенная в 1821 г. под командованием капитана Луиса Аргуэлло.

Примерно в 1819–1820 гг. среди индейцев, живших в окрестностях залива Сан-Франциско, появились слухи о том, что нескольких дней пути к северу от Сан-Хосе неизвестные люди, похожие на испанцев, построили небольшую крепость. Этот факт отмечался в записках участников русской кругосветной экспедиции на шлюпах «Открытие» и «Благонамеренный» капитан-лейтенанта М.Н. Васильева и лейтенанта Г.С. Шишмарева зимой

1821 г., а также в дневнике комиссионера Российско-американской компании Кирилла Тимофеевича Хлебникова. В записи о посещении президио¹ Монтерей от 30 июля 1821 г. среди полученной информации о положении в Калифорнии имеется запись об основании «европейского селения». Сведения о нем Хлебников получил от коменданта крепости и селения Росс Ивана Александровича Кускова, а он в свою очередь был извещен испанскими солдатами о том, что недалеко от залива Сан-Франциско индейцы обнаружили некое поселение. Расспросив подробнее испанских чиновников, он выяснил, что «действительно найдено деревянное укрепление и воинская команда, но не знают какой нации». Испанцы предположили, что это жители США и сообщили, что осенью этого года намерены послать туда чиновника и команду для разведки и воспрепятствованию поселению [1, с. 91; 2, с. 372, 400; 3, с. 19].

Однако в испанских документах данные слухи начали упоминаться лишь осенью 1821 г., когда началась подготовка на север экспедиции капитана Луиса Аргуелло. К осени 1821 г. среди испанцев возобладали мнение, что поселение было организовано англичанами или американцами, которые пришли с р. Колумбия [4, р. 445]. Экспедиция под командованием капитана Луиса Аргуелло должна была проверить эти слухи и в случае их подтверждения выдворить нарушителей. Экспедиция началась 22 октября и продолжалась до 15 ноября. Экспедиция состояла из 35 кавалеристов, 15 пехотинцев, нескольких легких пушек и вспомогательного отряда из индейцев, капелланом и хронистом экспедиции был священник Блас Ордас, а также проводник и переводчик, шотландец Джон Гилрой, первый человек испанского происхождения, поселившийся в Калифорнии. Один из участников экспедиции, солдат Хосе Мария Амадор, утверждал, что экспедиция побывала на Тринити Ривер [4, р. 446; 5, Л. 1]. 25 октября экспедиция прибыла к ранчери² Горой (Gogoy), находившейся на берегу р. Хесус Мария (р. Сакраменто). На вопросы, заданные относительно искомого поселения, индейцы сообщили, что у ранчери Гитистой (Guitistoy) видели двух человек, похожих на испанцев [6, Л. 157].

Американский историк Г.И. Пристли считал, что экспедиция повернула на запад чуть севернее вулкана Шаста у г. Ред Блафф (40° с. ш. 122° з. д.) [7, р. 142].

В конечном итоге никакого поселения экспедиция не обнаружила и испанцы решили, что люди, похожие на них, были охотниками на бобра. Вполне возможно, что в северной Калифорнии к 1821 г. могли действовать охотники на бобров, но были ли они англичанами или американцами?

¹ Испанская крепость с гарнизоном. В Калифорнии было 4 таких президио.

² Испанское название индейских поселений.

Одним из наиболее рациональных объяснений феномена слухов о европейских, появившихся близ границ испанской Калифорнии, может стать коммуникация между индейскими племенами. По мнению американских историков и антропологов, существовали устойчивые торговые связи между племенами южной и центральной Калифорнии. Что касается территории долины р. Сан Хоакин, то американский археолог В. Шенк считал, что большая часть индейского населения посещала горы Сьерра Невада, а также район залива Сан-Франциско. Он пришел к выводу, что среди индейцев существовало свободное межплеменное взаимодействие по всему региону дельты р. Сан Хоакин и Сакраменто со значительной географической протяженностью [8 р. 1–81; 9, р. 143–144]. Кроме того, в дневнике служащего британской компании Гудзонова залива Джона Ворка, совершившего экспедицию в Калифорнию в 1832–1833 гг., имеется упоминание о том, что двое служащих компании ранее прошли их маршрутом. Данное упоминание сделано на пути в Калифорнию 13 октября 1832 г., в то время как путешественники находились недалеко от горы Джунипер Маунтин на территории штата Орегон недалеко от границы с Калифорнией [10, р. 203].

Однако охотников на изюбря посылал из крепости и селения Росс и И.А. Кусков. Также Форт Росс посещали большие группы индейцев мивок и кашайя [1, с. 441, 442]. Существенным пунктом информации, полученной от индейцев, была все-таки попытка основания поселения.

Следовательно, слухи о попытке основания некими европейцами поселения севернее залива Сан-Франциско могли быть искаженными сообщениями как о Форте Росс, так и о возможном появлении в долине р. Сакраменто служащих компании Гудзонова залива. Несмотря на прямое упоминание о двух служащих, якобы прошедших по маршруту в направлении Калифорнии, говорить однозначно о том, что в 1820–1821 гг. их видели в долине р. Сакраменто, не представляется возможным, так как это упоминание локализовано на территории современного Орегона на значительном расстоянии от долины р. Сакраменто.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что придав неопределенным слухам, полученным от индейцев, политическое значение, испанское правительство Калифорнии было вынуждено предпринять одну из наиболее масштабных экспедиций за весь период освоения Калифорнии. Дойдя примерно до территории вулкана Шаста, испанцы стали первыми исследователями, зашедшими так далеко на территорию долины р. Сакраменто и оставившими более менее точное письменное свидетельство. Кроме того, можно подтвердить вывод, сделанный еще советским исследователем Калифорнии Л.А. Шуром, о значении источников российского происхождения для изучения ранней истории собственно испанской Калифорнии, а не

только присутствия в Калифорнии Российско-американской компании. А также встает проблема установления точной даты проникновения в Калифорнию трапперов Компании Гудзонова залива.

Литература

1. Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1815–1841 / ответственный редактор Н. Н. Болховитинов. – Москва : Наука, 2005. – 459 с.
2. Россия в Калифорнии, 1803–1850. – Москва : Наука, 2005. – Т. 1. – 752 с.
3. Гилльсем, К. Путешествие на шлюпе «Благонамеренный» для исследования берегов Азии и Америки за Беринговым проливом с 1819 по 1822 год / К. Гилльсем // Отечественные записки. – 1849. – Т. 67. – С. 1–113.
4. Bancroft, H. H. History of California / H. H. Bancroft. – San Francisco : A. L. Bancroft & Company publishers, 1884. – Vol. 2.
5. BL, Hart Merriam Papers, vol. 73
6. Diary of father Blaz Ordaz of the expedition of commander don Luis Arguello, october 21, 1821 // Papen Helen Spanish explorations in the interior of California 1804–1821. Thesis. – 1919.
7. Priestley, Herbert I. Franciscan explorations in California / Herbert I. Priestley. – San Francisco : The Arthur H. Clark company, 1946. – 189 p.
8. Davis, J. T. Trade Routes and Economic Exchange among the Indians of California / J. T. Davis // Aboriginal California: three studies in Culture History. – Berkeley : University of California, 1963. – P. 1–81.
9. Schenck, W. E. Historic Aboriginal Groups of the California Delta region / W. E. Schenck // University of California Publications in American Archaeology and Ethnology. – 1926. – Vol. 23, No. 2. – P. 123–146.
10. Fur brigade to the Bonaventura John Work's California Expedition of 1832–1833 for the Hudson's Bay Company by Alice Bay Maloney // California Historical Society Quarterly. – Vol. 22, №3 (Sep. 1943). – P. 193–222.

АМЕРИКАНСКАЯ ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМА СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА В ВОСПРИЯТИИ ЕВРОПЕЙЦЕВ

Мокиевский Сергей Юрьевич
Студент

Вологодский государственный университет
Вологда, Россия
sergei.mokievski@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается восприятие европейскими очевидцами пенитенциарной системы в США в середине XIX века. Выделены виды тюремных систем в США того периода, их особенности и недостатки. Обозначен общий принцип американской системы исправительных учреждений.

Ключевые слова: «обурнская» система; одиночное заключение; пенитенциарная система; пуританизм; принудительный труд; рабочий дом; сиротский приют; «филадельфийская» система.

PERCEPTION OF USA PENITENTIARY SYSTEM IN THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY BY EUROPEANS

Mokievski Sergey Yurievich
Student

Vologda State University
Vologda, Russia
sergei.mokievski@yandex.ru

Abstract. The article examines the characterization of the prison system in the United States in the middle of XIX century by European authors. Specific types of prison systems in the United States of that period, their features and shortcomings are highlighted. Author shows a common principle of the American prison system.

Keywords: the Auburn system, solitary confinement, the prison system, Puritanism, forced labor, workhouse, orphanage, the «Philadelphian» separate system.

Точное и всестороннее представление стран друг о друге всегда было важным для развития дальнейших отношений между ними, особенно это актуально сейчас – в эпоху глобализации. Именно поэтому наше внимание привлекла проблема восприятия европейцами Соединенных Штатов Аме-

рики в середине XIX века, когда это молодое государство демонстрировало новые модели решения различных проблем, в том числе содержания асоциальных элементов. В качестве источников для выяснения оценки европейцами американской пенитенциарной системы в данной статье использованы «Американские записки» писателя Чарльза Диккенса, «Меморандум» журналистки и борца за права умалишенных Доротеи Дикс, статья публициста и журналиста Николая Сокальского «Впечатления русского в Америке», работы историка и публициста Александра Лакиера «Путешествие по Северо-Американским штатам, Канаде и Кубе» и историка М. Фуко «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы». С помощью сравнительного анализа этих произведений попытаемся проследить виды тюремных учреждений в США, их главные особенности и недостатки «глазами» иностранцев.

Россиянин А. Лакиер, описывая бостонские тюрьмы, причисляет их к учреждениям так называемой «пенсильванской» системы, в которой преобладало одиночное заключение. Так, он приводит в пример тюрьму штата Массачусетс, которая полностью обеспечивалась за счет труда заключенных. Содержавшиеся в Бостонской исправительной школе пьяницы, воры и бродяги нередко работали на предприятиях штата. Еще одним примером предстает так называемая «Новая тюрьма» Бостона для лиц обвиняемых, а не осужденных, с просторными одиночными камерами и немногочисленным персоналом [1, с. 186–189].

Аналогичную характеристику этого вида тюрем дал француз Мишель Фуко, назвавший ее «филадельфийской» системой, подвергающей преступников полной изоляции с целью погружения в себя и полного раскаяния. По его словам, никакого дополнительного принуждения в этих заведениях не было, так как «сами стены были главными исполнителями наказания» [2]. В значительной мере такие порядки были обусловлены укоренившимся влиянием в Массачусетсе пуританских идей, оказавших, в свою очередь, существенное влияние на американское Просвещение, имевшее «свои оригинальные корни и ставшее результатом осмысления социально-политического опыта нескольких поколений колонистов» [3, с. 42].

Англичанин Ч. Диккенс подтверждает, что такая система существовала и за пределами Массачусетса, например, в Нью-Йорке. Он описал так называемую «Гробницу» – Нью-Йоркскую одиночную тюрьму для совершивших тяжкие преступления, а также подозреваемых и даже некоторых свидетелей. Условия содержания в ней в описании Диккенса предстают тяжелыми: «свет через маленькое окно, никаких прогулок, абсолютно гладкие стены, ожидание суда месяцами и дольше» [4]. «Восточная каторжная» одиночная тюрьма в Филадельфии вызвала у Диккенса еще больше негодования, но не из-за условий, которые в сравнении с «Гробницей» были несколько лучше, а из-за самого концепта одиночного заключения в беспро-

светных коридорах, которое, по мнению писателя, не исправляет, а ломает человека психологически и физически, например, через потерю слуха и зрения [4]. Мнение Ч. Диккенса можно было бы подвергнуть сомнению из-за излишней эмоциональности автора, но оно подтверждается свидетельством журналистки Доротей Дикс, описавшей состояние тюрем в «Новой Англии». Она рисует их как настоящий ад для заключенных, потому что в них с целью экономии средств наряду со здоровыми людьми помещали душевнобольных и умственно отсталых, признавая их неизлечимыми. Их поведение оказывало крайне негативное влияние на психическое здоровье не только заключенных, но и надзирателей, обращавшихся с содержащимися в таких тюрьмах людьми крайне жестоко [5, с. 26–29].

Но вне Массачусетса существовал и совершенно иной вид пенитенциарных учреждений, который А. Лакиер называет «обурнской системой». Он наблюдал их на островах Блэквелл и Рэндалл, где увидел находящиеся поблизости друг от друга тюрьмы, больницы, богадельни, сиротский приют, рабочий дом и лечебницу для умалишенных [1, с. 270–272]. М. Фуко описывал позднее обурнскую систему как мини-воплощение общества: «одиночество ночью, совместная работа днем, периодическая общая трапеза» [2].

А. Лакиер характеризует обурнскую систему подробнее, подчеркивая отсутствие постоянного одиночного заключения, использования цепей с кандалами при существовании возможности для заключенных посещать церковную службу, просто прогуливаться по территории. Его внимание привлек хороший рацион питания, сотрудничество тюремного учреждения с местными бизнесменами, которые не только снабжали заключенных материалами для работы, но и создавали условия для их обучения. Сами заключенные при желании могли улучшать бытовые условия своей жизни в стенах тюрьмы за счет получаемого ими за свой труд заработка [1, с. 273–275]. Наиболее ярким воплощением этой системы А. Лакиеру показалась тюрьма Синг-Синг, напомнившая ему по организации труда и жизненному распорядку мануфактуру [1, с. 290–293].

Отчасти близкие к исправительным учреждениям по характеру и режиму содержания работные дома и сиротские приюты предоставляли дешевую рабочую силу предпринимателям Нью-Йорка и других регионов, но А. Лакиер признавал, что они не справляются с огромным, все возрастающим потоком переселенцев и городской бедноты [1, с. 275–280]. Аналогичного мнения придерживался Николай Сокальский, отмечавший, что многие благотворительные и исправительные учреждения не являются эффективным способом решения проблемы безработицы, крайней бедности и преступности среди неквалифицированной части переселенцев в США [6, с. 231–233]. Ситуация усугублялась тем, что при существенном росте иммиграции из Европы, доля неквалифицированного труда в ней постепенно возрастала, что отчасти стало

сближать ее по характеру с развернувшейся в тот период массовой иммиграцией из стран Южной и Восточной Европы и Азии [7, с. 302–303].

Крайне показательно, что отношение европейских авторов-очевидцев к использованию труда заключенных было разноречивым. К примеру, Ч. Диккенс считал предоставление права на труд лицам, совершившим противоправные деяния, проявлением излишней сентиментальности со стороны американских властей и оценивал его как вредный конкурентный фактор по отношению к свободным наемным работникам [2]. С другой стороны, М. Фуко считал «тюремный труд» экономически несущественным для американской экономики, но усматривал в оплачиваемой работе узников полезный пример «привития им общепринятых стандартов общественно-экономического поведения» [6].

Таким образом, европейские очевидцы в США середины XIX века выделили два вида пенитенциарной системы: пенсильванскую, или филладельфийскую, с ее одиночным содержанием и полной изоляцией осужденных и обурнскую, основывающуюся на использовании производительного труда заключенных, позволяющего их же и обеспечивать всем необходимым. Первая система была характерна преимущественно для Новой Англии, вторая была распространена повсеместно. Сведения, сообщаемые европейскими авторами, не противоречат друг другу, а, напротив, дополняют картину рассматриваемого явления. Расхождение очевидно лишь в общей оценке целесообразности использования принудительного труда заключенных. В целом пенитенциарные учреждения Соединенных Штатов Америки в середине XIX века в восприятии европейских современников предстают как комплексная децентрализованная система, имевшая коммерческую направленность согласно прагматической позиции властей, но при этом сохранявшая дух пуританских традиций.

Литература и источники

1. *Лакиер, А. Б.* Путешествие по Северо-Американским штатам, Канаде и Кубе / А. Б. Лакиер. – Санкт-Петербург, 1859. – Т. 1. – 376 с. – URL: <https://www.litres.ru/aleksandr-lakier/puteshestvie-po-severo-amerikanskim-shtatam-kanade-i-ostrovu-kube-t-1/> (дата обращения: 28.02.2020). – Текст : электронный.
2. *Фуко, М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы : перевод с французского / М. Фуко. – Москва : Ad Marginem, 1999. – URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=95796> (дата обращения: 28.02.2020). – Текст : электронный.
3. *Киселева, О. А.* Просвещение в политической культуре Европы / О. А. Киселева // Источник. Информационно-методический и научно-педагогический журнал. – 2016. – № 4. – С. 12–13.
4. *Диккенс, Ч.* Американские заметки : перевод с английского / Ч. Диккенс. – 1843. – URL: <https://www.e-reading.club/book.phpbook=19630> (дата обращения: 28.02.2020). – Текст : электронный.

5. *Dorothea, L Dix. Memorial to the Legislature of Massachusetts. 1843.* – URL: <https://archive.org/stream/memorialtolegisl00dixd#page/n4/mode/1up> (дата обращения: 28.02.2020). – Текст : электронный.

6. *Сокальский, Н. П.* Впечатления русского в Америке / Н. П. Сокальский // Русское слово. – 1860. – № 11. – С. 207–246.

7. *Киселева, О. А.* О характере «атлантической экономики» после гражданской войны в США / О. А. Киселева // Вузовская наука – регионам : материалы XVI Всероссийской научной конференции с международным участием (Вологда, 27 февраля 2018 г.) / Министерство науки и высшее образование Российской Федерации, Правительство Вологодской области, Вологодский государственный университет ; [ответственный редактор А. А. Синецын]. – Вологда : ВоГУ, 2018. – С. 301–303.

УДК 94(47)

БУРЫ И КАЛЬВИНИЗМ: РЕЦЕНЗИЯ БОГОСЛОВА А.Д. БЕЛЯЕВА НА ДИССЕРТАЦИЮ ИСТОРИКА Р.Ю. ВИППЕРА

Савина Анна Викторовна

*Старший преподаватель кафедры всеобщей истории и мировой политики
Вологодский государственный университет*

Вологда, Россия

avsavina@ya.ru

Аннотация. Статья посвящена нетипичной для отечественной науки начала XX века рецензии православного богослова А.Д. Беляева на диссертацию светского историка Р.Ю. Виппера. Данная работа еще не становилась предметом научного осмысления. Автор статьи анализирует причины появления такой рецензии, ее содержание и значение в контексте взаимодействия церковной и светской науки.

Ключевые слова: А.Д. Беляев; Р.Ю. Виппер; кальвинизм; англо-бурская война; Московская духовная академия; рецензия.

BOERS AND CALVINISM: REVIEW OF THEOLOGIAN A.D. BELYAEV ON THE DISSERTATION OF HISTORIAN R.YU. VIPPER

Savina Anna Victorovna

*Senior Lecturer of the Department of World History and World Politics
Vologda State University*

Vologda, Russia

avsavina@ya.ru

Abstract. The article is devoted to a rare case in Russian science at the beginning of the 20th century: reviews by the Orthodox theologian A.D. Belyaev on the dissertation of the secular historian R.Yu. Whipper. This work has not become the subject of scientific reflection yet. The author of the article analyzes the reasons for the appearance of this review, its content and significance in the context of the interaction of church and secular science.

Keywords: A.D. Belyaev; R.Yu. Vipper; Calvinism; Anglo-Boer War; Moscow Theological Academy; review.

В 1901 году в библиографическом разделе журнала «Богословский вестник» была опубликована рецензия на диссертацию известного историка, профессора Московского университета Роберта Юрьевича Виппера (1859–1954) «Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма» [1]. Рецензентом был доктор богословия, ординарный профессор по кафедре догматического богословия Московской духовной академии Александр Дмитриевич Беляев (1849–1919). Редкий факт отзыва богослова о книге светского историка уже вызывает интерес. Однако если учесть, что одной из функций рецензии является ознакомление общественности с новой книгой, а труд Виппера вышел еще в 1894 году, то налицо семилетнее «опоздание» Беляева. Несмотря на это, рецензия вышла отдельным оттиском в том же 1901 году в типографии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры под названием «Буры и кальвинизм» [2]. Учитывая, что типография бралась печатать только подписанные ректором Московской духовной академии материалы, а «требование о напечатании отдельных оттисков» должно исходить обязательно от академии [3], можно предположить, что в alma mater Беляева его отзыв посчитали актуальным и значимым даже с 7-летним разрывом между рецензируемой книгой и рецензией.

Конечно, дело было в бурах. Неслучайно в оттиске указание на книгу Виппера было вынесено в подзаголовок. Новое заглавие «Буры и кальвинизм» (при неизменности содержания) переориентировало сочинение Беляева с узкой аудитории «Богословского вестника» на массового читателя. Англо-бурская война 1899–1902 годов, в которой крупнейшей колониальной державе противостояли буры (потомки кальвинистов – переселенцев из Голландии), вызвала у российской общественности самый активный отклик. Пробурские настроения подогревались монархистами и черносотенцами, которые особо подчеркивали черты сходства (реального и надуманного) буров с русскими: патриархальность, фанатичная религиозность, неприятие «растленного» Запада [4, с. 48–49]. В подобном ключе характеризовал буров и Беляев. Впрочем, вероисповедный фанатизм он считал пороком, в отличие от нравственной строгости, которая придавала бурам необыкновенное мужество, героизм и достоинство [2, с. 3–7]. По мнению Бе-

ляева, и плохое, и хорошее роднило буров с женецами времен Кальвина «по внутренней своей жизни, по духу и характеру» [2, с. 10].

После пространного и эмоционального вступления о буреях Беляев перешел непосредственно к оценкам исследования Виппера. Обрисовав структуру и задачи диссертации, Беляев сделал обзор использованных «источников и пособий». При этом богослов обнаружил неплохое знание современной ему зарубежной научной литературы (в том числе вышедшей после труда Виппера), опубликованных источников, основных дискуссионных вопросов, обратил внимание на пробелы, с его точки зрения, в исследовании Виппера (например, недостаточное внимание к биографии Кальвина и религиозно-богословским вопросам кальвинизма [2, с. 12]).

Скорее всего, Беляев специально изучал эту тему, работая несколькими годами ранее над своей диссертацией «О безбожии и антихристе» [5], за которую (и по совокупности трудов) он получил докторскую степень в 1899 году. В диссертации Беляев подробно освещал взгляды протестантов на предмет своего исследования, включая Жана Кальвина (и, судя по ссылкам, обращаясь к трудам реформатора) [5, с. 782–788]. На труд Виппера ссылок нет, но, возможно, Беляев прочел его: более подробных и основательных исследований непосредственно кальвинизма в отечественной науке того времени просто не было.

Впрочем, Беляев неоднократно подчеркивал в рецензии важность другого труда – историка-богослова В. Назаревского. Его опубликованную в журнале «Православное обозрение» в 1878–1879 гг. и забытую по прошествии 20 лет работу о Кальвине [6] Беляев называл первым опытом «общирного и ученого» исследования кальвинизма в России. Сетую на то, что Виппер ни разу не упомянул эту работу, Беляев отпустил едкое замечание в адрес светских ученых, которые совершенно незнакомы с русской богословской наукой и при этом обзывают ее «обнищавшей» [2, с. 14–15]. Правда, в другом месте своей рецензии Беляев признавал, что у Назаревского и Виппера были разные задачи, и их сочинения взаимно дополняют друг друга [2, с. 18].

Ставя вопрос о научной новизне диссертации Виппера, Беляев отмечал широкое использование, дополнение и исправление положений ряда европейских авторов, но одновременно подчеркивал чрезмерную зависимость историка от трудов предшественников. По мнению Беляева, главная ценность труда Виппера состоит в последних главах диссертации, написанных на основе архивных источников. Впрочем, тут же богослов заявлял, что эти главы «кажутся лишними», в них нет ничего важного и интересного [2, с. 21].

Помимо содержания, Беляев подверг критике стиль изложения Виппера, найдя в нем расхождения, противоречия, неясности в употреблении терминов и названий. Слова, фразы и отрывки на латыни, французском и

немецком языке также вызывают недовольство рецензента (отметим, что цитаты без перевода у Виппера встречаются только в сносках). Язык, которым написана диссертация, Беляев назвал вульгарным, несладким и неуклюжим. Указывая на имя и фамилию автора, Беляев сделал вывод о недостаточном владении Виппером русским языком и нашел на страницах его труда «неуместные в ученом сочинении» и «не обрусевшие» иностранные слова (например, «фигурирует», «мотивация», «оперировал»), которые вполне могли быть заменены общепонятными и благозвучными русскими словами [2, с. 26–28].

Через несколько абзацев Беляев поместил в текст классическую фразу рецензентов всех времен о том, что указанные недостатки не влияют на значимость исследования: диссертация может быть полезна историкам, богословам, юристам. Однако заканчивается рецензия списком не освещенных Виппером вопросов по истории кальвинизма (например, о влиянии кальвинизма на нравы женеццев, объяснение склонности кальвинизма к религиозному фанатизму, влияние религиозной нетерпимости на судьбы течения) [2, с. 29–31].

Через 6 лет Беляев вновь обратился к теме кальвинизма уже в формате энциклопедической статьи [7]. Судя по ее тексту, Беляев активно использовал диссертацию Виппера, позаимствовав не только ключевые сюжеты, их последовательность и выводы, но и неточности последнего. Например, в диссертации Виппер в качестве четвертой редакции кальвиновского «Наставления в христианской вере» называет публикацию 1545 года (хотя в этом году была всего лишь перепечатана редакция 1543 года) [8, с. 284] — то же самое видим у Беляева [7, с. 147]. Даже логика изложения предопределена диссертацией Виппера. Например, догматические вопросы (не освещенные Виппером, но более всего, надо думать, интересные читателю богословской энциклопедии) Беляев поднимает лишь в конце статьи, кратко говоря о доктрине предопределения и позиции Кальвина по вопросу евхаристии [7, с. 170–171]. Лакуны диссертации, отмеченные Беляевым в рецензии, повторяются у него самого. Дискуссионные вопросы освещаются так же, как у Виппера. Причем в списке отечественной литературы по теме кальвинизма на первом месте фигурирует сочинение Назаревского, затем Виппера, затем «Буры и кальвинизм» самого Беляева [7, с. 175–176].

Таким образом, перед нами любопытный пример рецензии, соединяющей в себе научную и пропагандистскую составляющую, профессиональный (как ученого-богослова) и дилетантский (как не историка) подходы, академический стиль отзыва и эмоционально окрашенные или некорректные замечания в адрес автора. Некоторые отмеченные выше моменты вносят штрихи в картину взаимоотношений светской и церковной науки рубежа XIX–XX века: оторванность друг от друга, замкнутость, недооценен-

ность достижений церковных ученых со стороны светских коллег, что вызывало обиду и горечь.

Реакция Виппера на рецензию Беляева неизвестна, возможно (хотя маловероятно), он вовсе не знал о ней. К тому времени историк уже отошел от темы кальвинизма. В любом случае, публичного ответа и дискуссии не последовало, что в какой-то степени подтверждает сетования Беляева на отсутствие коммуникации между духовной и светской наукой.

Литература

1. *Беляев, А. Д.* [Рецензия на:] Виппер Р. Влияние Кальвина и кальвинизма на политические учения и движения XVI века: Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма. М., 1894 / А. Д. Беляев // Богословский вестник. – 1901. – Т. 1, № 3–4.

2. *Беляев, А. Д.* Буры и кальвинизм. По поводу книги Р. Виппера «Влияние Кальвина и кальвинизма на политические учения и движения XVI века. Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма» / А. Д. Беляев. – Сергиев Посад : Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1901. – 32 с.

3. *Игумен Дионисий (Шленов)* Издательская деятельность Московской духовной академии / Игумен Дионисий (Шленов). – URL: <http://stsl.ru/news/all/izdatelskaya-deyatelnost-moskovskoy-dukhovnoy-akademii> (дата обращения: 1.12.2019). – Текст : электронный.

4. *Давидсон, А. Б.* Англо-бурская война и Россия / А. Б. Давидсон, И. И. Филатова // Новая и новейшая история. – 2000. – № 1. – С. 31–51.

5. *Беляев, А. Д.* О безбожии и антихристе / А. Д. Беляев. – Сергиев Посад : 2-я тип. А.М. Снегиревой, 1898. – 1034 с.

6. *Назаревский, В.* Иоанн Кальвин – реформатор XVI века / В. Назаревский // Православное обозрение. – 1878. – № 5. – С. 43–68 ; № 8. – С. 675–701 ; № 10. – С. 222–245 ; 1879. – № 5–6. – С. 143–204 ; № 9. – С. 44–78 ; № 12. – С. 635–713.

7. *Беляев, А. Д.* Кальвин и кальвинизм / А. Д. Беляев // Православная богословская энциклопедия. – Санкт-Петербург : Слово, 1907. – Т. VIII. – С. 140–176.

8. *Виппер, Р. Ю.* Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма / Р. Ю. Виппер. – Москва : Печатня С. П. Яковлева, 1894. – 763 с.

ОКтябрьская революция 1917 года в восприятии власти и общества Великобритании

Шахматова Анна Валерьевна

Магистрант

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

av.shakhmatova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается реакция представителей власти, журналистов и общественных деятелей Великобритании на победу Октябрьской революции 1917 года в России. Демонстрируется неоднозначность поведения британских правящих кругов в отношении новой российской власти. Отражены также взгляды журналистов и общественных деятелей Великобритании на победу Октябрьской революции. Автором использовались материалы британской прессы за 1917-й год, журналистские очерки, мемуары и дневники современников, акты парламентских дебатов Великобритании.

Ключевые слова: Октябрьская революция; Россия; Великобритания; Общественная реакция; Пресса; Дипломатия.

THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917 IN THE PERCEPTION OF THE POWER AND SOCIETY OF GREAT BRITAIN

Shakhmatova Anna Valeryevna

Master Student

Saint-Petersburg State University

Saint-Petersburg, Russia

av.shakhmatova@yandex.ru

Abstract. The article examines the reaction of government officials, journalists and public figures of Great Britain to the victory of the October Revolution of 1917 in Russia. The ambiguity of the behavior of British ruling circles in relation to the new Russian government is demonstrated. The views of British journalists and public figures on the victory of the October Revolution are also reflected. The author used materials from the British press for 1917, journalistic essays, memoirs and diaries of contemporaries, acts of parliamentary debate in Great Britain for the specified period.

Keywords: October Revolution; 1917; Russia; Great Britain; Public reaction; Press; Diplomacy.

Реакция на Октябрьскую революцию в правящих кругах Великобритании была разнообразна и неоднозначна. Дэвид Ллойд Джордж называл российскую революцию «новой инфекцией в живое тело нации, приободлившей группу вечно недовольных в рядах рабочего класса» [1, с. 140]. И если касательно Февральской революции премьер-министр высказался скорее положительно и даже направил приветственную телеграмму Временному правительству, то Октябрьскую он считал «разложением, зашедшим слишком далеко и разевшим существующий строй российского государства слишком глубоко». Несмотря на это, уже в декабре 1917 г. Ллойд Джордж вел тайные переговоры о признании большевиков с их представителем в Лондоне – М.М. Литвиновым [2, с. 53]. Кроме того, представители власти и Министерства иностранных дел Англии не поддерживали политику ведения борьбы с большевистским правительством русской колонии под началом К.Д. Набокова [3, с. 132].

Среди политических деятелей Англии встречались и те, кто встретил Великий Октябрь с воодушевлением. Джордж Лэнсбери – известный общественный деятель, редактор и один из создателей газеты «Daily Herald», в дальнейшем также лидер лейбористской партии, называл русскую революцию «наименее террористической по своим методам из всех современных потрясений», «триумфом пацифизма», который придал древней борьбе народа новый облик [4, с. 109]. На заседании Палаты Общин 6 ноября 1917 г. бывший лидер лейбористов Джеймс Рамси Макдональд упрекал правительство в непонимании реальной выгоды, которую дала русская революция [5]. По его словам, необходимо было обратить внимание на изменение политической и моральной обстановки в «самоосвобожденной России» [5].

В правительственной среде бытовало мнение о непродолжительном пребывании большевиков у власти [3, с. 122]. Великобритания мало себе представляла, что Россия лишь ступила на путь кардинальных социально-политических изменений, финалом которых станет не образование Временного правительства или отречение Николая II, а окончательное падение монархии и приход к власти большевиков. В целом, как показало изучение данного вопроса, мы не можем однозначно говорить о строго положительном или отрицательном отношении властных структур Англии к Октябрьской революции.

Поддержку и даже восхищение Октябрьской революции выражал американский журналист валлийского происхождения – Альберт Уильямс. Однако его отношение к новой власти в России с течением времени менялось. Журналист присутствовал в Петрограде в ночь большевистского переворота, описывал рабочих как ярых приверженцев Революции, чьими голосами говорит ее «неотразимый голос» [6, с. 64]. Однако к началу 1920-х гг. Альберт Уильямс окончательно разочаровался в деятельности большевиков: «Они

отменили свободу слова, свободу прессы, свободу собраний. Они навязали решительный военный призыв и принудительный труд» [6, с. 147].

Октябрьская революция принесла в Англию недоумение и опасение, отразившееся на страницах прессы [7, с. 93]. В газете «Manchester Guardian» в этот период наблюдается динамика к сокращению числа материалов о России. Кроме того, нередкой была практика искажения фактов или неверного толкования понятий российского «революционного обихода». Например, на Флит Стрит закрепилась традиция именовать большевиков «максималистами», поскольку английские средства массовой информации ошибочно полагали, что эта фракция составляла большинство в IV-й Государственной Думе, т.е. максимальное число [7, с. 87]. Журналисты, по всей видимости, были настолько убеждены в непродолжительности успеха большевиков, что даже напечатали в официальном сообщении от 12 ноября 1917 г.: «Ликвидация большевистской авантюры – дело нескольких дней или даже часов» [7, с. 93].

Корреспондент «Daily Chronicle» Гарольд Уильямс сначала положительно воспринял революционные события, но уже к концу сентября тон его репортажей изменился. По-видимому, к этому времени он понимал, что смена социально-политической конъюнктуры в России не закончится буржуазной революцией, и этот поворот событий не вызывал у него положительной реакции. Осенью 1917 г. Уильямс также много писал и о самих большевиках. Подобного рода репортажи можно найти на страницах «Daily Chronicle»: «Конструктивной власти у большевиков нет, но они обладают огромной силой для уничтожения» [8]. Журналист также упрекал большевиков в разрушении прежней России с ее высокими моральными ценностями, культурным богатством: «Я не могу рассказать вам обо всех зверствах, жестоких эксцессах, которые разоряют Россию от начала до конца и более безжалостно, чем любая вторгающаяся армия. Это хуже, чем царизм» [9].

Таким образом, в отношении Октябрьской революции Великобритания в целом была настроена гораздо негативнее, чем к событиям Февраля. Для правящих кругов она представлялась опасной инфекцией, угрожающей заразить весь демократический Западный мир. Пугали английское общество и перспективы заключения большевиками сепаратного мира с Германией и выхода России из Антанты. Несмотря на явное неприятие английским общественным мнением Великого Октября, не стоит отрицать двустороннее поведение англичан в этом вопросе. Необходимо также помнить и о том, что красной линией через всю британскую политику проходило стремление к эффективной и победоносной борьбе против Германии. Поэтому и к России с ее внутренними потрясениями отношение как к союзнику было весьма прагматичным.

Литература и источники

1. *Ллойд, Дж. Д.* Военные мемуары / Ллойд Джордж Д. ; перевод с английского И. Звавича. – Москва : Социально-экономическое издательство, 1935. – Т. IV. – 444 с.
2. *Дионео, (Шкловский) Ю.* Англия после войны / Дионео (Шкловский) Ю. – Прага : Пламя, 1924. – 284 с.
3. *Набоков, К. Д.* Испытания дипломата: [записки] / К. Д. Набоков ; составитель и послесловие Е. Белодубровского. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2014. – 320 с.
4. *Lansbury, G.* What I saw in Russia / G. Lansbury. – London : Parsons, 1920. – 172 p.
5. *Parliamentary debates: House of Commons official report.* – London : H.M.S.O., 1917. – Vol. 98 (135). – URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39076002822083;view=lup;seq=90> (дата обращения: 11.05.2019). – Text : Electronic.
6. *Williams A. R.* Through the Russian Revolution / A. R. Williams. – New York : Boni and Liveright Publishers, 1921. – 167 p.
7. *Arnot, P.* The Impact of the Russian Revolution in Britain / P. Arnot. – London : Lawrence and Wishart, 1967. – 191 p.
8. *Williams, H.* Daily Chronicle. 1917. November 26 / H. Williams // Spartacus-educational, 2014. – Text : Electronic. – URL: <https://spartacus-educational.com/RUSwilliamsH.htm> (дата обращения: 26.04.2019).
9. *Williams, H.* Daily Chronicle. 1918. January 28 / H. Williams // Spartacus-educational, 2014. – Text : Electronic. – URL: <https://spartacus-educational.com/RUSwilliamsH.htm> (дата обращения: 26.04.2019).

УДК 94(47):94(73)«1901/1953»

«ЭТИ РУССКИЕ»: СРЕЗ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА КОНЦА 1920-Х ГГ. В ОЧЕРКАХ АМЕРИКАНСКОГО ИСТОРИКА УИЛЬЯМА УАЙТА

Фельдт Алексей Евгеньевич

*Доцент кафедры всеобщей истории,
кандидат исторических наук, доцент
Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова*

Архангельск, Россия

a.feldt@narfu.ru

Аннотация. Американский историк Уильям Уайт, опираясь на свой опыт пребывания в Советском Союзе в конце 1920-х гг., создал серию очерков под общим названием «Эти русские», посвященных представителям различных профессий в советском обществе. На основе личного обще-

ния автор показывает, с одной стороны, повседневную жизнь советских людей в переломный момент строительства социализма, с другой – их отношение к советской власти. Увидевшая свет в 1931 г. книга Уайта является важным источником американских представлений о советской действительности в СССР.

Ключевые слова: Советский Союз; Соединенные Штаты; советско-американские отношения; общественное мнение; Уильям Уайт.

***THESE RUSSIANS: CROSS-SECTION OF THE SOVIET SOCIETY
IN THE ESSAYS BY AMERICAN HISTORIAN WILLIAM C. WHITE
AT THE END OF 20th***

Feldt Alexey Eugenjevich

Associate Professor of the Department of World History, Ph.D. (History),

Associate Professor

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,

Arkhangelsk, Russia

a.feldt@narfu.ru

Abstract. William C. White, American Historian, based on his experience of staying in the Soviet Union at the end of the 1920s, created a series of essays under the general title “These Russians”, dedicated to representatives of various professions in Soviet society. On the basis of personal communication, the author shows, on the one hand, the everyday life of Soviet people at a turning point in the construction of socialism, and on the other, their attitude to Soviet power. White's book was published in 1931 and became an important source of American ideas about Soviet reality in the USSR.

Keywords: Soviet Union; United States; Soviet-American relations; public opinion; William C. White.

Уильям Уайт, американский историк, отправился в Советский Союз в 1926 г. первоначально на четыре месяца с целью совершенствования русского языка. В дальнейшем Пенсильванский университет, в котором он преподавал современную историю, выделил ему стипендию на пребывание в СССР с июня 1927 г. по декабрь 1929 г. Таким образом, он оказался непосредственным свидетелем жизни советского общества накануне и в год «великого перелома».

В первое десятилетие после революционных потрясений и трагедии Гражданской войны внимание американских визитеров привлекала в основном политическая составляющая «советского эксперимента». Повседневная жизнь интересовала их меньше. Уильям Уайт в книге «Эти рус-

ские», увидевшей свет в 1931 г., постарался ликвидировать этот пробел. Опираясь на свой трехлетний опыт пребывания в Советском Союзе в конце двадцатых годов и множество подробных бесед с людьми, принадлежавшим к различным социальным группам, он дал обширную картину отношения их к новому строю.

В отличие от официальных представлений о социальной структуре, состоящей только из рабочего класса, трудового крестьянства, интеллигенции и деклассированных элементов, Уайт видит советское общество куда более фрагментированным. Объектом его внимания стали: домработница, профессор, торговец, священник, обувщик, машинистка, трактирщик, рабочий, студент, солдат, инженер, мельник, парикмахер, учитель музыки, доктор и судья. Сознание этих представителей различных групп населения далеко от официальной пропаганды. Так, профессор, Владимир Алексеевич, чувствует себя русским, его взгляды на советское руководство отягощены антисемитизмом, которому он придает политический оттенок. Советскую власть он воспринимает как принадлежащую людям другой национальности – грузинам, евреям, противопоставившим себя русским. Его жена, Наталья Ивановна, глубоко религиозный человек, и не скрывает этот факт. Охарактеризовав пути адаптации старой профессуры при советской власти, автор заостряет внимание на национальном вопросе, который эта семья воспринимает весьма болезненно [1, с. 28–30].

Обращение к повседневной жизни этих людей дает ощущение глубоко укоренившихся дореволюционных традиций. Советская власть присутствует для них в качестве коммунистов-политиков, карательных органов, организующих население сверху прогосударственных структур, например, комсомола. Торговец Абрам Моисеевич, по национальности еврей, легко критикует русских. Однако, несмотря на наличие евреев в руководстве государства, он, тем не менее, сознательно дистанцируется от него, не понимая и не одобряя его регулирующую роль в торговых отношениях. Более того, он прекрасно понимает, что частный собственник – барьер на пути социалистического строительства, и ничего хорошего от советской власти в перспективе не ждет [1, с. 73]. Инженер Андрей Георгиевич в афористичной форме выражает свое отношение к государству: «Я создаю, и этого уже много для меня. Пусть коммунисты занимаются политикой» [1, с. 89]. Говоря о своей работе, он постоянно использует словосочетание «русский инженер», но, давая оценку системе производства в целом, он называет ее «советской» [2, с. 94–95]. Его жена, Надежда Ивановна, актриса театра, использовала в разговоре слово «советский» только один раз применительно к музыкальному магазину. «Я играю на пианино. В наших советских музыкальных магазинах много вашей джазовой музыки», – говорит она американскому историку [1, с. 83]. В целом в книге Уайта явственно заметно ди-

станцирование людей от государства, что было еще характерно для советского общества двадцатых годов.

Отдельно следует отметить интерес Уайта к «пролетарским» профессиям, поскольку именно эти категории населения должны получить наибольшие преимущества в жизни от строительства социализма. Автор встретился с Павлом Васильевичем, рабочим, который жил на окраине маленького городка недалеко от Москвы и работал на «хлопковой фабрике». По описанию можно догадаться, что это была ивановская прядильно-ткацкая фабрика имени Ф.Э. Дзержинского, поскольку Уайт сразу выделяет имя «главы секретной полиции» в ее названии.

Внешний вид Павла Васильевича, который сорок лет из своих примерно шестидесяти отдал рабочему делу, полностью соответствует представлениям американца о его профессии – потемневшая кожа глиняного оттенка, седые волосы и борода, старая пыльная одежда, типично русская кепка. Его жена – «бесформенная полная женщина», обладающая громким и резким голосом, мать семерых детей, из которых в живых осталось только двое, полностью соответствует общим представлениям о женах рабочих, множество которых можно видеть в очередях у магазинов [1, с. 102].

Благодаря этой семье американскому историку удалось пообщаться в пивной с целой группой рабочих, что существенно дополнило его представления об умонастроениях в рабочей среде. Максимально открытый и доверительный разговор шел о насущных нуждах – питании, ценах, продуктовых карточках, заработной плате, жилищных условиях, профессиональных навыках и о сравнении советской действительности с американской, поскольку один из рабочих имел опыт проживания и работы в Соединенных Штатах. Именно у него к 1917 г. в банке накопилось две тысячи рублей, которые были конфискованы советской властью. По целому ряду параметров оценка жизни рабочих в СССР, спустя десятилетие после прихода большевиков к власти, проигрывала дореволюционному периоду и возможностям американских рабочих [1, с. 105]. Только одно важное достижение революции было подчеркнуто собеседниками Уайта – невозможность увольнения рядовых работников с предприятия. «Неважно, как и какую работу они выполняют, они – пролетариат, а здесь – Рабочий рай» [1, с. 113], – сказал один из участников разговора, характеризуя преимущества трудовых отношений при социализме.

Впечатления Уильяма Уайта от советской действительности явились, с одной стороны, значимым компонентом в формировании американского общественного мнения о Советском Союзе, с другой – важным свидетельством эпохи, документом, проливающим свет на степень «советскости» людей в СССР в год «великого перелома». Осмысление «советского эксперимента» бы-

ло продолжено автором в последующих его книгах – «Сделано в России», увидевшей свет в 1932 г. [2] и «Ленин», впервые опубликованной в 1936 г. [3].

Литература

1. *White, C. W. These Russians / C. W. White.* – New York : London : Charles Scribner's Sons, 1931. – 376 p.

2. *White, C. W. Made in Russia / C. W. White.* – New York : Alfred A. Knopf, 1932. – viii, 206 p. ;

3. *White, C. W. Lenin. / C. W. White.* – New York : H. Smith and R. Haas, 1936. – 176 p.

УДК 94(47).084

ВИЗУАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СТАЛИНА 1940–1950-х гг. В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИЙ РУССКОГО ВОЕННОГО ПОРТРЕТА

Руцинская Ирина Ильинична

Профессор, доктор культурологии

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия

irinaru2110@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются парадные портреты Сталина, на которых он представлен в образе полководца. Отмечаются особенности данного вида советского парадного портрета и его близость русским традициям XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: парадный портрет; война; вождь; полководец; традиции; соцреализм.

VISUAL REPRESENTATIONS OF STALIN IN 1940–1950S: REVIVING RUSSIAN MILITARY PORTRAIT

Rutsinskaya Irina Ilinichna

Professor, Dr. Habil

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

irinaru2110@gmail.com

Abstract. The article analyzes the portraits of Stalin where he is represented as the commander-in-chief. The features of this type of Soviet ceremonial portrait and the link to Russian traditions of the 18th-19th centuries are described.

Keywords: ceremonial portrait; war; leader; commander; traditions; socialist realism.

Общеизвестно, что в преддверии победы в Великой Отечественной войне и в первые послевоенные годы характер репрезентации власти в советском искусстве претерпел существенные изменения: «все каменело в величественной позе, наливалось эпическими соками, переполнялось исторической значительностью» [1, с. 33]. В живописи, и в особенности в той необъятной группе произведений, которые были посвящены непосредственно Сталину, трансформации отразились не только в смене стилистики или тональности изображения, они привели к рождению, или, как мы попытаемся показать, к возрождению жанра военного парадного портрета.

В обширной иконографии вождя, бурно разросшейся в период укрепления его культа, до середины 1940-х годов военный парадный портрет не был представлен. Он – детище эпохи «генеральской оптики», о которой, применительно к советскому кинематографу, писал Е.А. Добренко [1, с. 29]. Самые известные образцы такого портрета – картина А.М. Герасимова «И.В. Сталин» (1944) и картина К.И. Финогенова «И.В. Сталин на оборонительных рубежах. Зима 1941 года» (1947). Но, конечно же, существовали и другие, гораздо менее известные полотна (Н.К. Сверчкова, В.Н. Орешникова и других авторов).

Военные образы Сталина 1940–1950-х годов демонстрировали самые разные его ипостаси: вождь, вдохновляющий свой народ на победу с трибуны съезда (или Мавзолея); стратег, склонившийся над картой военных действий; «отец солдат», посещающий их в госпитале. Парадный портрет был призван представить Сталина еще в одной роли: в образе полководца. Причем не военачальника, который руководит вооруженными силами всего государства, а, скорее, в образе командующего воинскими формированиями во время конкретного сражения. В данном случае – во время битвы за Москву. На обоих упомянутых полотнах Сталин показан не в Кремле, не в Москве, не в тылу, а на открытом пространстве, недалеко (или даже в непосредственной близости) от линии фронта. Данная композиция отвечает всем канонам парадного портрета: герой представлен в полный рост, на переднем плане, в величественной позе. Рядом с вождем нет никого, сомаштабного ему, но за ним, где-то внизу видны люди, танки, пушки...

Подобный тип изображения не был изобретением советских авторов. Он хорошо известен по портретам императоров и полководцев Нового времени. В России пик его популярности пришелся на вторую половину XVIII – первую половину XIX столетия. Данная разновидность парадного портрета заимствована из европейского искусства. Многие его образцы созданы приглашенными иностранными художниками. Достаточно вспомнить работы Дж. Доу, Ф. Крюгера, Ф. Рисса.

Каноны жанра были устойчивыми и «требовательными»: автору предстояло ввести индивидуальные детали в достаточно жесткую схему. Она

предполагала изображение полководца в военной форме, с набором всех его орденов и медалей, стоящим в полный рост на фоне пейзажа, в глубине которого с разной степенью детализации были прописаны военные сцены. Данные сцены, несмотря на всю обобщенность изображения, должны указывать на «то самое» сражение, в котором герой одержал великую победу, благодаря которому он и удостоился чести быть представленным на полотне. По такой схеме созданы известнейшие парадные портреты: А.В. Суворова (Н.С. Фросте, 1833), М.И. Кутузова (Дж. Доу, 1829), М.Б. Баркляе-де-Толли (Дж. Доу, 1899), П.Х. Витгенштейна (Ф. Крюгер, 1844), П.А. Румянцева (Ф. Рисс, 1833) и многих других.

Главными же индивидуальными деталями, над которыми трудились авторы, становились: портретное сходство персонажа; его парадная форма, во всех деталях соответствующая историческим реалиям; полный набор орденов, наград, знаков отличия. Но, кроме того: военная сцена на заднем плане. На ней могло быть представлено само сражение, но не менее часто изображали сцены привалов, военных переходов, осмотров вражеских крепостей и так далее. Могло фигурировать несколько персонажей, но бывали представлены целые армии.

Как и в любом другом парадном портрете, весь антураж военного парадного портрета – это скомбинированный набор знаков, призванных рассказать о персонаже, сохранить для потомков память о нем как о великом полководце. Военные эпизоды, представленные на заднем плане, были, по сути, такими же знаками, элементами рассказа не о войне, а об исторической личности. Сочиненные художниками в тишине мастерских, они должны были дополнять рассказ о герое, наполнять «мужественными нотами» оду в его честь.

Казалось бы, в советском изобразительном искусстве подобный жанр был обречен на забвение. Так оно поначалу и было. В первые послереволюционные годы в соответствии с марксистско-ленинскими принципами история подавалась как борьба классов, противостояние общественных сил, где роль личности сведена к минимуму. Однако, как показал в своем исследовании Д. Бранденбергер [2], в советской культуре достаточно рано начались поиски способов совмещения исторического и автобиографического нарративов. Уже в 1920-х годах в советское искусство вернулся парадный портрет, а в 1930-х он стал одним из востребованных и распространенных жанров. Почетное место в длинной череде торжественных изображений занимали образы полководцев Гражданской войны (К.Е. Ворошилова, С.М. Буденного, Н.А. Щорса и др.).

Память неизменно подсказывала художникам образцы, на которые стоило ровняться: «Военная галерея Д. Доу в Эрмитаже навсегда оставила славу о русских героях войны 1812 года. Хотелось и нам видеть наших ге-

роев, прошедших тяжелые испытания Гражданской войной, голодом, холодом и лишениями, но все-таки увенчанных лаврами славы» [3]. Это слова из воспоминаний художника Н.Ф. Денисовского, много раз писавшего портреты советских военачальников. Но вслед за ними в мемуарах следует рассказ о том, как в 1940-м году он изобразил маршала С.М. Буденного: «в помещении, в полной парадной форме цвета морской волны, при орденах, с бриллиантовой звездой на шее и саблей, которая блестела» [3]. Герои прошедших войн изображались художниками в новом статусе – наркомы, маршалы, генералы. Поле битвы не имело к этому статусу никакого отношения. В итоге произошло разделение их визуальных репрезентаций на две большие группы: либо батальное полотно, представлявшее героическое прошлое, либо парадный портрет вне всяких батальных аллюзий, отражавший статусное настоящее.

Ситуация кардинально изменилась в последние годы Великой Отечественной войны, когда славу военачальникам приносили победы в сражениях. Правда, отныне все победы были связаны в первую очередь с именем Сталина, который к тому же обнаруживал большое желание быть представленным в образе полководца, присутствовавшего на поле боя, изучавшего обстановку на месте, направлявшего ход сражения. Оказалось, что старый жанр хорошо справляется с этими задачами, параллельно придавая образу необходимые возвышенно-патетические интонации.

В итоге в живописи (быть может, совершенно неосознанно для самих художников) стали возрождаться давно забытые традиции военного парадного портрета. «Заработала» так называемая «память жанра», когда в каноническую форму отливается схожий набор мировоззренческих установок.

Литература

1. *Добренко, Е. А.* Визуальные стратегии репрезентации войны в советском художественно-документальном кино эпохи позднего сталинизма / Е. А. Добренко // ПРАΞИМА. – 2015. – № 4 (6). – С. 28–46.
2. *Бранденбергер, Д.* Кризис сталинского агитпропа: пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941 / Д. Бранденбергер. – Москва : Политическая энциклопедия, 2017. – 367 с.
3. *Колесникова, Л. Е.* История трех портретов С. М. Буденного / Л. Е. Колесникова. – Текст : электронный // Военно-исторический журнал. – 2017. – URL: <http://history.ric.mil.ru/Stati/item/118852/> (дата обращения: 12.12.2019).

**«МАОИЗМ В КИЛЬВАТЕРЕ У НАТО»:
ОБРАЗ КНР В СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ
1977–1985 ГОДОВ**

Червяков Руслан Юнадиевич

Магистрант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия

tcherviakov.ruslan@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме восприятия Китая советскими карикатуристами в 1970–1980-е годы. Напряженность в советско-китайских отношениях нашла отражение на страницах наиболее влиятельного сатирического издания СССР, журнала «Крокодил», где публиковалось большое количество материалов, связанных с событиями международной жизни. Китайцев изображали агрессивными гегемонистами и противниками сил прогресса. Образ в целом комичен, поэтому его пропагандистская сила невелика.

Ключевые слова: Китай; карикатура; образ врага; имагология; журнал «Крокодил»; советская идеология; Дэн Сяопин.

**«MAOISM IN THE WAKE OF NATO»:
THE IMAGE OF CHINA IN THE SOVIET POLITICAL CARICATURE
1977–1985**

Chervyakov Ruslan Yunadievich

Master student

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

tcherviakov.ruslan@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the question of the perception of China by Soviet cartoonists in the end of 1970s – 1980s. Tensions in Soviet-Chinese relations are reflected on the pages of the most influential satirical publication of the USSR, the magazine Crocodile, published a large number of materials related to the events of international life. The image of the Chinese as a whole is comical, so its propaganda power is small.

Keywords: China; caricature; image of the enemy; imagology; Crocodile magazine; Soviet ideology; Deng Xiaoping.

Отношения с Китайской Народной Республикой после смерти Мао Цзэдуна в 1976 году не претерпели существенных изменений [1, с. 534–558]. В карикатуре со всей очевидностью проводится идея о том, что ревизионизм толкнул КНР в сторону сил мировой реакции. Карикатура Бориса Ефимова «“Почтовые голуби” противников разрядки» [2] показывает, как на поклон пекинской утке летят ее друзья-стервятники. В своих когтистых лапах они держат чемоданчики с именными наклейками: «Тэтчер» (тогда лидер консервативной партии Великобритании), «Джексон» (член Конгресса США, соавтор поправки Джексона–Вэника, ограничившей торговлю с СССР), «Штраус» (лидер ХСС, известный своими антисоветскими выпадами). Пекинские утки явно рады гостям, их клювы раскрываются в улыбках перед заламывающим характерную баварскую шапочку Штраусом. Образ утки в карикатуре имеет двойное значение: с одной стороны, это символ Китая (по названию блюда «утка по-пекински»), а с другой стороны – символ лжи, обмана и клеветы (от образного выражения «газетная утка», которыми пестрит «желтая пресса»). Очень редко Китай сравнивался с драконом [3], поскольку дракон ассоциировался с силой и мощью. Однако бывали случаи, когда Китай показывался не настоящим, а карнавальным драконом [4].

Продолжает историю дружбы Китая и США карикатура М. Абрамова «Дацзыбао Джексона» [5], удачно объединившая в себе китайскую форму и американское содержание. На рисунке изображен тот же сенатор Г. Джексон, который под покровом ночи решил расклеить дацзыбао (стенгазету) со стилизованными под иероглифику надписями «Советская угроза», «Против разрядки», «Гонка вооружений» и «Антисоветизм» на улицах Вашингтона. В поясняющей надписи указывается, что сенатор «с восторгом отзывается об антисоветской внешней политике Пекина».

Руководители Китая прекрасно чувствуют себя в компании сил мировой реакции. На карикатуре «Приняли в свой круг» [6] радостный китаец в очках, кепке и френче приплясывает в хороводе новых друзей, среди которых мы видим натовского генерала, полудаму-полуптицу с зонтиком в виде нейтронной бомбы («Холодная война»), того же лидера ХСС Ф. Й. Штрауса и более «мелких» деятелей – Яна Смита, Форстера и Пиночета. Судя по атрибутам друзей (плетка, наручники, пистолет, топор, дубинка) ничего хорошего они не затевают. Китайский же товарищ пока безоружен, у него есть только флажки с надписями «Антисоветизм!!! Антикоммунизм!!! Против разрядки!!!» и «Великодержавный гегемонизм».

Серия карикатур посвящена военной помощи Китаю со стороны НАТО. На рисунке В. Жаринова «Опасным курсом» [7] человек в характерной одежде с надписью «Пекин» на спине катается по водной глади на водных лыжах. В качестве лыж он использует атомные боеголовки, а в ка-

честве буксира используется авианосец с флагом НАТО на борту. Курс действительно не предвещает ничего хорошего, ведь любой удар о воду может не только привести к детонации «лыж», да еще и возжеленная цель всегда будет находиться на почтительном расстоянии. Перепечатка этого рисунка в виде плаката содержала следующие стихи: «Маоизм – в кильватере у НАТО /Надо помнить, чем сие чревато!»

Той же теме посвящена карикатура «Новый покупатель» [8], изображающая заигрывания китайского лидера Дэн Сяопина с руководством НАТО. Китайский лидер изображен в образе дородной женщины, гуляющей по рынку с маленьким кошелечком и корзинкой. В корзинке уже лежит одна бомба, однако «покупательница» присматривается к товару других продавцов. За прилавком, на котором большими буквами выбито *НАТО*, стоят военные, наспех накинувшие платки и халаты. Некоторые из них одеты еще в нацистскую форму, намек на то, что в командовании Североатлантического альянса работают бывшие гитлеровские генералы. В целом карикатура проникнута духом благодушного юмора. Д. Сяопин не лишен приятности и доброты, поэтому нельзя сказать однозначно, что карикатура имеет антикитайский характер.

Свою военную программу китайское руководство объясняет существующей «угрозой с Севера», то есть возможностью нападения Советского Союза. Лживость и безосновательность этих суждений поясняет карикатура Марка Абрамова «Новая роль пекинской утки» [9]. На рисунке залатанная со всех сторон пекинская утка тащит на себе огромную повозку, в которой сидит человек в кепочке и френче. В повозке – огромное количество ракет, ружей и бомб. Утка, на брюхе которой написано «Угроза с Севера», изо всех сил пытается тянуть непосильный груз, однако и она не в силах довести пассажира до пункта назначения, потому что у телеги начинает спускаться колесо и она вот-вот опрокинется на обочину дороги, на которой написано: «Гонка вооружений».

Однако счастливый конец неизбежен. Оптимизм по поводу возвращения Китая в лоно социалистических стран выражает рисунок Бориса Ефимова «Гремят в Пекине барабаны...» [10], на которой маленький китаец, похожий на Дэн Сяопина, поочередно бьет в барабаны, на которых написано «Всегда высоко держать и решительно защищать знамя председателя Мао!!!» и «Конец фашистской диктатуры “банды четырех”!». Маленький китаец стоит на деревянной колодке, в которую закован большой китаец, олицетворяющий весь китайский народ. Кажется, еще чуть-чуть – и он сбросит угнетателя со своих плеч, его кулаки сжаты от злобы, он сейчас разломит оковы маоизма и пойдет в светлое будущее.

Образ Китая на страницах «Крокодила» в целом соответствовал установке на умеренную критику. Во-первых, критиковалась ориентация КНР

на США и НАТО и вытекающая отсюда поддержка «реакционных» режимов в Азии; а во-вторых, их пропагандистские кампании против СССР. Человечек с раскосыми глазами в кепочке и френче изображается незадачливым дурачком, которому раз за разом не удается воплотить свои планы в жизнь. Несмотря на высокое художественное исполнение и актуальность сюжетов, карикатура не исполняла свою важнейшую функцию – мобилизующую. В связи с этим образ становится мультипликационной картинкой и перестает быть орудием пропаганды.

Литература

1. *Борисов, О. Б.* Советско-китайские отношения, 1945–1980 / О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. – Москва : Мысль, 1980. – 639 с.
2. *Ефимов, Б. Е.* «Почтовые голуби» противников разрядки / Б. Е. Ефимов // Крокодил. – 1977. – № 18. – С. 16.
3. *Черепанов, Ю. А.* Лапы прочь от Вьетнама! / Ю. А. Черепанов // Крокодил. – 1979. – № 8. – С. 11.
4. *Милутка, Е. А.* Современный танец с драконом / Е. А. Милутка // Крокодил. – 1979. – № 12. – С. 16.
5. *Абрамов, М. А.* Дацзыбао Джексона / М. А. Абрамов // Крокодил. – 1978. – № 13. – С. 12.
6. *Ефимов, Б. Е.* Приняли в свой круг / Б. Е. Ефимов // Крокодил. – 1978. – № 25. – С. 12.
7. *Жаринов, В. П.* Опасным курсом / В. П. Жаринов // Крокодил. – 1978. – № 23. – С. 11.
8. *Крылов, А.* Новый покупатель / А. Крылов // Крокодил. – 1979. – № 12. – С. 16.
9. *Абрамов, М. А.* Новая роль пекинской утки / М. А. Абрамов // Крокодил. – 1978. – № 26. – С. 10.
10. *Ефимов, Б. Е.* Гремят в Пекине барабаны... / Б. Е. Ефимов // Крокодил. – 1978. – № 28. – С. 12.

**ПЕРВЫЕ «ДОКТОРЕССЫ» ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ
В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ САЙТОВ TWITTER И FIND A GRAVE)**

Зюмова Валерия Юрьевна

Магистрант

Ярославский университет им. П.Г. Демидова

Ярославль, Россия

nodolatte@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена отражению в современной культурно-исторической памяти образов женщин, первыми получивших в Великобритании право открыть медицинскую практику – Элизабет Блэкуэлл (1821–1910) и Элизабет Гарретт (1836–1917). За основу исследования были взяты интернет-источники – материалы таких сайтов, как Twitter и Find A Grave: была рассмотрена частота публикаций и их основная тематика.

Ключевые слова: Элизабет Блэкуэлл; Элизабет Гарретт Андерсон; культурно-историческая память; викторианская эпоха; Twitter; Find A Grave.

**FIRST 'DOCTRESSES' OF VICTORIAN ENGLAND
IN COLLECTIVE MEMORY AND CULTURAL HISTORY
(BASED ON WEBSITES TWITTER AND FIND A GRAVE)**

Ziumova Valeriia Yurievna

Master student

Demidov Yaroslavl State University

Yaroslavl, Russia

nodolatte@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the reflection in the modern cultural and historical memory of the images of women who were the first to receive the right to open medical practice in Great Britain – Elizabeth Blackwell (1821–1910) and Elizabeth Garrett (1836–1917). The study was based on Internet sources, such as materials from websites Twitter and Find A Grave. The frequency of publications and their main topics were examined.

Keywords: Elizabeth Blackwell; Elizabeth Garrett Anderson; collective memory; cultural history; Victorian era; Twitter; Find A Grave.

В Великобритании конца 1850 – начала 1860-х гг. женщины были практически отстранены от занятия медициной. Первой женщиной, внесенной в регистр квалифицированных врачей Великобритании, стала Элизабет Блэуэлл, получившая степень в Соединенных Штатах Америки в 1849 г. [1, р. 171]. В сентябре 1865 г. лицензия на занятия медицинской практикой была выдана Элизабет Гарретт, изучавшей дисциплины в частном порядке [2, р. 95]. Память о достижениях Блэуэлл и Гарретт, как первопроходичах в сфере женского образования, чтится на Западе (прежде всего, конечно, в Великобритании и США) и сегодня. Целью статьи является анализ следа, оставленного этими дамами в современной культурно-исторической памяти. В условиях современного мира эту проблему легче всего рассмотреть через призму интернет-ресурсов, поэтому в качестве источников были использованы материалы сайтов Twitter и Find A Grave за 2002–2019 гг.

Тематика сайта Find A Grave – поиск различных захоронений, также у пользователей есть возможность «возложить цветы» и оставить комментарии. У обеих Элизабет на этом интернет-ресурсе существуют страницы. Анализ комментариев представлен в виде таблицы:

Таблица

Критерии	Элизабет Гарретт Андерсон	Элизабет Блэуэлл
«Возложено цветов»	117	330
Из них с комментариями	27 => 22,9%	110 => 33,3%
Хронологические рамки	10.06.19-8.10.2002, создано 6.10.2002	1.06.2019-30.04.2002, создано 27.04.2002
Годовщина рождения/смерти	10	51
Благодарности	2	8

Из данных таблицы можно сделать вывод, что об Элизабет Блэуэлл вспомнило большее число пользователей. Что касается комментариев, не учтенных в графах «Годовщина» и «Благодарности», то они представляют собой благословления, комплименты и т.п. Например, для Блэуэлл: «Дорогая Элизабет! Спустя сто лет после того, как вы получили диплом врача, я родилась в июне 1949 года в бедной семье в отдаленном уголке Индии. Вы боролись и проложили путь, и поэтому я смогла стать врачом. Я всегда буду вам очень благодарна» (02.06.2008) [3]. Для Элизабет Гарретт: «Вы были решительны и упорны в те времена, когда изучение женщинами ме-

дицины не поощрялось, и в профессии доминировали мужчины» (07.09.2009) [4].

Второй площадкой, где проводился сбор материалов для исследования, стала социальная сеть Twitter – ее отличительной особенностью являются короткие сообщения в 140 (позднее 280) символов. Анализ публикаций в Twitter также показал интересные результаты. Прежде всего, все материалы можно разделить на несколько групп: 1) #OnThisDay; 2) «Вдохновительницы»; 3) Личные истории. К первой группе источников относятся публикации, посвященные памятным датам в жизни обеих женщин. Большинство таких публикаций носит однотипный фактологический характер и оставлено аккаунтами официальных организаций: университетов, больниц и т.д. В качестве примера можно привести твит с аккаунта американского канала HISTORY: «В #ЭтотДеньВИстории в 1849 году Элизабет Блэкуэлл была присвоена степень доктора медицины в Женевском колледже, штат Нью-Йорк – так она стала первой женщиной, официально признанной врачом в #ИсторияСША» [5].

Материалы из второй группы более интересны: они отражают личные впечатления пользователей. Большое количество авторов отзывалось об обеих героинях как источниках мотивации. В частности, одна пользовательница назвала Блэкуэлл «любимой женщиной в истории на этой неделе» [6]. Внимания заслуживает и другой твит, восторженный тон которого прослеживается вполне ясно: «Что сделала Элизабет Блэкуэлл, когда ни один медицинский колледж не принимал женщин? Создала свой! Элизабет Блэкуэлл выслушивала оскорбления, подвергалась дискриминации и преодолевала серьезные препятствия на пути к тому, чтобы стать врачом» [7].

Третья группа еще интереснее второй: в этой категории пользователи Twitter рассказали о влиянии Блэкуэлл и Гарретт на их жизни. Так, дочь пользовательницы ClaireAldridge неоднократно выбирала Элизабетт Блэкуэлл в качестве любимого исторического персонажа [8]. Большая часть историй посвящена умершим родственникам, занимавшимся медициной. В качестве примера можно привести твит, автор которого рассказывает, как ее бабушка со своими сестрами, мать и тетка пошли по стопам Элизабет Гарретт, и благодарит последнюю за эту возможность [9]. Другая пользовательница выразила благодарность Блэкуэлл за то, что у ее двоюродной бабушки появилась возможность стать хирургом в 1905 году [10].

Можно сделать следующие выводы. Во-первых, обе героини довольно известны в Великобритании и Соединенных Штатах – даже детям (об этом говорят различные публикации в Twitter). Во-вторых, комплекс публикаций на обоих сайтах практически полностью англоязычный, на других языках (кроме испанского) материалов не встречается. В-третьих, из анализа источников складываются вполне определенные образы: успешные женщины,

упорно преодолевавшие все трудности из любви к своему делу. Можно сказать, что таким и является след, оставленный Элизабет Блэкуэлл и ее тезкой Гарретт в культурно-исторической памяти.

Литература

1. *Carpenter, M. W. Health, Medicine, and Society in Victorian England / M. W. Carpenter.* – London : Praeger, 2010. – 214 p.

2. Women as Physicians // *The Victoria Magazine.* – 1865. – № 11. – 95 p.

3. Flowers for Dr Elizabeth Blackwell – Find A Grave Memorial. – Text : Electronic // Find A Grave. – URL: <https://www.findagrave.com/memorial/6373813/elizabeth-blackwell/flower> (дата обращения: 5.12.2019).

4. Flowers for Dr Elizabeth Garrett Anderson – Find A Grave Memorial. – Text : Electronic // Find A Grave. – URL: <https://www.findagrave.com/memorial/6826018/elizabeth-anderson/flower> (дата обращения: 5.12.2019)

5. *HISTORY (@HISTORY)*, 23.01.2019. – URL: <https://twitter.com/HISTORY/status/1088101319615877121> (дата обращения: 5.12.2019). – Text : Electronic

6. *Jennifer Macmillan (@macmillanisms)*, 01.11.2016. – URL: <https://twitter.com/macmillanisms/status/793408043367096320> (дата обращения: 5.12.2019). – Text : Electronic

7. *Jennifer Nettles (@JenniferNettles)*, 16.03.2019. – URL: <https://twitter.com/JenniferNettles/status/1107010955660181505> (дата обращения: 5.12.2019). – Text : Electronic

8. *ClaireAldridge (@ClaireAldridge2)*, 10.06.2018. – URL: <https://twitter.com/ClaireAldridge2/status/1005810307397246976> (дата обращения: 5.12.2019). – Text : Electronic

9. *Professor Catherine Loveday (@CathLoveday)*, 17.12.2018. – URL: <https://twitter.com/CathLoveday/status/1074568429481443329> (дата обращения: 5.12.2019). – Text : Electronic.

10. *Pearson's Grandmama (@MaJay_VA)*, 04.02.2018. – URL: https://twitter.com/MaJay_VA/status/959961392030932992 (дата обращения: 5.12.2019). – Text : Electronic.

**АМЕРИКАНСКИЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ АЛЯСКИ
В ОТРАЖЕНИИ КАЛИФОРНИЙСКОЙ ПРЕССЫ 70-х гг. XIX в.**

Егорова Юлия Сергеевна

*Доцент, кандидат исторических наук
Вологодский государственный университет*

Вологда, Россия

ysegorova@mail.ru

Полищук Игорь Маркович

Журналист-международник

Сан-Франциско, США

journoip@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена отражению проблемы переходного периода истории Аляски в калифорнийской прессе. В начале 70-х гг. XIX в. на страницах газет печатались заметки о политической ситуации на Аляске после 1867 г. Самым обсуждаемым был вопрос о статусе этой территории в составе США.

Ключевые слова: Калифорнийская пресса, Аляска, Ситка, Сан-Франциско, российское наследие.

**THE AMERICAN PERIOD OF ALASKA IN THE REFLECTION
OF CALIFORNIA NEWSPAPERS IN THE 70 YEARS
OF XIX CENTURY**

Egorova Yulia Sergeevna

The Associate Professor, Ph.D. of Historical Sciences,

Vologda State University

Vologda, Russia

ysegorova@mail.ru

Polishchu Igor Markovich

International journalist

San Francisco, USA

journoip@gmail.com

Abstract. The article focuses on the reflection in California newspapers the period in history of Alaska after Alaska Purchase. In the early 70's of the XIX century, newspapers published notes about the political situation in Alaska. The

most discussed issue was a question about legal status of this territory within the United States.

Keywords: California Newspapers, Alaska, Sitka, San Francisco, Russian heritage.

В 1867 г. на Аляске был спущен российский триколор и поднят американский флаг. Российско-американская компания просуществовала до 1871 г., занимаясь реорганизацией своих дел. С 1867 г. Аляска находилась в ведении военного министерства США. Для удовлетворения духовных нужд православных жителей Аляски в 1870 г. была создана Алеутская епархия русской православной церкви.

В первое десятилетие после продажи Аляски калифорнийская пресса живо обсуждала переходный статус этой территории. Анализ газет за первое десятилетие существования бывших российских владений в составе США позволит осмыслить состояние общественного мнения Калифорнии по вопросу обретения нового статуса Аляски в составе США. В качестве источников были выбраны местные газеты за период с 1870 по 1879 гг. Среди них: «Сакраменто Дейли Юнион» (Sacramento Daily Union), «Дейли Алта Калифорния» (Daily Alta California), «Лос Анжелес Гералд» (Los Angeles Herald) и «Монинг Пресс» (Morning Press). Выбор газет обусловлен тем, что в рассматриваемый период они были самими читаемыми газетами в Калифорнии. Кроме того, благодаря морскому транспортному сообщению жители Калифорнии регулярно получали новости из Ситки.

Спустя три года после продажи Аляски пресса обсуждала вопрос о политическом статусе приобретенной территории. В марте 1870 г. «Дейли Алта Калифорния» опубликовала статью из «Нью-Йорк Таймс» (The New York Times), посвященную полемике вокруг статуса Аляски. В частности, газета критично отнеслась к идее создания на Аляске отдельного гражданского правительства: «Создание такого правительства для шести десятков избирателей и двенадцати десятков граждан было бы излишним, нелепым и безрассудно экстравагантным» [1]. Автор заметки явно иронизирует, высказываясь о таком правительстве как о продолжении политики Халлека¹.

На страницах газет поднимался вопрос по поводу обретения белым населением Ситки нового социального статуса. «Монинг Пресс» предлагала разделить все белое население самого крупного поселения Аляски на три класса. К первому классу относятся «...очень немногие достойные уваже-

¹ Речь идет о Генри Уэджере Халлеке (1815–1872) – офицере армии США, получившем прозвище «старые мозги» за излишнее внимание к теории ведения военных действий и увлеченность строительством оборонительных укреплений во время войны.

ния люди, заслуживающие спасения...» [2]. О русских и креолах американское правительство вынуждено заботиться согласно договору о продаже Аляски [2]. Кроме того, серьезную угрозу для населения Аляски представляли евреи, которые продавали спиртное индейцам и морякам, тем самым усугубляя ситуацию в Ситке [2].

«Дейли Алта Калифорния» видит коммерческую выгоду в приобретении Аляски, так как теперь шкурки морских котиков будут доставляться в Сан-Франциско законным путем, а не контрабандой в Британскую Колумбию, как это было ранее [3]. Автор заметки полагает, что «справедливые законы – это лучшее лекарство для территории, пораженной шпионами» [3]. В покупке Аляски виделась польза для торговцев: «теперь они будут жить в мире, так как отныне их конкуренция будет осуществляться в рамках закона» [3].

О российских жителях Аляски «Дейли Алта Калифорния» иронично сообщает, что «до уступки территории многие из них были офицерами и писарями на службе у российского правительства, получали большие оклады и командовали, но подчинялись. Изменения отразились на их мечтах и привели их к тяжелой работе, но теперь они могут вести промысел лосося, пилить дрова, работать на пристани или заниматься любым другим физическим трудом, как те, кто родился там. Они принимают ситуацию и извлекают из нее максимум пользы» [3]. Газета также сообщала, что в Ситке с 1871 г. уже существует крупный промысел лосося, который контролируется одной из американских компаний (J. Mora Moss & Co). Газета информирует, что компания наняла на работу 50 россиян и «находит их хорошими и активными работниками» [3].

С 1874 г. на страницах газет появляются большие по объему заметки, посвященные ресурсному потенциалу Аляски и индейскому вопросу. «Сакраменто Дэйли Юнион» сообщает о важных перспективах хозяйственного освоения Аляски. В частности, 19 октября 1868 года была основана Аляскинская коммерческая компания, которая получила от государства на 20 лет возможность осуществлять бельковый промысел и ловлю рыбы. В статье говорится, что «промысел тюленей полностью выполняется алеутами, которым платят по 40 центов за шкуру. Школы, аренда жилья и медицинское обслуживание, а также топливо, рыба и соль предоставляются работникам бесплатно. Вдовы и сироты содержатся за счет средств компании» [4].

«Лос Анжелес Геральд» информировала, что при покупке Аляски правительство США получило «золотую жилу», так как здесь можно осуществлять промысел тюленей и добывать уголь. Однако все водные ресурсы находятся под контролем Аляскинской коммерческой компании [5]. Автор заметки полагает, что правительство США обязано защищать интересы американцев: «Правительство Соединенных Штатов приобрело территорию Аляски в качестве общей собственности всего народа и заплатило за

нее из общей казны» [5]. Газета также информирует, что из-за деятельности Аляскинской компании жители материковой части Аляски и островов «низведены до состояния жалкого рабства сотрудниками упомянутой частной корпорации и должностными лицами Соединенных Штатов, проживающими среди них. ...Контроль над Аляской со стороны Аляскинской коммерческой компании является произволом, нарушением прав каждого американского гражданина, и особенно наносит ущерб Тихоокеанскому побережью» [5]. «Дейли Алта Калифорния» называет Аляску Гипербореей и иронично информирует, что «на Аляске, где народ прежде находился под властью «гуманной системы», господствовавшей при русском правлении, народ приветствовал бы гражданское правительство» [6].

Со второй половины 1870-х гг. на страницах газет появляются тревожные сообщения о беспорядках в Ситке. «Монинг Пресс» в сентябре 1877 г. сообщала о том, что «в настоящее время в Ситке проживает не более пятнадцати белых жителей, не считая их жен и детей, и они фактически беззащитны перед сотнями индейцев» [7]. Индейцы – как сообщает газета – ведут себя агрессивно: употребляют в больших количествах алкоголь и совершенно не уважают прав белых [7]. «Монинг Пресс» информировала, что индейцы разграбили не только правительственное здание Ситки, но и сожгли частокол вокруг опустевшего гарнизона [7]. Отмечается, что правительство совершенно бездействует, и Ситка находится на грани разорения. «Сакраменто Дейли Юнион» в марте 1879 г. уже достаточно резко высказывается в адрес американского правительства, которое «питает полное безразличие к судьбе собственных граждан» [8].

Таким образом, покупка Аляски вызвала отклик в калифорнийской прессе. Граждане Северо-Американских Соединенных Штатов видят значительный экономический потенциал в освоении этой территории. Кроме того, в общественном сознании американцев Аляска явно воспринимается как государственная территория, поэтому правительство обязано защитить интересы белого населения бывших российских владений. С другой стороны, вопрос о политическом статусе Аляски являлся дискуссионным.

Литература

1. Daily Alta California, Volume 22, Number 7284, 1 March 1870. – URL: <https://cdnc.ucr.edu/?a=d&d=DAC18700301.2.1&srpos=5&e=-----en--20--1--txt-txIN-7284-----1> (дата обращения: 28.02.2020). – Text : Electronic.
2. Morning Press, Volume VIII, Number 10, 7 August 1879. – URL: <https://cdnc.ucr.edu/?a=d&d=MP18790804.2.8.2&e=-----en--20--1--txt-txIN-----1> (дата обращения: 28.02.2020). – Text : Electronic.

3. Daily Alta California, Volume 23, Number 7772, 3 July 1871. – URL: (<https://cdnc.ucr.edu/?a=d&d=DAC18710703.2.8&e=-----en--20--1--txt-txIN-----1>) (дата обращения: 28.02.2020). – Text : Electronic.

4. Sacramento Daily Union, Volume 46, Number 7097, 1 January 1874. – URL: (<https://cdnc.ucr.edu/?a=d&d=SDU18740112.2.25.2&e=-----en--20--1--txt-txIN-----1>) (дата обращения: 28.02.2020). – Text : Electronic.

5. Los Angeles Herald, Volume 4, Number 8, April 1875. – URL: (<https://cdnc.ucr.edu/?a=d&d=LAH18750404.2.1&srpos=21&e=-----en--20--21--txt-txIN-Los+Angeles+Herald%2c+Volume+4-----1>) (дата обращения: 28.02.2020). – Text : Electronic.

6. Daily Alta California, Volume 28, Number 9402, 22 January 1876. – URL: (<https://cdnc.ucr.edu/?a=d&d=DAC18760122.2.41&e=-----en--20--1--txt-txIN-----1>) (дата обращения: 28.02.2020). – Text : Electronic.

7. Morning Press, Volume VI, Number 103, 25 September 1877. – URL: (<https://cdnc.ucr.edu/?a=d&d=MP18770924.2.20.1&e=-----en--20--1--txt-txIN-----1>) (дата обращения: 28.02.2020). – Text : Electronic.

8. Sacramento Daily Union, Volume 8, Number 15, 19 March 1879. – URL: (<https://cdnc.ucr.edu/?a=d&d=SDU18790815.2.15&e=-----en--20--1--txt-txIN-----1>) (дата обращения: 28.02.2020). – Text : Electronic.

УДК 94(470)

ЕВГЕНИЙ РОДИОНОВ КАК СОБИРАТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ СОЛДАТА ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЫ: ОСОБЕННОСТИ ПОЧИТАНИЯ

Егорская Яна Владиславовна

Магистрант

Институт международных отношений и мировой истории

Университета им. Н.И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

yanayegorskaya@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается личность Евгения Родионова как собирательный образ солдата, погибшего в ходе Чеченского внутреннего вооруженного конфликта. Статья демонстрирует, что история Евгения Родионова выходит за пределы социальной группы участников конфликта, а практики почитания носят как светский, так и религиозной характер, что является основной особенностью почитания памяти солдата.

Ключевые слова: Евгений Родионов; Чеченская война; коммеморация; патриотизм; святость.

YEVGENY RODIONOV AS COLLECTIVE IMAGE OF CHECHEN WAR SOLDIER: FEATURES OF COMMEMORATION

Egorskaya Yana Vladislavovna

Master student

Institute of International Relations and World History

University named after N.I. Lobachevsk

Nizhny Novgorod, Russia

yanayegorskaya@mail.ru

Abstract. The article studies the personality of Yevgeny Rodionov as a collective image of a soldier died during the Chechen war. The article demonstrates that the history of Yevgeny Rodionov goes beyond the social group of participants in the conflict while the commemoration practices take both secular and religious nature, which is the main feature of the soldier's commemoration.

Keywords: Yevgeny Rodionov; Chechen war; commemoration; patriotism; Holiness.

Любой военный конфликт неизбежно влечет за собой насильственную гибель людей. Почитание погибших поощряется и поддерживается, с одной стороны, государством или иным политическим актором (народное движение, террористическая организация и др.), интересы которого отстаивали погибшие воины. В этом случае почитание павших воинов и невинно пострадавших мирных жителей является способом подчеркнуть важность действий всех и каждого из тех, кто внес свой вклад в проведение военных действий. Соответственно, при успешном исходе военной кампании, погибшие возводятся в ранг героев и их почитание может принимать национальный характер, ярким примером чего является почитание героев Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

С другой стороны, почитание погибших возникает и практикуется «снизу» и без институционального поощрения. Несомненно, каждый из погибших имел близких людей: семью, коллег, друзей, соседей – поэтому такой стихийный характер почитания есть стремление знавших погибшего людей объяснить значимость его подвига и доказать себе, что преждевременная насильственная смерть не была напрасна.

Наиболее кровопролитным вооруженным конфликтом постсоветской эпохи, проходившим на территории нашей страны и прямо затронувшем ее национальные интересы, являлся Чеченский вооруженный внутренний конфликт. В результате конфликта федеральным войскам России удалось отстоять территориальную целостность страны и добиться стабилизации

ситуации в регионе, за что была заплачена высокая цена. По различным данным, число жертв варьируется от шести (по данным статистического исследования «Россия и СССР в войнах XX века») до четырнадцати тысяч человек (данные Комитета солдатских матерей).

Почитание погибших в Чеченском конфликте на государственном уровне до сих пор не приобрело общенационального характера. Тем не менее, многие участники боевых действий были представлены к государственным наградам посмертно, в их честь называют улицы, скверы и парки в разных уголках страны, а родственники погибших имеют право на получение дотаций и льгот от государства.

Основная инициатива сохранения памяти о конфликте исходит от групп гражданского общества. Основными практиками почитания являются: открытие памятников погибшим солдатам, создание онлайн-сообществ для сохранения и распространения воспоминаний об исторических событиях и др. В основном почитание жертв вооруженного конфликта ограничено социальной группой людей, непосредственно участвовавших в кампании, а также их близких и родственников [1]. Таким образом, коммеморационные практики жертв конфликта имеют внутригрупповой интеграционный характер.

В то же время личность молодого солдата-пограничника Евгения Александровича Родионова (1977–1996) является исключением из правила. История его гибели вышла за пределы среды участников военных действий и стала известна многим людям как в нашей стране, так и за рубежом. Его имя стало собирательным образом солдата Чеченской войны.

Можно утверждать, что образ Евгения Родионова был по-разному воспринят в различных социальных группах. Некоторые люди увидели в лице в Евгении героя войны, славно продолжающего традицию молодых героев Советского Союза. Поскольку в Чеченском вооруженном конфликте имели место и религиозные противоречия, то православные верующие увидели в трагической гибели Евгения подвиг первых христиан-мучеников, пострадавших от рук неверных [2]. Таким образом, мы считаем целесообразным подразделить практики почитания Евгения Родионова на «светские» и «религиозные».

Говоря о коммеморационных практиках светского характера, следует отметить, что личность Евгения Родионова берется как моральный императив, пример бескорыстной любви к Родине. Биографию молодого солдата разбирают на уроках патриотизма в общеобразовательных школах; организуются спортивные соревнования имени Евгения Родионова в различных видах спорта, таких как мини-футбол, дзюдо, самбо; история жизни Евгения находит отражение и в искусстве: он становится героем рассказов, стихов, баллад, картин и т.д.

На настоящий момент доминирующими являются религиозные практики почитания, в рамках которых личность Евгения возводится в ранг святого, несмотря на отсутствие официального одобрения со стороны Русской Православной Церкви. Почитание воина совершается как почитание православного святого, то есть совершаются паломничества к месту гибели и к месту захоронения Евгения; при храмах создают памятные таблицы; в честь мученика Евгения строятся храмы и часовни; его лик изображают на иконах; отправляющиеся на военные действия обращаются к нему в молитвах и др.

Таким образом, личность Евгения Родионова является собирательным образом солдата, погибшего во время Чеченского внутреннего вооруженного конфликта. Его коммеморация, в отличие от остальных погибших солдат, вышла за пределы социальной группы участников военных действий. Коммеморационные практики приобрели как светский, так и религиозный характер, что и является основной особенностью почитания памяти солдата.

Литература

1. *Горюшина, Е. М.* Рядовой бесславной войны: интервью с участником зимнего штурма Грозного 1994 г. / Е. М. Горюшина. – Текст : электронный // Новое прошлое / The New Past. – 2019. – № 1. – С. 238–268. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38577807> (дата обращения: 28.02.2020).

2. *Юрьев, Ю.* Русский мученик / Ю. Юрьев. – Текст : электронный // Завтра. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38577807> (дата обращения: 28.02.2020).

СЕКЦИЯ № 6. ЧЕЛОВЕК В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(44)

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ХАРАКТЕРА РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАЗДНИКА ВО ФРАНЦИИ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

Сидоренкова Анастасия Владимировна

Студент

Вологодский государственный университет

Вологда, Россия

nastyal2398@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности революционных праздников во Франции XVIII века. Обозначены отличительные признаки официальных, народных, провинциальных праздников в период от крушения Старого порядка до термидорианской эпохи, выделены ключевые идеи торжеств, определены идеологические мотивы проведения мероприятий, обозначена символика и обрядные действия революционных праздников.

Ключевые слова: аккультурация; национальный праздник; народный праздник; праздничная культура; Старый порядок; сословная иерархия.

TO THE PROBLEM OF THE EVOLUTION OF THE CHARACTER OF THE REVOLUTIONARY HOLIDAY IN FRANCE OF THE END OF THE XVIII CENTURY

Sidorenkova Anastasia Vladimirovna

Student

Vologda State University

Vologda, Russia

nastyal2398@list.ru

Abstract. The article discusses the features of revolutionary holidays in France of the XVIII century. The distinguishing features of official, national, provincial holidays in the period from the collapse of the Old Order to the Thermidorian era are highlighted, key ideas of celebrations are analysed.

Keywords: acculturation, national holiday, folk holiday, holiday culture, Old Order, class hierarchy.

Революционные процессы, происходившие во Франции XVIII века, на протяжении длительного времени привлекали внимание многих ученых и исследователей. В отечественной научной литературе в основном изучаются политические и социально-экономические аспекты французской революции, при этом не всегда уделяется должное внимание культурным явлениям, например, изучению праздничной культуры, являющейся важным звеном в понимании истории повседневности. Цель данной статьи – изучить характер революционных праздников, организованных и проведенных в эпоху так называемой «восходящей фазы» французской революции: от крушения Старого порядка до термидорианского переворота (1789–1794 гг.).

Праздники Старого порядка, безусловно, являлись фундаментом французской праздничной культуры XVIII века в целом, отражая наиболее устойчивые тенденции праздничных основ, складывавшихся на протяжении нескольких столетий. Можно выделить следующие особенности данных праздников. Во-первых, «монархия Старого порядка не знала такого явления как национальный праздник» [1, с. 75], так как накануне революции Франция представляла собой «разрозненное расселение людей, которые, живя в одной провинции, мало знали людей другой» [2, с. 131]. Во-вторых, все торжественные мероприятия проводились единожды и связывались непосредственно с какими-либо текущими событиями: например, открытием Генеральных штатов, свадьбой в королевской семье, коронацией Людовика XVI. Необходимо подчеркнуть, что «к концу периода складываются и формируются разные типы торжеств, адресованные многочисленным социальным группам» [1, с. 76], и в соответствии с этим проведение и организация мероприятий полностью подчиняется культурным ориентациям и ценностям соответствующей группы людей. В это время наиболее заметными торжественными типами мероприятий были официальный и народный праздник. Первый носил регламентированный и спланированный характер, другой называли «диким, непристойным, шутовским» [3, с. 49]. Вместе с тем, в последние годы Старого порядка, по замечаниям некоторых исследователей, шел процесс аккультурации, то есть «попытка со стороны короны методами администрирования и регламентации свести все праздники к официальным торжествам, тем самым полностью ограничив проявление в них свободного и народного» [3, с. 52]. Итогом всего этого стало то, что ключевой идеей праздников Старого порядка являлось сохранение сословной иерархии общества, и поведение представителей каждого сословия в ходе мероприятий было строго регламентировано.

По ходу развития французской революции XVIII века характер праздников меняется. Уже на первом этапе (1789–1792 гг.), отличавшемся «особой остротой социально-политической борьбы и многообразием использовавшихся оппонентами методов противостояния» [4, с. 63], происходит всплеск народной праздничной культуры, которую всеми силами пытались

ограничить в эпоху Старого порядка. Еще в условиях конституционной монархии был проведен официальный праздник Федерации (14 июля 1790 г.), ставший своеобразным символом объединения всех французских провинций и департаментов в единую федерацию. По определению французского автора Мишеля В., в обществе формировались новые по качеству и содержанию общественные настроения, выраженные попыткой создания «общей этической и эстетической культурной модели для всех» [5, с. 135]. Во Франции того периода начинает проявляться «уравнивание внешности и манер», когда дворянство и третье сословие отчасти лишаются кардинальных внешних различий в повседневной жизни и поведении.

С установлением в 1792 году республики праздники приобретают патриотический и братский характер, происходит формирование новых праздничных торжеств. В этот период проводится «самый народный» праздник, а именно «торжество в честь взятия Тулона (30 декабря 1793 г.). Это был первый праздник, который возник стихийно и был «свободен от всяких программ» [6, с. 110]. Мероприятие представляло собой организацию череды братских трапез, совместных развлечений. «В этот день воцарилось чувство единства, согласия, дружбы и радости», – замечал современник [7]. Вместе с тем, противостояние официальных и народных праздников продолжалась. Оно нашло свое отражение в проведении двух мероприятий, часто называемых в литературе антагонистами. Это был стихийный народный праздник в честь Шатовье, ключевой идеей которого стало прославление офицеров и солдат, участвовавших в антиправительственных беспорядках в Нанси, с одной стороны, и организованное властями траурное торжество, призванное почтить память Симонно, мэра города Этамп, ставшего жертвой народного бунта коммеморация – с другой. Исследователи дают им точные характеристики, называя первый «праздником свободы», а второй – «праздником закона». Символика мероприятий, безусловно, отражала борьбу интересов между различными группами французского населения. Например, на празднике свободы на передней части колесницы были прикреплены кинжалы как символ борьбы против деспотизма. Праздник закона представил скульптурное изображение Симонно, лоб и грудь фигуры которого были покрыты ранами и порезами (отражение агрессии бунтовщиков).

Еще одним переходным этапом в перемене общественных настроений явился период наивысшей популярности якобинского правительства (лето – зима 1793 г.). В обществе в целом и на праздничных мероприятиях в частности происходил окончательный поворот в сторону жесткой регламентации торжественных мероприятий, доминирующими становятся официальные праздники, организовываемые исключительно по инициативе властей. Ярким примером становится торжество в честь культа Верховного существа (8 июня 1794 г.), отличительными чертами которого были театрализованность, четкое распределение ролей между участвующими, отсут-

ствие импровизации. Праздник организуется с одной целью – демонстрации идеи о новом гражданском обществе, построенном на руссоистских и якобинских принципах, где главную роль играют избираемые представители нации; основной общественно-сознания становится прославление революции, национальное объединение проходит на почве совместной борьбы с врагами республики. Таким образом, совершенно очевидно, что праздник революционной эпохи отразил концептуальное содержание Просвещения как новой международной культуры, сформировавшейся в Европе и способствовавшей ее освобождению от власти церкви и социальных феодальных институтов [8, с. 312].

В термидорианскую эпоху (1794–1795 гг.) происходит окончательный отказ от проявления свободы и самостоятельности в процессе праздничных торжеств. Революционные идеи гражданского равенства и братства становятся достоянием прошлого, революционные символы и обряды кардинальным образом изменяются.

Таким образом, эволюция характера революционного праздника во Франции XVIII века была тесно связана с общим ходом и логикой революционных событий, закономерной сменой общественных настроений и поведенческих стереотипов политических элит и массовых слоев населения.

Литература

1. *Пименова, Л. А.* Королевский Праздник Франции времен Старого порядка / Л. А. Пименова. – Москва : Одиссей, 2005. – С. 68–80.
2. *Кропоткин, П. А.* Великая французская революция 1789–1793 г. / П. А. Кропоткин. – Москва : Наука, 1979. – 508 с.
3. *Чеканцева, З. А.* Праздник и бунт во Франции между фрондой и революцией / З. А. Чеканцева. – Москва : Одиссей, 2005. – С. 49–82.
4. *Киселева, О. А.* Социальные революции XVII–XVIII в. : учебное пособие для студентов исторического факультета / О. А. Киселева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Вологда : ВГПУ, 2013. – 143 с.
5. *Мишель, В.* К истории общественного сознания эпохи Великой французской революции (пер. А. В. Крюковой) / В. Мишель // Французский ежегодник 1983 г. – Москва : Наука, 1985. – С. 130–148.
6. *Озуф, М.* Революционный праздник 1789–1799 г. / М. Озуф. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 416 с.
7. «Братские трапезы» в Париже во время праздника в честь взятия Тулона 10 нивоза II г. (30 декабря 1793 г.) // Документы по истории Великой французской революции : учебное пособие / ответственный редактор А. В. Адо. – Москва : Московский университет, 1990. – Т. 1. – 528 с.
8. *Киселева, О. А.* К вопросу о преподавании всеобщей истории в вузе / О. А. Киселева // Философия и методология истории : сборник научных статей VIII Всероссийской научной конференции (Коломна, 19 апреля 2019 г.) / ответственный редактор С. Г. Калашников. – Коломна : ГСГУ, 2019. – С. 309–313.

**ТРАВЕЛОГ И ПУТЕВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ:
ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ «ЖИЗНЕННОГО МИРА»
БРИТАНСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА
В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XIX В.**

Прожорин Елисей Леонидович

Магистрант

Вологодский государственный университет

Вологда, Россия

prozhorin.e@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализированы фрагменты травелога Дж. Симпсона, посвященные его путешествию по Российской империи в 1841–1842 гг. На основании источника была предпринята попытка очертить исследовательское поле путевой повседневности, а также реконструировать «жизненный мир» Симпсона-путешественника. Отдельное внимание было уделено особенностям репрезентации Симпсоном-писателем отдельных областей российской действительности.

Ключевые слова: травелог; повседневность; путешествие; имагология.

**TRAVELOGUE AND TRAVEL EVERYDAY LIFE: THE EXPERIENCE
OF RECONSTRUCTION OF THE «LIFEWORLD» OF THE BRITISH
TRAVELER IN RUSSIAN EMPIRE OF THE MID-XIX CENTURY**

Prozhorin Elisei Leonidovich

Master student

Vologda State University

Vologda, Russia

prozhorin.e@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of fragments of G. Simpson's travelogue dedicated to his journey through the Russian Empire in 1841–1842. Based on the source, I attempted to outline the research field of travel everyday life, as well as to reconstruct the «lifeworld» of Simpson-traveler. Special attention was paid to the features of Simpson-writer representation of certain areas of Russian reality.

Keyword: travelogue; everyday life; travel; imagoology.

Путешествие как социальная практика занимает важное место в человеческой культуре. Несмотря на разнообразие форм путешествий: от религиозного паломничества до привычного современному человеку туризма, всех их объединяет необходимость фиксации и последующего осмысления. Одной из форм, в данном случае – письменной, фиксации путешествия является травелог – рассказ об увиденном в ходе путешествия.

В рамках статьи в качестве основного источника было использовано двухтомное сочинение британского путешественника Дж. Симпсона (1792–1860 гг.), опубликованного в 1847 г. под названием «Рассказ о кругосветном путешествии, совершенном в период между 1841 и 1842 гг.».

Актуальность исследования в данном случае обусловлена растущей необходимостью пересмотра жанра травелога как исторического источника, обладающего большим исследовательским потенциалом.

В последние десятилетия в русскоязычной историографии появляются работы, основанные на анализе литературы о путешествиях. Вероятно, одной из наиболее известных является книга А. Эткинды «Толкование путешествий. Россия и Америка в текстах и интертекстах». Не давая точного определения «травелог», Эткинды характеризует его как средство описания «Другого» [1, с. 263]; в свою очередь, путешествие – это поиск «Другого», соблазн которого обесценивает собственную культуру путешественника [2, с. 9]. Действительно, путешествие – это перемещение в пространстве, пересечение границ, причем не столько политических, сколько культурных. Путешествующий неизбежно сталкивается с разными формами и уровнями «чуждых» ему жизненных миров, что подводит его к необходимости на основании собственного опыта конструировать образ «Другого» [3, с. 6].

С другой стороны, рассказ о путешествии можно рассматривать не только как ценный источник в рамках имагологических построений. Травелог нередко содержит весьма ценные сведения, которые касаются повседневной жизни людей.

Существует множество определений повседневности. В рамках же представленной статьи мы будем использовать определение данное П. Бергером и Т. Лукманом. Под повседневной жизнью они понимают «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» [4, с. 38]. Дальнейшая теоретизация модели повседневности привела к включению в нее характеристик пространственно-временного бытия [5, с. 89]. При этом под пространством повседневности подразумевается непосредственно тело человека, а также вся совокупность мест, где протекает повседневная жизнь человека. Время повседневности – это специфическое восприятие времени повседневной жизни.

Таким образом, конкретизируя путевую повседневность как специфическое состояние жизненного мира человека, отметим некоторые особенности.

Во-первых, путешественник, сталкиваясь с разными уровнями повседневности, обусловленными разнообразными социокультурными факторами, был вынужден на короткий промежуток времени перенимать некоторые особенности повседневной жизни тех, с кем контактировал. Раскрывая этот тезис, фигура Симпсона будет весьма характерна. Дело в том, что он, обладая высоким социальным положением [6], во время своего путешествия тесно контактировал не только с низшими и средними социальными слоями населения – автохтоны, служащие почтовых станций, крестьяне, казаки и др., но и с высшими, национально и этнически неоднородными, слоями общества. Данное обстоятельство создает особую фактуру путевой жизни Симпсона – отчетливо виден контраст между разными уровнями повседневной жизни людей во всех ее проявлениях.

С одной стороны, это убогие и обветшалые дома и гораздо более скудное угощение, вроде «ломтя черного хлеба с солью, а также миски с холодной водой, которую, чтобы она походила на суп, черпали ложкой» [7, р. 345].

С другой стороны, это светский прием у начальника Якутского областного правления И. Рудакова [8, с. 356], на котором огромное количество блюд сопровождалось изобилием напитков и десертов [7, р. 306]. Позже Симпсон отметит, что «доброта этих людей к чужакам совершенно необычайна, тем более по причине непомерной цены всех привезенных продуктов» [7, р. 308].

В схожем ключе Симпсон оценивает и свое времяпрепровождение в кругу верхов ситкинского общества, интегрированного в систему колониального управления Русской Америкой. Он отмечает, что досуг верхов проходит за светскими беседами, кофе, курением и игрой в бильярд [7, р. 308], а обеды проходят на французский манер [9, р. 220]. Люди надевают свои лучшие наряды, чтобы появиться в светском обществе, пусть и в локальных рамках Ситки – глубокой периферии, даже по меркам России [7, р. 186]. Сам Симпсон, попав на светский вечер по случаю празднования Пасхи, отмечает, что «не ожидал подобного на северо-западном побережье Америки» [7, р. 192].

Во-вторых, так как повседневность – это еще и установка сознания на принятие определенного уклада жизни [5, с. 77], то большую роль здесь имеют представления и мировоззрение путешественника. Высказывание Симпсона о том, что он «не ожидал подобного на северо-западном побережье Америки» олицетворяет очень важный аспект путешествия, а именно наличия предпосылочного знания о местах, которые предстоит посетить, и о людях, с которыми предстоит встретиться. Многие события, которые случились в период путешествия Симпсона, разрушили, как в вышеприведенном случае, или, наоборот, подтвердили его представления о чем-либо. Например, рефлексирова об итогах путешествия Симпсон отмечает, что «во многих отношениях, большая часть России скорее азиатская, чем европейская» [7, р. 444].

Естественно, что на восприятие, а следовательно, и последующую презентацию путешествия большое значение имеют чувства самого путешественника. Данное обстоятельство сам Симпсон подтверждает следующим образом на примере одного из поселений – маленького городка Камышлов, в котором ему довелось остановиться на ночлег. В связи с тем, что местная почтовая станция была в «запущенном и убогом состоянии», путешественнику пришлось остановиться в доме одного из крестьян. Находясь в раздраженном состоянии из-за случившегося, Симпсон в черновых записях описал эту деревню как в целом «убогую», однако он отмечает, что капитан Кокрейн, на которого часто ссылается Симпсон, и путешествие которого также пролегало через Камышлов и к которому местные жители отнеслись с большим радушием, описывал деревню как «довольно приятную» [7, р. 433].

Важным аспектом исследования повседневности является анализ источников формирования представлений у изучаемого объекта. В данном случае большую роль играет круг чтения Симпсона, который был весьма образованным человеком. В ходе своего путешествия он изучает русский язык [7, р. 402], что позволяет ему познакомиться с рядом сочинений русских путешественников: Г. Лангсдорфа [7, р. 249], Ф. Врангеля [7, р. 221] и др.

Ярким примером интертекстуальности являются скрытые отсылки к работам Н. Карамзина, с которыми Симпсон познакомился, по всей видимости, в период подготовки рукописи к изданию. Об этом свидетельствует сравнительный анализ текстов. Например, обращаясь к теме покорения Сибири, Симпсон отмечает, что «сибирские завоевания удивительны тем, что совершались малочисленными силами – часто парой десятков, что отбрасывало в тень заслуги завоевателей Мексики и Перу» [7, р. 325]. В то же время у Н. Карамзина: «Завоевание Сибири во многих отношениях сходствует с завоеванием Мексики и Перу: также горсть людей <...> побеждала тысячи» [10, р. 385]. Аналогичных примеров заимствований можно встретить множество.

Взгляды Н. Карамзина в значительной степени повлияли на последующую репрезентацию России в травелоге, представляя ее как в большей степени «азиатскую страну», на характер которой большое влияние в свое время оказало «превосходство восточных ханов» [7, р. 445].

Особый ориенталистский колорит сочинению Симпсона придают рассказы о «гостеприимстве туземцев». Путешественник всячески восхищается жизнью якутов, отмечая их деятельность и деловитость, а также умение выделки шкур [7, р. 280]. Последнее обстоятельство было обусловлено спецификой профессиональной деятельности Симпсона.

В-третьих, для путешественника характерен особый, путевой хронотоп. Причем на примере травелога это выражено значительнее. «Приметы

времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливает и измеряется временем», – отмечал М. Бахтин [11, с. 235]. Эта мысль в данном случае может быть понята едва ли не буквально. Так, время в травелоге часто измеряется пространственно-временными категориями – в количестве дней, проведенных в пути от «точки А до точки В». Например, Симпсон пишет, что они выдвинулись в путь из Омска ровно через 17 дней после отплытия из Иркутска [7, р. 416] и т.д.

Особый смысл начинают приобретать времена года. Так, весь сюжет истории о путешествии по России вращается вокруг мысли о том, что необходимо преодолеть континент до наступления «распутицы» [7, р. 242]. Весьма критичной оказалась ситуация, когда путешественники, переплывая Охотское море, в течение недели не могли подойти к берегу из-за «июльского льда» [7, р. 241–244].

Важнейшей характеристикой событийной составляющей всякой повседневности является ее ориентация и тяготение к стабильности. При подобном рассмотрении сам феномен путешествия противостоит нормативной повседневной жизни [5, с. 89]. Тем не менее, не является жизнь путешественника и некой формой экстремальной повседневности, для которой характерен «слом и разрушение привычного уклада жизни» [5, с. 89].

Путевая повседневность скорее представляется неким промежуточным вариантом, для которого характерны свои специфические формы приспособления «жизненного мира» индивида к постоянно изменяющимся внешним условиям, особые формы восприятия внешнего и внутреннего мира и т.д. Травелог, в свою очередь, как форма письменной презентации путешествия позволяет нам рассматривать эту сторону повседневной жизни человека.

Литература

1. Шпак, Г. В. Травелог: поиск универсальной дефиниции. Четыре стратегии репрезентации пространства / Г. В. Шпак // Преподаватель XXI век. – № 3. – 2016. – С. 261–277.
2. Эткинд, А. Толкование путешествий. Россия и Америка в текстах и интертекстах / А. Эткинд. – Москва : Новое литературное обозрение, 2001. – 496 с.
3. Толстиков, А. В. НОМО VIATOR / А. В. Толстиков, О. Е. Кошелева // Одиссей: человек в истории, 2009: Путешествие как историко-культурный феномен / главный редактор А. О. Чубарьян. – Москва : Наука, 2010. – С. 5–10.
4. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; перевод с английского Е. Руткевич ; Московский философский фонд. – Москва : Academia-Центр; Медиум, 1995. – 323 с.
5. Лелеко, В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В. Д. Лелеко. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2002. – 320 с.

6. *Galbraith, J. S. Simpson, Sir George* / J. S. Galbraith. – Text : Electronic // Dictionary of Canadian Biography. – URL: http://www.biographi.ca/en/bio/simpson_george_8E.html (дата обращения: 28.02.2020).

7. *Simpson, G. Narrative of a journey round the world, during the years 1841 and 1842* / G. Simpson. – London : Henry Colburn, Publisher, Great Marlborough Street, 1847. – Vol. 2. – 469 p.

8. Губернии Российской империи. История и руководители, 1708–1917 / под общей редакцией Б. В. Грызлова ; главный редактор Н. Ф. Самохвалов. – Москва : Объединенная редакция МВД России, 2003. – 535 с.

9. *Simpson, G. Narrative of a journey round the world, during the years 1841 and 1842*. / G. Simpson. – London : Henry Colburn, Publisher, Great Marlborough Street, 1847. – Vol. 1. – 438 p.

10. *Карамзин, Н. М. История государства Российского* / Н. М. Карамзин. – Санкт-Петербург : Тип. Н. Греча, 1821. – Т. IX. – 472 с.

11. *Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики* / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1975. – 504 с.

УДК 94 (571.1)

ДНЕВНИК ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧИНОВНИКА Е.П. КЛЕВАКИНА В ПЕРМСКИЙ ПЕРИОД СЛУЖБЫ (1875 г.)¹

Карпенко Елена Анатольевна

Заведующий отделением ЭИТ Колледжа АлтГУ,

кандидат исторических наук

Алтайский государственный университет

Барнаул, Россия

karpenkoelen@list.ru

Аннотация. В статье представлен краткий обзор дневниковых записей провинциального чиновника Е.П. Клевакина в период его службы в Пермском губернском казначействе. Определены основные тематические линии и выявлены характерные особенности дневника, позволяющие получить представление о личности автора, его внутренних переживаниях и ознакомиться с особенностями жизни и службы мелкого чиновника казначейства.

Ключевые слова: Клевакин Евгений Поликарпович; источник личного происхождения; дневники; провинциальный чиновник; губернское казначейство.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00448.

DIARY OF THE PROVINCIAL OFFICER E.P. KLEVAKIN IN THE PERM PERIOD OF SERVICE (1875)

Karpenko Elena Anatolyevna
Head of the Department of AltSU College,
Candidate of Historical Sciences
Altai State University
Barnaul, Russia
karpenkoelen@list.ru

Abstract. The article provides a brief overview of the diary entries of provincial official E.P. Klevakin during his service in the Perm Provincial Treasury. The main thematic lines are identified and the characteristic features of the diary are revealed, allowing to get an idea of the author's personality, his inner feelings and get acquainted with the features of the life and service of a small treasury official.

Keywords: Klevakin Evgeny Polikarpovich; source of personal origin; diaries provincial official; provincial treasury.

Дневники как источники личного происхождения позволяют увидеть происходившие исторические события так, как их воспринимали современники, и прочувствовать их отношение к ним. По мнению С.В. Голиковой, тот факт, что данные в дневниках фиксируются сразу же после определенного события, дает основание современным ученым рассматривать дневники как повод к интерпретации, а не беспристрастное изложение фактов [1, с. 36]. По данным Ю.Л. Троицкого, дневник, как правило, содержит три основные тематические линии: фиксация и описание событий, свидетелем которых являлся автор, описание им своих внутренних душевных переживаний и прямые обращения автора к самому себе [2, с. 16–17]. Все это в совокупности позволяет реконструировать исторические явления и восстановить личностную сущность ведущего дневник, заглянув в его внутренний мир.

Евгений Поликарпович Клевакин один из немногочисленных представителей уральского и сибирского чиновничества, оставивших после себя документальное наследие [3, с. 2]. В Государственном архиве Алтайского края (далее – ГААК) в личном фонде Е.П. Клевакина сохранилось три дневника за период с 1864 по 1875 гг. и с 1881 по 1882 гг. [10–12]. Однако его дневниковые записи до настоящего времени не стали самостоятельным объектом рассмотрения. Исследователи неоднократно обращались к его рукописям, акцентируя внимание на его общественно-политической деятельности на Алтае [4–7]. Единственным изданием, наиболее полно охватывающим уральский и алтайский периоды жизни и службы чиновника, является

сборник документов (воспоминания и рассказы), предваряемый обширной вступительной статьей П.А. Афанасьева [8–9].

В данной работе, исходя из основных тематических линий классических дневников, предпринята попытка представить краткий обзор записей Е.П. Клевакина в период его службы в Пермском губернском казначействе (1875 г.). Для записей этого времени, в отличие от предшествующих [10], характерна детальная фиксация событий, раскрытие внутреннего мира и переживаний автора. Изучение дневников Е.П. Клевакина, выходящая из зависимого населения, сделавшего впоследствии карьеру чиновника, позволяет расширить представления об особенностях чиновничьей службы и о быте простых обывателей, взглянув на это с позиции мелкого служащего российской провинции второй половины XIX в. Обширные дневниковые записи легли в основу его последующих воспоминаний, тем самым усилив родство обоих видов источников.

Сопоставление дневниковых записей и воспоминаний, изданных в 2017 г., помогает восстановить полную картину основных карьерных вех Е.П. Клевакина. Так, с марта 1863 г. он работал в должности цехового надзирателя Кушвинского завода. Через полтора года был назначен старшим надзирателем всего завода и старостой заводской конюшни. В 1865 г. был избран казначеем заводской конторы [8, с. 8–9]. Эта должность не могла быть занимаема по вольному найму, поэтому Е.П. Клевакин подал прошение на поступление в коронную службу, на которую он был принят с 1 января 1866 г. В ноябре 1867 г. его избрали смотрителем припасов Кушвинского завода [8, с. 12]. С января 1874 г. он служил помощником бухгалтера в Кушвинском заводе, затем в Благодатском руднике и Баранчинском заводе. С сентября 1875 г. – писарем в Пермском губернском казначействе.

Служба в казначействе значительно отличалась от заводской, и Е.П. Клевакин надеялся, что она его увлечет настолько, что и «дневник придется писать много менее» [11, л. 72 об.]. Он был полон надежд на лучшее, мечтал стать уездным казначеем, а не «плесневеть» бухгалтером на заводе, «поступить на должность и стать пермяком» [11, л. 67–68]. Однако первый же рабочий день принес разочарование. «Дела не дали, и распоряжения о приеме меня на службу не последовало» [11, л. 72 об.]. Выполняя с 17 сентября различные поручения, Е.П. Клевакин так и не был принят на службу и «жалованья не получал» [11, л. 75]. Спустя восемь дней вышло предписание Казенной палаты о принятии его в штат Пермского губернского казначейства [11, л. 80]. Выполняемая работа была скучной и однообразной, он откровенно называл ее «каторжной». Ежемесячное сопровождение банковской комиссии в кладовую казначейства воспринималось с нескрываемой радостью. «И это мне служит развлечением, что сходил в

кладовую» [11, л. 119]. В дневнике сохранилось описание его обычного распорядка дня. Утром он пил чай и шел на службу, где гнул «коробку» до трех часов, потом шел обедать. Поскольку был «на своих хлебах», то в целях экономии обедал «сухоядением и отправлялся шляться по городу» или ложился отдыхать. В шесть часов пил чай и шел на службу, в десять часов приходил домой. Если было чем ужинать, то «закусывал сухоядением», а если нет – ложился спать голодным [11, л. 89–89 об.].

Впервые оказавшись в чуждом для себя мире чиновников, Е.П. Клевакин описывает их оторванными от реальности, ограниченными интересами службы, с неистовым желанием выслужиться перед начальством. Не без самолюбования отмечает, что он по сравнению с ними молодой, живший в заводах, а не в городах, «более знал жизни, чем они» [8, с. 252]. Вне службы почти все они оказались «ружейными охотниками и больше ничего» [11, л. 117–117 об.]. На основании этого, а также того, что чиновники совершенно не интересовались общественной жизнью и не понимали значения земств, «зато много сетовали на свое безденежное положение и трудность службы» [11, л. 104 об.], Е.П. Клевакин делает недвусмысленные намеки на уровень их интеллектуального развития. Его, как образованного человека, особенно поразил тот факт, что они, выписывая многочисленные периодические издания, страницы с серьезными статьями в журналах не разрезали, в газетах называли их скучными, а художественные романы читали как «события совершившиеся» [11, л. 117–117 об.]. «Им ничего и без права голоса, было бы только развлечение» [11, л. 112], к такому выводу пришел Е.П. Клевакин, разочаровано признаваясь, что заводская среда не смогла его «заесть», а общество пермских чиновников с этим легко справились [11, л. 104]. В отчаянии он восклицает: «Неужели и я со временем также буду думать, как они теперь думают?» [11, л. 104 об.]. Помимо мира чиновников, Е.П. Клевакина тяготило тяжелое материальное положение. Он «жил впроголодь», недоедал [8, с. 252–253], однако ему пришлось вступить в клуб-общество чиновников и вносить туда ежемесячно 1 рубль, чтобы «выбиться в люди» в чужом городе, где нужны были связи и знакомства [8, с. 254].

В Перми Е.П. Клевакин жил без семьи и вынужденно вел в незнакомом городе одинокое существование [8, с. 68–69]. В свободное время старался посещать библиотеку, хотя читать стал мало, «как-то нейдет в голову». Недостаток живого общения частично компенсировался регулярным ведением дневника. В пермский период он стал изобиловать многочисленными рассуждениями, диалогами с самим собой, обращениями к себе, свидетельствами о переходе Е.П. Клевакина к ведению дневника в классическом формате. Например, «вот если мой дневник попадет кому-нибудь в посторонние руки и будет прочитан, то-то посмеются надо мной, скажут, вот

бесхарактерный-то человек, сегодня говорит «не буду табак курить», а завтра «буду» [11, л. 74 об.].

Однообразное общение с сослуживцами удовольствия не доставляло. Единственной отдушиной стала активная переписка с женой и друзьями, оставшимися в Баранче и Кушве [11, л. 78 об.]. Неожиданно для себя самого он осознал, на что готов пойти ради благополучия жены и детей. «Я живу только для семейства и должен работать всеми силами, чтобы дети мои были истинными людьми». Особо подчеркивал, что хочет приучить дочерей к общественной деятельности, «чтобы не заела их среда» [11, л. 104]. Описывая в дневнике свое душевное стояние, он удивлялся сам себе, что оказался способен на такие глубокие чувства. «Что это мне сегодня что-то тоскливо, неужели я не в состоянии жить порознь с семейством. Вот оказия-то... Я давеча, когда запечатал письмо жене, то чуть было не заплакал, да и теперь тоска долит, а ровно я не слишком сердоболен и характером крепок, что это такое?» [2, л. 76]. Постепенно он пришел к выводу, что «семейный очаг дорого», а раньше он этого не замечал [11, л. 81]. Вопросы материального благополучия домочадцев проходят красной линией через весь дневник. Необходимость содержать себя и семью на 20 рублей в месяц, живя от нее вдаль, придавали безденежью катастрофический характер. После вычета всех расходов у Е.П. Клевакина оставалось пять рублей [11, л. 134 об.–135], при этом он старался жить без долгов.

Е.П. Клевакин планировал прослужить в казначействе до 1876 г., ожидая повышения, и если его не будет, то сменить место службы. «А если повысят, то дослуживаться до уездного казначея» [11, л. 96]. Однако на 1876 г. его оставляли в штате писарем с переводом в другой отдел казначейства [11, л. 127 об.]. Необходимость содержать семью заставила Е.П. Клевакина продолжить поиски лучше оплачиваемой должности. В декабре 1875 г. он через своего знакомого устроился бухгалтером в частный Кизеловский горный завод с жалованьем 50 рублей [8, с. 254]. С 29 декабря уже числился на службе в заводе. С коронной службы был уволен после окончания отпуска с 16 апреля 1876 г., после того как отправил в казначейство прошение об отставке [8, с. 23].

Итак, дневниковые записи как источник личного происхождения, являются важной частью документального наследия Е.П. Клевакина и вводят в научный оборот интересные детали жизни и быта рядового служащего Пермского губернского казначейства. Они помогают наиболее полно сформировать образ небольшого провинциального чиновника, раскрыв отдельные стороны его личной жизни и обнажив внутренние душевные переживания. Изменение характера дневниковых записей и приведение их к классическому формату в 1875 г. во многом обусловлено новым образом жизни Е.П. Клевакина. Сложный во всех отношениях пермский период за-

ставил его обдумывать и анализировать свои действия, для чего больше всего подходил дневник.

Литература

1. *Голикова, С. В.* Дневниковые записи как источник по изучению повседневной жизни Екатеринбурга на рубеже XVIII – XIX веков / С. В. Голикова // Уральский город XVIII – начала XX в. : история повседневности. – Екатеринбург : Банк культур. информации, 2001. – С. 35– 46.

2. *Троицкий, Ю. Л.* Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка / Ю. Л. Троицкий // История в эго-документах: исследования и источники / Институт истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург, 2014. – С. 14–32.

3. *Афанасьев, А. П.* Е. П. Клевакин: провинциальный чиновник на фоне пореформенной эпохи / А. П. Афанасьев. – DOI: 10.31518/2618-9100-2018-2-3 // Исторический курьер. – 2018. – № 2, статья 3. – С. 2.

4. *Дитятев, Н. Д.* Политические партии. Барнаульские организации первой четверти XX в. / Н. Д. Дитятев. – Текст : электронный // Барнаул : Энциклопедия, 2000. – С. 231–233. – URL: http://irbis.akunb.altlib.ru/cgi/irbis64r_12/cgiirbis_64.exe?LNG=&Z21ID=&I21DBN=KRAY&P21DBN=KRAY&S21STN=1&S21REF=1&S21FMT=fullwebr&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=M=&S21STR= (дата обращения: 28.02.2020).

5. *Старцев, А. В.* Е. П. Клевакин. Очерки из бийской жизни [конец XIX в.] / А. В. Старцев // Бийские градоначальники. – Бийск : [б. и.], 2002. – С. 158–170.

6. *Вишнякова, Л. А.* Записки Е.П. Клевакина как источник по истории пенитенциарной системы России начала XX в. (на материалах Западной Сибири) / Л. А. Вишнякова // Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул : Алтайский университет, 2002. – С. 51–54.

7. Записки Е. П. Клевакина о тюрьме (по материалам личного фонда) (1884 – 1885, 1901 – 1917) : сборник документов / Министерство внутренних дел Российской Федерации, Барнаульский юридический институт, Краевое государственное казенное учреждение Государственный архив Алтайского Края. – Барнаул : БЮИ МВД России, 2014. – 340 с.

8. *Афанасьев, П. А.* Евгений Поликарпович Клевакин и его документальное наследие / П. А. Афанасьев // Клевакин, Е. П. Записки провинциального чиновника второй половины XIX века: Воспоминания и рассказы о жизни и службе на Урале и Алтае : сборник документов. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – Т. 1. – 420 с.

9. *Афанасьев, П. А.* Евгений Поликарпович Клевакин и его документальное наследие / П. А. Афанасьев // Клевакин, Е. П. Записки провинциального чиновника второй половины XIX века: Воспоминания и рассказы о жизни и службе на Урале и Алтае : сборник документов. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – Т. 2. – 458 с.

10. ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 6.

11. ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 24.

12. ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 25.

**ЗУБОВРАЧЕБНАЯ ПРАКТИКА В АРХАНГЕЛЬСКЕ И ВОЛОГДЕ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Кирилова Татьяна Михайловна

Магистрант

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Архангельск, Россия

tanya060790@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена раскрытию особенностей провинциальной частной зубоврачебной практики в Архангельске и Вологде в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: зубоврачевание; частная зубоврачебная практика; история медицины; зубные врачи; дантисты; Архангельск; Вологда.

**DENTAL PRACTICE IN ARKHANGELSK AND VOLOGDA
AT THE END OF THE XIX – EARLY XX CENTRY**

Kirilova Tatyana Mikhailovna

Master student

The Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

Arkhangelsk, Russia

tanya060790@mail.ru

Annotation: The article is devoted to revealing the features of provincial private dentistry practice in Arkhangelsk and Vologda in the late XIX – early XX centuries.

Keywords: dentistry; private dentistry practice; history of medicine; dentists; Arkhangelsk; Vologda.

В России в конце XIX века медицинские учреждения находились в ведении различных министерств, ведомств, земских и городских самоуправлений, частных, общественных и благотворительных организаций. Зубо-врачевание, признанное областью медицины только во второй половине XIX века, продолжало преимущественно существовать в виде вольной (частной) практики. Большинство современных трудов по истории зубо-врачевания раскрывают особенности зубоврачебной деятельности в центральных городах России, исследований, посвященных уровню провинциального зубоврачевания в Российской империи, немного [1; 2]. Научные

статьи, посвященные зубоврачеванию на Русском Севере, в особенности в Архангельске, носят краткий, обзорный характер, описывают зубо-врачебное дело в первую очередь с момента организации государственной зубо-врачебной помощи в Архангельске в 1920 г., не затрагивая особенности вольной (частной) зубо-врачебной практики, общественных форм зубо-врачебной помощи населению XIX – начала XX вв. [3; 4]. Исторических исследований, посвященных зубоврачеванию в Вологде, на данный момент не существует. Поэтому изучение зубо-врачебной практики в Архангельске и Вологде представляется актуальным.

В конце XIX в. зубоврачевание в Российской империи активно развивалось. В этот период появились первые профессиональные образовательные учреждения, профессиональные общества, издавалось большое количество специализированной литературы, в т.ч. периодические издания по зубоврачеванию. Все эти явления привели к активному росту количества специалистов на всей территории Российской империи. Если ранее дантисты часто разъезжали по территории империи, то в конце XIX в. в некоторых губернских городах появляются уже постоянные зубо-врачебные кабинеты, лечебницы, исключением не стали Архангельск и Вологда.

Согласно проанализированным историческим источникам, мы можем выделить несколько этапов в ведении зубо-врачебной практики в Архангельске в дореволюционный период. Первый этап (1852–1893 гг.) характеризуется появлением первых профессионально подготовленных специалистов. Первые упоминания о зубных врачах, дантистах в Архангельске относятся к 1852 г. [5, с. 14]. Однако в этот период зубо-врачебная деятельность, как и в последующие, осуществлялась специалистами без образования (цирюльниками, банщиками и др.), фельдшерами, а также время от времени приезжающими специалистами: из Санкт-Петербурга, Вологды, Пензы [6, л. 1]. Специалисты из этих городов приезжали ежегодно, на определенный период для ведения практики. Как правило, на несколько месяцев.

Во второй этап (1893–1920 гг.) в Архангельске появляются постоянно действующие зубо-врачебные кабинеты. В 1893 г. дантист Валентина Арсеньевна Симановская, закончившая в Санкт-Петербурге «Первую русскую школу для изучения зубо-врачебного искусства Ф.И. Важинского», получила право на ведение практики в Архангельске, а позднее получила звание зубного врача и право на обучение учеников для приготовления к экзаменам на звание дантиста [7, л. 2–3]. С этого времени начинается постепенное увеличение специалистов. К началу 1920 г. в г. Архангельске имелось 15 зубных врачей и 13 частных зубо-врачебных кабинетов [8, л. 4]. В период с 1893 по 1920 года в г. Архангельске вели практику зубные врачи и дантисты, как получившие образование на практике у дантиста, так и закончившие зубо-врачебные школы и сдавшие экзамены при университетах Моск-

вы, Санкт-Петербурга (Петрограда), Варшавы, Юрьева, Томска, Одессы, Харькова, Киева, Новороссийска.

Деятельность архангельских зубных врачей и дантистов была связана с вологодской зубоврачебной практикой. В первую очередь это выражалось в ведении зубными врачами и дантистами зубоврачебной практики на два города. К примеру, Павел Александрович Путятю, имея свой кабинет, а позднее сеть кабинетов в Вологде, ежегодно приезжал для ведения практики в Архангельск с начала 1890-х гг. [9]. Ефим Семенович Шнейвейс имел в г. Архангельске свой частный кабинет, а в Вологде вел практику при «Лечебнице для приходящих больных» [10, с. 96]. Он был одним из ведущих специалистов в Архангельске, выполнявшим все виды зубоврачебных работ, и возглавил в 1922 г. зубоврачебную секцию в Архангельске уже при Советской власти [11, л. 3].

В начале XX в. в Вологде происходило быстрое увеличение частных зубоврачебных кабинетов. Кроме того, их количество почти в два раза превышало число подобных кабинетов в Архангельске. Согласно «Обзору Вологодской губернии», в 1905 г. вольной (частной) практикой занимались 3 зубных врача и 6 дантистов, в Архангельской губернии только 1 зубной врач и 3 дантиста [12, с. 34; 13, с. 92]. В 1914 г. зубоврачебной практикой занимались 17 зубных врачей и 6 дантистов, а в Архангельской губернии 7 зубных врачей и 2 дантиста [14, с. 36; 15, с. 41]. Все кабинеты зубных врачей и дантистов Архангельской губернии были сосредоточены в Архангельске, в Вологодской губернии большое количество специалистов было сосредоточено в Вологде, но часть вела практику и в других населенных пунктах. Вологодские зубоврачебные кабинеты были более крупные, в них работало несколько специалистов, при некоторых находились зуботехнические лаборатории и работали наемные зубные техники [16, с. 5], в отличие от Архангельска, где зубные врачи сами выполняли зуботехнические работы. Причинами такого положения могли быть: близость Вологды к центральным городам, следовательно, профессиональным образовательным учреждениям, лучшая транспортная доступность в отличие от Архангельска, различные материальные возможности как специалистов, так и пациентов города, обеспечивающих спрос на зубоврачебные услуги.

Литература

1. *Гончар, В. В.* Стоматологическая помощь на Дальнем Востоке России: организация и повседневная практика (1890–1991 гг.) : монография / В. В. Гончар ; под редакцией П. Э. Ратманова. – Хабаровск : ИПКСЗ, 2018. – 255 с.

2. *Губин, М. А.* Обзор дореволюционной стоматологии Воронежской губернии / М. А. Губин [и др.] // Вестник новых медицинских технологий. – 2014. – Т. XXI, № 2. – С. 110–114.

3. *Голубев, Б. Г.* История зубо­враче­ва­ния на Русском Севере / Б. Г. Голубев // Основные стоматологические заболевания, их лечение и профилактика на Европейском Севере : сборник научных трудов под редакцией В. П. Зеновского. – Архангельск : Издательство Архангельской медицинской академии, 1996. – Вып. 2. – С. 9–12.

4. *Рожков, А. Л.* От истории – к перспективам / А. Л. Рожков // Полвека вместе: 50-летию стоматологического факультета АГМИ-АГМА-СГМУ / составитель А. Л. Рожков [и др.]. – Архангельск : СГМУ, 2008. – С. 5–11.

5. *Киров, А. А.* Здравоохранение в Архангельской области в прошлом и настоящем / А. А. Киров, А. П. Тюкина. – Архангельск : Северо-Западное книжное издательство, 1967. – 145 с.

6. ГААО. Ф. 5. Оп. 2. Т. 2. Д. 4229.

7. ГААО. Ф. 5. Оп. 2. Т. 2. Д. 4493.

8. ГААО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1206.

9. ГААО. Ф. 5. Оп. 2. Т. 2. Д. 4551.

10. Памятная книжка Вологодской губернии на 1916 г. – Вологда : Тип. губ. правл., 1917.

11. ГААО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1208.

12. Обзорь Вологодской губернии на 1905 годъ. – Вологда : Типографія Губернскаго Правленія, 1906.

13. Обзорь Архангельской губернии на 1905 годъ. – Архангельскъ : Губернская типографія, 1906.

14. Обзорь Вологодской губернии на 1914 годъ. – Вологда : Типографія Губернскаго Правленія, 1916.

15. Обзорь Архангельской губернии на 1914 годъ. – Архангельскъ : Губернская типографія, 1915.

16. Объявления // Вологодский справочный листок. – 1915. – № 951. – С. 5.

РЕЛИГИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ВОСПИТАННИКОВ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Гребенкин Алексей Николаевич

*Профессор кафедры теории государства и права,
доктор исторических наук, доцент*

*Среднерусский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ*

Орел, Россия

angrebyonkin@mail.ru

Аннотация. В статье дана оценка места религии в повседневной жизни воспитанников военно-учебных заведений Российской империи. Автор рассматривает влияние официальной правительственной политики, неписаных кадетских и юнкерских традиций и личных качеств законоучителей на религиозные настроения кадетской и юнкерской массы.

Ключевые слова: повседневная жизнь; кадетский корпус; военное училище; религия; традиции.

RELIGION IN EVERYDAY LIFE OF PUPILS OF MILITARY SCHOOLS OF RUSSIAN EMPIRE

Grebenkin Alexey Nikolaevich

Professor of Department of State and Law,

Doctor of History, Assistant Professor

Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА

Orel, Russia

angrebyonkin@mail.ru

Abstract. The article assesses the place of religion in the daily life of students of military educational institutions of the Russian Empire. The author examines the influence of official government policy, unwritten cadet and Junker traditions and personal qualities of law teachers on the religious moods of the cadet and Junker masses.

Keywords: everyday life; cadet corps; military training school; religion; traditions.

Религия, являвшаяся основой воспитательной системы в военно-учебных заведениях Российской империи, занимала большое место в повседневной жизни будущих офицеров. Как отмечает А.Ю. Голубев, «свою

жизнь кадеты вели по православному календарю, а в основе их нравственности лежали православные этические нормы» [1, с. 73]. Большинство воспитанников исповедовало православие, но вместе с тем среди кадет было немало инославных (католиков и протестантов), а также иноверных (мусульман). Им предоставлялась возможность пользоваться духовным написанием ксендзов, пасторов и мулл, молиться совместно со своими единоверцами, следовать установленным правилам поведения, соблюдать запреты и ограничения. В Сухопутном кадетском корпусе уже через несколько месяцев после его открытия, в декабре 1732 г., появилась лютеранская церковь, а в царствование Екатерины II была устроена молебная комната для кадетов-католиков. Когда в 1829 г. в военно-учебных заведениях появились малолетние горцы, командующий Императорской главной квартирой генерал-адъютант А.Х. Бенкендорф распорядился следить за тем, чтобы воспитанники-христиане не смели глумиться над обрядовой стороной ислама и связанными с ним пищевыми ограничениями.

Это не могло не отразиться на повседневной жизни военно-учебных заведений. Православные воспитанники, видя, что их инославные и иноверные товарищи не понуждаются к переходу в православие, начинали с уважением относиться к представителям других конфессий и приобретали иммунитет к проявлениям религиозной нетерпимости и фанатизма, которые, к сожалению, в Российской империи не были редкостью. Веротерпимость, сформированная на школьной скамье, давала возможность будущим офицерам находить общий язык с сослуживцами и подчиненными, принадлежавшими к различным конфессиям, и тем самым укреплять боеспособность русской армии.

Вместе с тем, воспитанникам военно-учебных заведений (как, впрочем, и русскому офицерству в целом) было присуще ярко выраженное негативное отношение к иудеям, как правило, принимавшее форму бытового антисемитизма. Оно имело мощную подпитку в виде откровенно антиеврейской правительственной политики, которую даже в начале XX в. не пытались как-то закамуфлировать. Так, в 1912 г. было закреплено, что к приему в кадетские корпуса не допускаются сыновья и внуки «лиц (мужского или женского пола), родившихся в иудейской вере» [2].

На отношение воспитанников к религии серьезно влияли неписанные нормы кадетской этики. Они не поощряли демонстративной набожности и вынуждали сдерживать религиозные чувства. Тот, кто пытался игнорировать влияние толпы, во главе которой стояли великовозрастные коноводы, подвергался насмешкам и оскорблениям, в ряде случаев дело доходило до физической расправы. Далеко не каждый кадет выдерживал подобное «мученичество»; большинство рано или поздно вынуждено было подчиниться массе либо оставить заведение. Поскольку неравная борьба сначала с гони-

телями, а затем с собственными убеждениями и совестью приходилась на годы формирования нравственного облика будущего офицера, она наносила воспитаннику серьезную психологическую травму. Кадет, находивший спасение в мимикрии, либо становился неискренним и двуличным, либо утрачивал свои религиозные чувства, что в условиях тогдашней воспитательной системы было серьезным шагом к нравственному падению. Ситуация усугублялась господством формального подхода к организации учебно-воспитательного процесса. В церковь кадеты ходили как на учебные занятия, и уклониться от посещения храма либо покинуть его под предлогом вымышленной болезни считалось удалством. Обязательные молитвы читались дежурными кадетами бездушно, скороговоркой, либо, напротив, с нарочитой выразительностью [3, л. 1].

Вместе с тем, любое кадетское общество, даже зараженное культом нарочитой грубости и показного молодечества, сохраняло искреннюю религиозность, до поры до времени таившуюся в глубине его коллективной души. А.Н. Куропаткин, учившийся в 1858–1864 гг. в Первом кадетском корпусе, вспоминал: «...в дни исповеди и причастия религиозное чувство охватывало всех. Кадеты становились серьезны, грубые шутки товарищей вызывали быстрый протест. Вся обстановка настраивала торжественно. Чисто одетые, приведенные в порядок в церковь, слушая чудное пение, видя умиленные лица некоторых из своих товарищей, религиозно настраивалась и масса» [4, л. 13]. Случаи богохульства встречались крайне редко и, как правило, вызывали всеобщее негодование. Выдача начальству однокашника, выплюнувшего причастие или глумившегося над иконами, в глазах кадетской массы не являлась преступлением против товарищества.

В начале XX в. благодаря усилиям Главного начальника военно-учебных заведений великого князя Константина Константиновича религиозно-нравственное воспитание в кадетских корпусах было поднято на должную высоту. Кадеты стали не только приносить из дома иконы и вешать их у своих кроватей, но и по собственной инициативе собирать деньги на устройство ротных образов. Воспитанники чаще, чем прежде, посещали церковь для одиночной молитвы. Судя по документам и мемуарам, это было не показное благочестие в угоду начальству, а искреннее выражение религиозных чувств.

Главным компонентом системы религиозного образования были призваны служить уроки Закона Божия, в списке учебных дисциплин неизменно занимавшего почетное место. К сожалению, приходится констатировать, что даже образованные и добросовестные законоучители, искренне стремившиеся передать свои знания вверенным их попечению воспитанникам, становились жертвой кадетских предрассудков, в соответствии с которыми Закон Божий относился к числу «необязательных» учебных дисциплин. Не

желая вызвать гнев корпусного и духовного начальства, преподаватели Закона Божия часто шли на поводу у кадетской массы. Почти во всех заведениях стало своеобразной традицией выставление по этому предмету лишь хороших и отличных баллов, а экзамены, принимаемые формально, приобрели вид всеобщего списывания при потакании либо даже содействии самих законоучителей. Итогом было катастрофическое падение авторитета законоучителей как педагогов: даже если корпусной батюшка пользовался любовью и уважением воспитанников, они не стеснялись шуметь на его уроках, отвлекать посторонними разговорами, задавать глупые вопросы и т.п. Лишь немногим законоучителям, обладавшим даром убеждения и ораторскими способностями, удавалось полностью подчинить себе кадетскую массу и повести ее за собой. Масштабная ревизия состояния преподавания Закона Божия, предпринятая великим князем Константином Константиновичем в первые годы его пребывания на посту Главного начальника военно-учебных заведений, выявила печальную картину: предмет во многих корпусах преподавался сухо и бесцветно, а воспитанники обнаружили полное незнание Священного Писания и не могли ответить даже на самые простые вопросы великого князя. Не лучше обстояло дело и в военных училищах – так, в Московском (впоследствии Алексеевском) военном училище в начале XX в. Закон Божий преподавал священник Потехин, который на уроках занимался чтением отрывков из русской истории, что, безусловно, расширяло кругозор юнкеров, но несколько не способствовало их религиозному воспитанию [5, с. 68].

Экстренно принятые меры, включавшие внеклассное чтение Евангелия и обязательные беседы законоучителей с воспитанниками, не успели восстановить статус Закона Божия как одной из основных учебных дисциплин. Их отложенный эффект проявился в годы Гражданской войны и эмигрантского рассеяния, когда религиозное образование стало важным средством сохранения русской культуры и национальной идентичности.

Литература

1. *Голубев, А. Ю.* К вопросу о кадетском образовании в России / А. Ю. Голубев // Военная мысль. – 2008. – № 7. – С. 70–80.
2. Приказ по военному ведомству № 628 от 15 ноября 1912 г.
3. *Российский государственный военно-исторический архив* (далее – РГВИА). Ф. 318. Оп. 1. Д. 2931.
4. РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1740.
5. *Шапошников, Б. М.* Воспоминания. Военно-научные труды / Б. М. Шапошников. – Москва : Воениздат, 1974. – 574 с.

К.И. ЗАМЯТКИН: КУПЕЦ, УПРАВЛЕНЕЦ, БЛАГОТВОРИТЕЛЬ

Полоцкая Ольга Владимировна
Редактор электронных баз данных
Тотемское Музейное объединение
Тотьма, Россия
olga-polockaya@yandex.ru

Аннотация. В данной статье изложены сведения о тотемском купце II гильдии К.И. Замяткине, проживавшем в городе на рубеже XIX–XX вв. В работе кратко излагаются сведения о его участии в городском самоуправлении, благотворительной деятельности, а также история его семьи.

Ключевые слова: тотемское купечество; благотворительность; городское самоуправление.

K.I. ZAMYTKIN: MERCHANT, MANAGER, CHARITY PROVIDER

Polotskaya Olga Vladimirovna
Editor of electronic databases,
Totma Museum Association
Totma, Russia
olga-polockaya@yandex.ru

Abstract. This article provides information about the Totma merchant of II Guild K.I. Zamyatkin who lived in the city at the turn of XIX–XX centuries. In the work summarized information about his involvement in local government, charity, and the history of his family.

Keywords: merchants of Totma; charity; city self-government.

Согласно материалам переписи населения 1897 года, процент проживающего в Тотьме купечества был довольно невелик [1, с. 3]. Работа с материалами Государственного архива Вологодской области позволила выявить фамилии предпринимателей, состав их семей, происхождение капитала (наследственный или приобретенный) [2, с. 328–330]. В краеведческой литературе сведения о тотемском купечестве начала XIX – нач. XX вв. довольно обрывочны. Наиболее известны биографии тотемских купцов второй гильдии В.Т. Попова, видного земского деятеля и краеведа, владельца солеваренного завода А.М. Кокорева, последнего городского головы А.М. Киренкова. Выявлен ряд источников личного происхождения, из которых мы можем

получить достаточно полную картину их жизни: фотографии, письма, воспоминания современников. Купец Василий Тимофеевич Попов оставил после себя дневниковые записи, которые вел всю жизнь.

Мемуаров, составленных купцом II гильдии Константином Ивановичем Замяткиным, на данный момент не выявлено. В воспоминаниях, где описывается Тотьма и ее жители в начале XX века, упоминаний о нем нет. Однако в фондах Тотемского музейного объединения хранится коллекция предметов, бытовавших в его семье: фарфор, стекло, мебель, часы, графика, живопись. Описание данной коллекции вызвало интерес и к биографии ее владельцев – купцов Замяткиных. Сведения из памятных книжек Вологодской губернии, губернских газет, издаваемых до 1917 г., а также ряда архивных документов позволили воссоздать биографию этой семьи.

Константин Замяткин родился в 1850 г. в семье купца II гильдии. Окончил полный курс наук в Скопинском уездном училище (Рязанская губерния) [3, л. 18 об.]. Капитал получил от матери Александры Устиновны, которая, по всей видимости, брала на свое имя гильдейский билет и занималась предпринимательством. Известно, что в семье Замяткиных было еще двое сыновей – Дмитрий и Владимир.

Почему Замяткины перебрались на место постоянного жительства из Рязанской губернии в Вологодскую пока не установлено. В 1875 г. Александра Устиновна вместе с мещанином М.И. Киренковым подала прошение на открытие в Тотьме винных складов, а также небольшого заводика, однако дело не увенчалось успехом [4, л. 1–3]. До конца своих дней она проживала в Тотьме вместе с сыном Константином и его супругой Марией Алексеевной, урожденной Пановой. Поженились они около 1876–1877 гг. Женитьба оказалась весьма выгодной для купца Замяткина. Отцу Марии Алексеевны помещику Панову принадлежало три имения: Антоново в Тотемской губернии, Внуково (962 дес. земли), находившееся неподалеку от Солигалича, Анна-Васильевское в Чухломском уезде, лесные угодья, а также 2877 дес. земли в Никольском уезде [3, л. 18 об.].

Имущественное положение К.И. Замяткина позволяло ему принимать активное участие в работе органов местного самоуправления. В 1876 г. он был избран гласным Тотемской городской думы и оставался при должности по крайней мере до 1901 года. По выбору местного купеческого общества состоял три года членом Тотемского городского сиротского суда. В 1891 г. был утвержден Почетным мировым судьей по уезду. С 1892 по 1916 год был директором Тотемского уездного попечительства о тюрьмах. Состоял в попечительском совете Мариинской женской гимназии. В 1888 г. на четыре года был избран городским головой. Самое значительное событие, произошедшее в городе в годы его пребывания на посту, – это постройка нового двухэтажного здания для городского начального училища.

К вопросам образования купец относился довольно трепетно. В 1898 г. он пожертвовал один из домов, находившийся на территории его имения Антоново, для размещения в нем церковно-приходской школы.

В 1892 г., по истечению срока, Константин Иванович отказался баллотироваться повторно, несмотря на многочисленные просьбы гласных. Мотивировал он это тем, что ему часто приходилось отлучаться из города по торговым делам, к тому же приходилось заниматься хозяйственными вопросами имений. По всей видимости, желающих на эту должность было немного, и новым городским головой избрали купца А.М. Кокорева, которому на тот момент было 63 года [3, л. 26]. К тому же он не отличался хорошей репутацией.

С 1893 по 1912 года К.И. Замяткин избирался почетным попечителем Тотемской учительской семинарии. Он закупал книги в библиотеку, ежегодно жертвовал определенную денежную сумму в пользу учебного заведения, приобрел для учащихся музыкальные инструменты, а также оборудование для занятий естественными науками. За годы своего попечительства он пожертвовал на нужды семинарии около 1800 руб., за что был отмечен благодарностью Министерства народного просвещения [5, л. 8].

В 1899 году завершилась карьера купца на должности гласного Тотемского уездного собрания, куда он избирался по доверенности супруги. То количество земли, которым владела Мария Алексеевна, было достаточно для прохождения имущественного ценза, установленного для избрания в должность. Но в 1899 г. имение Антоново, земля в Юркинской волости, а также лесные угодья, были проданы. Соответственно, выборную должность Замяткину пришлось оставить. Через два года он покинул и городскую думу.

Из переписки купца К.И. Замяткина с директором Тотемской учительской семинарии В.Е. Введенским становится известно, что Константин Иванович и Мария Алексеевна после 1901 г. покинули город. Местом их проживания стал Нижний Новгород. Все приглашения для посещения Тотьмы и семинарии они отклоняли. Длительная переписка между В.Е. Введенским и К.И. Замяткиным завершилась письмом, подписанным Марией Алексеевной. В нем сообщалось, что Константин Иванович болен и отказывается от должности попечителя семинарии [5, л. 12].

Дальнейшая их судьба на данный момент не совсем ясна. Мария Алексеевна вернулась в Тотьму. В 1930 г. она была лишена избирательных прав, как бывшая помещица. Их каменный дом был конфискован и передан городу. По всей видимости, вместе с племянницей Елизаветой они занимали часть деревянного флигеля, находившегося рядом. О Константине Ивановиче известно лишь то, что в 1914 г. он еще являлся попечителем Тотемского общества о тюрьмах. Ни дата, ни место его смерти не известны. Потомства после себя супруги не оставили.

Имение Замяткиных Внуково в Костромской губернии было конфисковано в 1917 г. Часть предметов обстановки удалось спасти и передать на хранение в Костромской музей, где они сейчас и находятся. Вторая часть некогда обширной коллекции ценностей хранится в фондах Тотемского музея. Это те предметы, которые были вывезены из Антоново после его продажи, а также вещи, данные Марии Алексеевне в приданное. Часть из них представлена в экспозиции Тотемского краеведческого музея. Имеющаяся на данный момент информация существенно помогла «оживить» экспонаты, которые теперь несут в себе некую семейную историю.

Картина жизни К.И. Замяткина и его семьи, конечно, на данном этапе представлена далеко не полностью. Предстоит работа с документами архивов Ярославской, Рязанской и Нижегородской областей. Остается открытым вопрос происхождения семьи, а также судьба купцов после 1917 г.

Литература и источники

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Том 7. Вологодская губерния. Тетрадь 2 / под редакцией Н. А. Тройницкого. – Санкт-Петербург : Издат. Центр. стат. Ком. М-ва внутр. дел, 1904. – 207 с.

2. *Полоцкая, О. В.* Купеческие списки по городу Тотьме Вологодской губернии за 1850–1917 гг. как источник по генеалогии сословия / О. В. Полоцкая // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXIII международной научной конференции.* – Москва : ИВИ РАН, 2019. – С. 328–330.

3. ГАВО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 213. Л. 18–23. Формулярный список о службе тотемского городского головы Константина Ивановича Замяткина.

4. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2859. Л. 1–3. Дело о разрешении открыть водочные заводы мешанину Киренкову и купчихе Замяткиной.

5. ГАВО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 101. Формулярный список о службе попечителя семинарии К. И. Замяткина. Л. 1–12.

**ДНЕВНИКИ КАК ИСТОЧНИК О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
КРЕСТЬЯН ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ
1920–1930-х ГОДОВ¹**

Жукова Вероника Сергеевна

*Доцент кафедры отечественной истории,
кандидат исторических наук, доцент
Вологодский государственный университет
Вологда, Россия
zhukova_veronika@list.ru*

Аннотация. В статье анализируются дневники крестьян Европейского Севера России как источники по изучению сельской повседневности. Подчеркивается, что эти источники дают большие возможности для реконструкции жизни сельских жителей в 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: крестьяне; повседневность; источники личного происхождения; дневники.

**DIARIES AS A SOURCE ABOUT THE DAILY LIFE OF PEASANTS
OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA OF THE 1920s – 1930s**

Zhukova Veronika Sergeevna

*Associate Professor, candidate of historical Sciences
Vologda State University
Vologda, Russia
zhukova_veronika@list.ru*

Abstract. The article analyzes the peasants' diaries in the European North of Russia as sources for studying rural everyday life. It is emphasized that these sources provide great opportunities for the reconstruction of the rural residents' lives in the 1920s – 1930s.

Keywords: peasants; daily routine; sources of personal origin; diaries.

В последнее время возрос интерес историков к различным источникам личного происхождения, в частности к дневникам. Дневниковые записи в конце XIX – начале XX в. вели представители различных категорий насе-

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта «Сельское хозяйство в контексте модернизации Европейского Севера России в 1920–1930-е годы», осуществляемого при поддержке РФФИ (20-09-00238 а).

ления. В том числе среди данного вида источников встречаются дневники крестьян. Дневниковые записи велись в основном каждодневно и включали в себя сведения о текущих делах, о погоде, о происходящих событиях в ближнем кругу. Как правило, по стилю изложения они довольно лапидарны. Крестьяне, ведя свои записи, не думали о том, что когда-нибудь они будут прочтены кем-то посторонним и тем более опубликованы. Данный вид источника позволяет увидеть повседневную жизнь крестьян в разные периоды истории, в том числе и периоды войн и революций [1–5].

На сегодняшний день на Европейском Севере России известны и опубликованы крестьянские дневники: А.А. Замараева (1906–1922 гг., Тотьма) [1], И.Г. Глотова (1915–1928 гг., с. Пежма, Вельский район, Архангельская область) [7], П.Т. Ананьина (1932–1936 гг., с. Красная Сельга, Заонежье, Карелия) [8] и некоторые другие.

Дневники крестьян содержат довольно подробное описание выполнения каждодневных работ в сельской местности. Чаще всего не выходят за границы той местности, где проживают, хотя есть исключения. Так, А.А. Замараев в своем дневнике пишет об интересных фактах, поразивших его воображение. Например, в декабре 1911 г. есть запись: «В декабре сильное землетрясение в Мессино на острове Сицилия, погибло больше ста тысяч человек» [1, с. 268]. С начала войны пишет о событиях на фронтах Первой мировой войны, а затем и революции, о которых он узнает из газет. «С 22 января начались бои в Восточной Пруссии и на Карпатах» [1, с. 345]. Так, о приходе к власти большевиков есть следующая запись: «Большая часть населения хочет, чтобы власть была одна – Учредительное собрание, а большевикам надо, чтобы управляли советы и народные комиссары» [1, с. 433]. Здесь крестьянин не просто констатирует событие, а дает и оценочное суждение произошедшему, что происходит не часто в дневниках.

Чаще всего у авторов дневников вырабатывается определенная система изложения сведений. Так, в дневнике А.А. Замараева мы видим следующую структуру: вначале записывается число, день недели, если праздничный день, то это обязательно отмечается, затем чаще всего идет описание погоды, затем хозяйственные записи, в некоторых местах идет краткое описание событий, происходящих вне крестьянского сообщества (события, происходящие в стране), что произошло в семье, у родственников, знакомых. Также содержатся сведения о поездках в город, ярмарочной торговле, ценах. Крестьянин обязательно записывает все сделанные приобретения и фиксирует цены за них. В конце года А.А. Замараев подводит итог прошедшего года. Приведем пример одной такой записи, которая написана в дневнике А.А. Замараева в конце 1912 г.: «Этот год был для России тихой. Войны и мятежей не было. Только к концу года Австрия пугала нас войной, и Россия была на стороже. Война Турции с союзниками кончилась. Год был

в общем урожайной. Хлеб и сено не особенно дороги... Будем ждать счастья 913 г.» [1, с. 293].

В отличие от других А.А. Замараев довольно регулярно фиксирует в своем дневнике цены на продукты и некоторые другие товары (даже если их и не покупает). Так, в записи от 31 декабря 1911 г. цены записаны следующие: «Сено стоило от 25 до 30 коп. за пуд, мука ржаная – 1 руб. 30 коп., овес – 54 коп. пуд». [1, с. 268]. В конце 1914 г. крестьянин констатирует повышение цен: «...сено стоило от 20 до 60 коп. за пуд, овес – 1 руб. 5 коп., мука ржаная – 5руб. 80 коп, керосин, табак и сахар, и все решительно товары вздорожали» [1, с. 342].

В дневнике П.Т. Ананьина также есть своя последовательность изложения: вначале указывается число, день недели, праздничный или обычный день, далее чем занимались мужчины (хозяин, и его сын), затем женщины (жена сына, хозяйка). Значительно меньшее место занимают сведения общественного характера.

Погода для ведения хозяйственной деятельности на Европейском Севере России имеет огромное значение. Это еще более хорошо осознаешь, когда начинаешь читать дневники А.А. Замараева. Тотемский крестьянин ведет календарь природы. Так, в период с 17 по 31 декабря 1917 г. он пишет: «Сильный ветер, вьюга. Началась сильная вьюга и трепала целые сутки. ...Погода холодная... весь день несло снег, все дороги занесло. Сегодня холодно, но ходко. Погода холодная. Дни туманные. Снегу напало в две четверти... Весь день такая вьюга, что свету белаго не видно. До того било, что всю дорогу окончательно замело. Уброд страшной. Погода снежная и ветер» [8, с. 431–433].

В отличие от дневника А.А. Замараева значительно меньшее внимание П.Т. Ананьин и И.Г. Гловот уделяет погодным условиям, но ближе к концу дневника П.Т. Ананьина метеорологические записи встречаются более часто. В дневнике И.Г. Глотова за период с 16 по 31 марта 1923 г. содержатся следующие сведения о погоде: «Погода снежная. Погода теплая, весь день несет редкий мягкий снег. Погода сильный ветер и снег, холодно» [7, с. 122–123]. В дневнике П.Т. Ананьина, в записях с 27 октября по 2 ноября 1935 г. встречаются следующие сведения о погоде: «Снег падал. Погода мокрая. Дождь. Мокро. Сухо» [8, с. 101].

У П.Т. Ананьина отдельная часть дневника посвящена экономическим записям, доходы, расходы. Сколько дано в долг [8, с. 106–141]. У А.С. Замараева и И.Г. Глотова подобные сведения встречаются внутри дневника.

П.Т. Ананьин в своем дневнике не описывает события, происходящие вне сельского круга. И.Г. Гловот обращается к описанию такого рода событий только в период своей жизни в Петрограде, после возвращения на родину эти события не входят в круг описания. В отличие от тотемского крестьянина И.Г. Гловот и П.Т. Ананьин не резюмируют итог года.

Большое внимание во всех перечисленных ранее дневниках отводится различного рода работам в хозяйстве. Сходство этих дневников заключается в том, что в большей степени описывается мужской труд. Здесь перед нашими глазами проходит целый годичный цикл работ, который имеет свою сезонность. Так, в весеннее-летне-осенний период крестьянами описывается весенняя пахота и сев, затем жатва, обработка урожая. Фиксируется количество собранного урожая. Больше внимание уделяется полеводческим работам, хотя есть записи, которые свидетельствуют о луговодстве и животноводстве.

В своем дневнике А.А. Замараев за период с 26 апреля по 5 мая 1913 г. упоминает следующие работы, производимые в его хозяйстве: «Сеял овес и кончил все. Погнали коров на пасьбу. Застилал ячмень навозом. Пахал под овес. Допахал пары в поле. Пахал в огороде гряды. Возил навоз» [1, с. 302–304].

И.Г. Глотов в период с 7 по 30 мая 1923 г. пишет о следующих видах выполняемых работ: «...выпустили коров, досеял полосу... поборонил. Развозил навоз... Заорал клин. Посадили в огороде перед окнами картошку и лук...» [7, с. 127–130].

В период с 8 апреля по 14 июня 1933 г. в своем дневнике П.Т. Ананьин перечисляет следующие виды работ: «Начали сеять овес. Спустили овец один раз. Марья бороновала сеяной овес в дал(ьнем) поли. Митька переаривал овес. Коров выпустили. Марья возила навоз на ра(с)адники. Хозяйка валила под лен. Хозяйка садила лук и заперала огороду около рас(с)адн(иков). Марья и хозяйка бороновала и гладили репу. Митька пахал под лен... Митька пахал картошку, бабы обои слали навос. Митька пахал парнину..., а потом загребали гряды и садили брюкву» [8, с. 34–37].

После окончания земледельческого сезона работы у крестьян не стало меньше, И.Г. Глотов и А.А. Замараев пишут в дневниках о следующих видах работ: возили «кормину», плотничали, занимались починкой различного инвентаря, женщины пряли и ткали. В дневнике П.Т. Ананьина многократно упоминается лов рыбы, что он тесал доски, делал посуду. Митька работал в смолокурке.

Таким образом, со страниц дневников, из первых уст, мы узнаем о тяжелом крестьянском труде. Рассмотренные дневники позволяют нам выявить некоторые особенности крестьянской повседневности на Европейском Севере России. Читая эти источники, мы можем говорить, что, несмотря на смену общественного строя, на вступление в колхоз, крестьяне продолжают на протяжении указанного времени заниматься привычным трудом.

Литература

1. Дневник тотемского крестьянина А. А. Замараева 1906–1922 годы // Тотьма : Краеведческий альманах. – Вологда : ВГПУ, 1997. – Вып. 2. – С. 243–517.
2. Жукова, В. С. Повседневная жизнь крестьян Европейского Севера России в первой половине 1930-х гг. (на материалах дневника П.Г. Ананьина) / В. С. Жукова // Историки. Поколения. Взгляды. Материалы всероссийской научной конференции. – Вологда : ВоГУ, 2018. – С. 177–182.
3. Жукова, В. С. Трансформация повседневной жизни деревни 1906–1970-х гг. (по материалам дневников и воспоминаний) / В. С. Жукова // Историческая русистика в XXI-м веке. – Будапешт : Russica Pannonicana, 2017. – С. 379–385.
4. Жукова, В. С. Трудовая повседневность в годы Первой мировой войны по материалам дневником и воспоминаний крестьян Европейского Севера России / В. С. Жукова // Петрозаводск : Кижский Государственный Историко-Архитектурный и Этнографический Музей-Заповедник, 2015. – С. 41–43.
5. Ильина, О. В. Повседневность сельской семьи Европейского Севера России в 1941–1945 гг. / О. В. Ильина // Некрасовские чтения: Материалы III Всероссийской научной конференции. – Вологда : ВоГУ, 2017. – С. 124–127.
6. Ильина, О. В. Трудовая повседневность крестьянства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Европейского Севера России) / О. В. Ильина // Повседневность в российской провинции XIX–XX вв. : материалы Всероссийской научной конференции. – Пермь : ПГГПУ, 2013. – Ч. 1. – С. 184–189.
7. На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области 1915–1931 годы. – Москва : КМЦПЭ Института этнологии и антропологии РАН : Вельский районный краеведческий музей, 1997. – 324 с.
8. Текст дневника П. Т. Ананьина // Кижский вестник. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2013. – Вып. 14. – С. 17–149.

**ЧИТАТЕЛЬСКИЙ ИНТЕРЕС К ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА
«ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЕМ К ПИСАТЕЛЮ)¹**

Кушнерева Ксения Владимировна
Магистрант
Вологодский государственный университет
Вологда, Россия
k.v.kushnerova@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается проблематика остродискуссионной повести «Привычное дело» писателя-деревенщика В.И. Белова. Исследуются вопросы цензуры, отзывы читателей и формирование общественного мнения касательно фигуры литератора и его творчества. Анализируется интерес читателей к повести через письма к писателю.

Ключевые слова: культура; художественная литература; писатель; деревенская проза; В.И. Белов.

**READERS INTEREST IN THE NOVEL BY V. I. BELOV
«THE USUAL THING» (BASED ON LETTERS TO THE WRITER)**

Kushnerova Ksenia Vladimirovna
Master student
Vologda State University
Vologda, Russia
k.v.kushnerova@yandex.ru

Abstract. The article Deals with the problems of the ostrodiscussion novel «The usual thing» by the writer-villager V.I. Belov. Questions of censorship, reviews of readers and formation of public opinion concerning the figure of the writer and his creativity are investigated. The interest of readers to the story through letters to the writer is analyzed.

Keywords: culture; fiction; writer; rural prose; V. I. Belov.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ, проект МК-2952.2018.6 «Писательская среда Русского Севера в контексте советской действительности середины – второй половины XX в.: проявления уровней общественного самосознания».

Василий Иванович Белов (23.10.1932 – 04.12.2012) – известный русский писатель-вологжанин, один из представителей направления в литературе под названием «деревенская проза». Проходил обучение с 1959 по 1964 г. в Литературном институте им. М. Горького. В 1962 г. был принят в Союз писателей по рекомендации поэта А.Я. Яшина [1, с. 111–112].

Ярким литературно-общественным событием середины XX в. стало издание повести «Привычное дело». Ведущая тематика публикации – потеря человеком земли, крестьянином, традиционных, бытийных основ жизни, влекущая за собой трагические для него последствия [1, с. 113].

Произведение «Привычное дело» показывало быт села 1950–1960-х гг. наиболее прямолинейно, очерчивая круг назревших проблем города и деревни. Нельзя не отметить роль главного редактора журнала «Север» Д.Я. Гусарова, который поспособствовал публикации Василия Ивановича, применив некоторые маскировочные действия, чтобы повесть прошла цензуру. Прежде всего, одним из таких маневров являлся перенос действия из 1960-х гг. в 1950-е гг. Этот шаг был продиктован исторической обстановкой: в период «оттепели» разрешалось критиковать сталинский период [1, с. 114]. «Привычное дело» стало визитной карточкой прозаика, критики отмечали, что повесть – одно из значительных явлений в литературе, посвященной деревне [1, с. 115].

В свете вышесказанного целесообразным будет обратиться к письмам читателей. Наличие отзывов демонстрирует повышенный интерес населения нашей страны к проблемам села.

Почитатели таланта выражали благодарность писателю за его обращение к такой сложной и многогранной проблеме, как исчезновение русской деревни. Так, в ноябре 1988 г. в редакцию журнала «Новый мир» пришло письмо от Н.Я. Серовой, в котором она сообщала: «Все наши проблемы сплетены в единый клубок и привязаны к единому месту: русской деревне. У нас очень много говорят (а еще больше – вопят) о перестройке, но до сих пор еще очень немногие видят, в чем суть медленного решения проблемы. Без рабочего и интеллигента земля может обойтись, без крестьянина – нет. Более ста лет бешено спорят интеллигенты и не могут договориться, и тем не менее, пытаются кроить народ по своему образу и подобию, чтобы, видимо, и тот истощался в спорах. Очень я благодарна В. Белову» [2, л. 11].

Подтверждает интерес к повести и переписка писателя с переводчицами. Так, Иваненко Тамара Прокофьевна – переводчица из Киева в 1983 г. писала: «Буду переводить на украинский язык ваш сборник» [3, л. 2]. А. Чойжилжав – переводчик из Монголии в 1987 г. утверждал: «Наше государственное издательство МНР просило меня, о переводе ваших замечательных повестей и рассказов на монгольский язык» [3, л. 3]. Из Ташкента в 1988 г. пришло письмо от переводчика с таким содержанием: «Пишет вам

один из поклонников Вашего таланта. Последние годы я внимательно слежу за Вашим творчеством и перевожу на узбекский язык. Сейчас мною завершен перевод «Привычного дела», получается вроде неплохо» [3, л. 5].

Важно отметить тот факт, что читатели сами замечали, что повесть В.И. Белова невероятно популярна, и неоднократно в своих письмах упоминали о том, что книгу невозможно найти в библиотеках, она все время «на руках». Ольга Хасанова, соискатель на кандидатскую степень по филологии, в своем письме отмечала: «Ваша повесть «Привычное дело», напечатанная впервые в «Севере», стала, говорят, библиографической редкостью» [4, л. 4].

Наряду с положительными, восхищенными отзывами, имелись и эмоционально отрицательные. Главный редактор «Севера» сохранил письмо с негативным суждением о повести. Читатель А. Лазурин уловил все авторские и редакторские «хитрости» и обозначил повесть как «черную птицу, «пьяную тираду». Он писал: «Пагубная сила повести заключается в том, что в ней много правды. Но какой правды – самой низкой, не дающей ничего не уму не сердцу. Надо же набраться природы на протяжении всего повествования нашептывать беспросветную тоску и безысходность. Конечно, на такую правду найдутся единомышленники. И ни одного светлого пятна. Тут, пожалуй, и в самом деле запьешь и одуреешь. Что же вы предлагаете, что изменить, как сделать. У вас ничего подобного нет. Выходит, отзвонил с колокольни домой, а там, там богатый гонорар, дача, собственная машина. А нам, читателям, вы что дали. Опустошить душу читателя, вселить в нее нить, неуверенность, растравить ядом мнимой правды и все» [5, с. 183–184]. Возможно, данный негативный отзыв связан с тем, что он был горожанином и был далек от проблем села. Сейчас достоверно точно это установить не представляется возможным, но факт негативного суждения имеет место быть. Следовательно, данный отзыв свидетельствует о том, что повесть не была принята читателями лишь положительно, отзывы на нее носят полярный характер, показывая неоднозначность мнения.

Но все-таки положительных отзывов, оценок, откликов было больше. Соратник В.И. Белова по «деревенскому направлению» в советской литературе Ф.А. Абрамов, выражая некую общую точку зрения, писал: «“Привычное дело” приняли все: и «либералы», и «консерваторы», и «лирики», и «физики», и даже те, кто терпеть не мог деревню ни в литературе, ни в жизни» [6, с. 7].

Подводя итог стоит отметить что, читательский интерес свидетельствует о факте привлечения внимания общественности к бытности деревни, населению «открылись глаза» на все проблемы, которые сознательно укрывались властью на протяжении нескольких десятилетий.

Литература

1. *Столетова, А. С.* Русская деревня в жизни и творчестве В.И. Белова в 1960-е гг. / А. С. Столетова // Вопросы истории. – 2018. – № 12. – С. 111–119.
2. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. 5134. – Оп. 1. – Д. 609.
3. ГАВО. – Ф. 5134. – Оп. 1. – Д. 382.
4. ГАВО. – Ф. 5134. – Оп. 1. – Д. 383.
5. *Тимошкина, О. С.* «Василию Белову передайте...» / О. С. Тимошкина // Север. – 2000. – № 5–6. – С. 183–184.
6. *Розанов, Ю. В.* Повесть В. И. Белова «Привычное дело» в зеркале литературной критики 1966 – начала 1967 года / Ю. В. Розанов // Литература в школе. – 2017. – № 9. – С. 7–11.

УДК 069

МУЗЕЕФИКАЦИЯ НАСЛЕДИЯ ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ С.М. КИРОВА

Цэруш Ирина Николаевна

Студент

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

ivolkovaaa@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается история создания и этапы функционирования Дворца культуры имени С.М. Кирова и вопросы музеефикации на современном этапе. Констатируется современное состояние памятника как аварийное и конкретизируется проблема определения зоны охраны объекта культурного наследия в связи с пятном современной застройки. Аргументируется вариант частичной музеефикации. Пространство Дворца культуры в таком случае может служить в качестве места для артикуляции актуальных вопросов, выдвинутых местными жителями, таким образом, вовлекает их в процесс сотворчества. Предлагается превратить выставочное пространство в новое место притяжения сообщества.

Ключевые слова: дворец культуры; музеефикация; охрана объектов культурного наследия; сотворчество.

THE MUSEUMIFICATION OF THE HERITAGE OF THE PALACE OF CULTURE NAMED AFTER S.M. KIROV

Tserush Irina Nikolaevna

Student

Saint-Petersburg State University

Saint-Petersburg, Russia

ivolkovaaa@gmail.com

Abstract. The article represents the history of creation and the stages of the functioning of the Palace of Culture named after S.M. Kirov and lays out the issues of museumification at the present stage. The current state of the monument is ascertained as emergency and the problem of defining the protection zone of the cultural heritage object in connection with the spot of modern buildings is specified. The option of partial museumification is argued in favor of. The space of the Palace of Culture in this case can serve as a place for articulation of urgent issues raised by local residents, thus involving them in the co-creation process. It is proposed to turn the exhibition space into a new place of attraction for the community.

Keywords: the palace of culture; museumification; cultural heritage protection; co-creation.

Василеостровский дворец культуры в Ленинграде проектировался на месте Смоленского поля на Васильевском острове: своеобразном пустыре, некогда существовавшем в XIX в. между регулярными улицами «линиями» и Гаванью. В близлежащем районе Чекуши на тот момент была в основном индустриальная застройка, и эту территорию в 1920–1930-е гг. планировали упорядочить через строительство зданий в стилистике конструктивизма. Дворец культуры задумывался как самый крупный в стране: с двумя театральными залами на четыре тысячи мест, кинотеатром, библиотекой, читальней, лекционными и спортивными залами, обсерваторией, радиоузлом и фабрикой-кухней [1, с. 232–234]. От значительного количества идей отказались уже после утверждения проекта, а при строительстве отошли в сторону неоклассицизма, поэтому мы наблюдаем двойственную стилистику здания. Несмотря на отход от проекта, Дворец стал доминантой сформированного района, в который люди приходили после работы [2, с. 282–285].

Период Великой Отечественной войны и Блокады был непростым для Дворца культуры им. Кирова. С первого же дня войны эвакогоспиталь занял все здание, и весь инвентарь, имущество и оснащение дворца было также предоставлено для нужд госпиталя. Здание пострадало от артобстрелов, а также в январе 1942 г. во Дворце было три больших пожара. Огромная площадь кровли пострадала от осколков снарядов и зажигательных бомб. Общую сумму ущерба тогда оценили в 6 707 747 рублей [3, с. 3–4].

После снятия блокады трудящиеся Свердловского района (который существовал на Васильевском острове в 1936–1961 гг.) стали восстанавливать Дворец. В частности, была проделана большая работа по наведению порядка в библиотеке. В 1945 г. в библиотеке было уже 70 000 экземпляров книг с большим выбором политической, технической, художественной литературы и литературы на западноевропейских языках. Средняя посещаемость библиотеки была 130 человек в день. Восстановленный к 1 декабря зрительный зал мог вместить 1147 человек, и его средняя посещаемость была 596 человек в день. Больше всего человек посещало танцы: к 1 мая 1945 г. восстановили мраморный зал. Среднедневное посещение его составляло 890 человек [3, с. 8–9].

В послевоенный период наблюдается расцвет ДК им. Кирова. В связи с этим представляется неслучайной деятельность ДК по культшефству над учреждениями Винницкого района Ленинградской области.

На основании архивных данных мы можем свидетельствовать о масштабе деятельности ДК: к примеру, в 1976 г. взрослая библиотека уже насчитывала 190 345 книг, а детская – 60 919 книг [4, с. 5]. В 1980-е гг. важной задачей для Дворца становится политико-воспитательная и культурно-массовая работа на предприятиях и в организациях района. Проводилась антиалкогольная пропаганда, в том числе в общежитиях, техникумах, строительно-транспортных организациях, поощрялась самостоятельная инициатива, проводились разнообразные формы патриотической работы в клубах [5, с. 4–7]. Мы можем заключить, что советский этап функционирования Дворца был «золотым веком» для него, и в коллективной памяти наблюдаются ностальгические воспоминания по этому поводу. Имеются семейные (неофициальные) коллекции, которые содержат материальные свидетельства об истории Дворца.

Острым вопросом для ДК является проект музеефикации в связи с современным состоянием памятника. Подчеркивает важность музеефикации уникальная архитектура «перетекающего пространства» [6, с. 3–4], в котором важно сохранить логику ансамбля, и факт того, что строительство происходило вручную, без подъемных кранов. Проблемно также определить зону охраны объекта культурного наследия, т.к. на данной территории наблюдается пятно современной застройки.

Что касается вопроса туристической привлекательности, то здесь надо отметить тот факт, что информация про исторический район вокруг ДК им. Кирова не актуализирована, в связи с этим туристов данный район не привлекает. Здесь важно учитывать и другой фактор. Отношение к авангардному архитектурному наследию, которое существует в данном районе, не вполне сформировано, как и отношение к системе дворцов и домов культуры, большая часть которых претерпевает состояние упадка, гибели и уничтожения.

Наследие необходимо частично музеефицировать в форме учреждения музея в здании ДК им. Кирова, при этом доминирующую роль могли бы сохранять учреждения, способные выполнять изначальные функции здания. Открытое пространство библиотечной части здания подходит для постоянной экспозиции и временных выставок проектируемого музея. Это может быть музей исторического профиля, повествующий об истории ДК им. Кирова, его архитектуре и истории повседневности. Важную роль в пополнении фонда такого музея и создании экспозиции должны принять сами василеостровцы, готовые поделиться своими воспоминаниями о посещении ДК им. Кирова, а также имеющие объекты материального наследия, связанные с Дворцом. Таким образом, это может быть музей локального сообщества, место сотворчества василеостровцев, а значит, новый центр притяжения для жителей.

Таким образом, возрождение функций ДК в том масштабе, который был присущ в период расцвета, может сравниться с идеей культурного центра, столь популярного в последние десятилетия. Для выставок подходит историко-бытовой и художественный профиль: это история неофициального искусства, экспонировавшегося в ДК им. Кирова, история застройки района, изменения идеологии организации быта, история повседневности, и места личности и линии ее творчества в условиях тоталитарного режима. Важной формой актуализации наследия Дворца культуры им. Кирова могли бы стать экскурсии, проводимые по историческому району Чекуши, который совпадает с пятном индустриальной застройки, а также экскурсии истории Смоленского поля. Возрождение деятельности ДК в полном объеме и создание там музея могло бы способствовать изменению общественной жизни на Васильевском острове.

Литература

1. *Первушина, Е. В.* Ленинградская утопия. Авангард в архитектуре Северной столицы / Е. В. Первушина. – Москва : Центрполиграф, 2012. – 382, [2] с.
2. *Кириков, Б. М.* Архитектура ленинградского авангарда. Путеводитель / Б. М. Кириков, М. С. Штиглиц. – Санкт-Петербург : Коло, 2018. – 312 с.
3. ЦГА СПб. Ф. 9023. Оп. 1. Д. 347.
4. ЦГА СПб. Ф. 1853 Оп. 42 Д. 21
5. ЦГА СПб. Ф. 47. Оп. 6. Д. 826.
6. *Дубровина, Н. П.* Дворец культуры им. С. М. Кирова в Санкт-Петербурге: история развития территории, строительная история здания / Н. П. Дубровина // Инновационный потенциал развития науки в современном мире: достижения и инновации : сборник трудов конф. – Уфа, 2019. – С. 162–167.

СУДЬБА ЛИДЕРОВ БАКСАНСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА

Психомахова Аминат Рашидовна

*Кандидат исторических наук, преподаватель
Государственное бюджетное профессиональное образовательное
учреждение Департамента здравоохранения города Москвы
«Медицинский колледж № 5»
Москва, Россия
amina@lianet.ru*

Аннотация. Статья анализирует трагическую судьбу лидеров баксанского центра Н. Цагова и А. Дымова. Освещает основные этапы становления просветителей. Н. Цагов выступал за введение родной письменности. А. Дымов составил азбуку родного языка на арабской графической основе.

Ключевые слова: родной язык; обучение; просвещение; репрессия; письменность; общество.

THE FATE OF THE LEADERS OF THE BAKSAN EDUCATIONAL CENTER

Psychomachia Aminat Rashidovna

*Candidate of Historical Sciences, Professor
State budgetary professional educational institution
Of the Department of health of the city of Moscow
«Medical College No. 5»
Moscow, Russia
amina@lianet.ru*

Abstract. The article analyzes the tragic fate of the leaders of the Baksan center N. Tsagov and A. Dymov. Highlights the main stages of formation of educators. N. tsagov advocated the introduction of native writing. A. Dymov made the alphabet of the native language on the Arabic graphic basis.

Keywords: native language; education; education; repression; writing; society.

Судьба лидеров баксанского центра весьма трагична, даже несмотря на заслуги перед обществом и народом в развитии литературы, фольклора, печати, книгоиздательской деятельности. Огонь репрессий коснулся многих преданных своему народу, выдающих и талантливых деятелей просвещения. Одним из таких видных деятелей был Нури Цагов. Родился он в Тур-

ции, куда в результате обмана и шантажа переселили его родителей. Когда ему исполнилось 6 лет, он лишился родительской опеки. Его воспитанием занялся дядя Екуб – генерал турецкой армии. Н. Цагов успешно окончил юридический факультет Стамбульского университета, активно включился в просветительскую работу. В 1909 г. вместе с группой сторонников приступил к замене турецко-арабской письменности, приспособивая ее к нарезанию горских кавказских народностей. Используя новой алфавит выпускали газету «Гуаза» («Руководитель», «Вожатый»), букварь, географию и арифметику. Будучи редактором газеты, старался не освещать вопросы политики, а делал акцент просветительской деятельности [1]. В 1909 г. Н. Цагов издал кабардинский букварь на арабской графической основе, по которому дети изучали кабардинский язык [2, с. 422].

С самого начала своей работы поддерживал связь с Черкесским благотворительным обществом в Стамбуле, а также с университетом аль-Азхар в Стамбуле. В 1911 г. Н. Цагов стал инициативным деятелем «Черкесского благотворительного общества», созданного черкесами, проживающими в Турции. Во главе общества стояли командующий турецкой армией Изет-паша Мет и Екуб Цагов, которые в 1911 г. основали газету «Гъуазэ». Вначале Н. Цагов был секретарем, а затем редактором первой адыгской газеты, выходявшей с 1911 по 1917 гг. Он выступал за введение родной письменности. В статье «Не пора ли нам проснуться?» Нури призывает черкесов к активной общественной деятельности, к развитию самосознания. В статье «К адыгам на нашей родине» он подвергает критике тех деятелей, наподобие Женьюкова, которые хотят погубить народ, переписав его в Турцию. Н. Цагов возвращается в статьях к вопросу о роли России и Турции в судьбе адыгов. Он отдает предпочтение России [3]. В 1919 г. Н. Цагов был приглашен в Нальчик на должность редактора газеты «Адыге» («Кабардинец») на кабардинском языке. На русском языке эту газету редактировал Таусултан Шеретлоков. Вскоре Нури стал преподавателем кабардинского языка Ленинского учебного городка. Вступил в члены ВКП(б) в 1930 г. и перевел учебник Н.С. Попова по арифметике на кабардинский язык. До ареста был исключен из рядов ВКП(б) и снят с работы как активист белогвардеец. Уже 13 марта 1935 г. уполномоченный особого отдела НКВД Озроков принял решение о прекращении дела в отношении Н. Цагова в связи с тем, что не удалось собрать доказательств, подтверждающих подозрения.

В канун нового года Нури получил извещение о необходимости явки на совещание в Нальчик. Он очень рано утром 31 декабря 1935 г. вышел из дома и пошел пешком до Чегема-1. Там ему встретилась грузовая машина «полупортка», которая везла в кузове шесть его студентов. Они стали уговаривать учителя поехать с ними, но Н. Цагов отказывался, боясь простуды, однако студенты предложили накрыть его буркой, и он согласился. На повороте обледенелой дороги за Чегемом-1 машина перевернулась. Шестерых студентов отбросило в сторону, а Н. Цагов в результате черепно-мозговой

травмы скончался два часа спустя в местной больнице [1, с. 90]. Реабилитирован 1 марта 2004 г. прокуратурой КБАССР [4].

Большую финансовую помощь ему оказывали братья Дымовы. Их семья славилась работоспособностью, имела большое хозяйство, пользовалась доверием у сограждан. Адам Гафарович Дымов учился в Каирском университете. Пребывание за границей имело для него большое значение. Он приобщился к восточной культуре. По возвращению из Турции продолжал активную деятельность по развитию образования. По возвращению на родину с дипломом магистра наук А. Дымов реализует свою давнюю мечту. Он открыл бесплатную школу для сельской бедноты. На свои сбережения приобрел канцелярские принадлежности, выписал учебники из Каира, закупил мебель и оборудовал учебную комнату. Школа набрала группу из 23 человек в возрасте от 12 до 15 лет. Продолжительное время А. Дымов оставался единственным учителем в своей школе, он преподавал, наряду с естественными науками, историю адыгов и кабардинский язык, ежедневно проводил чтение Корана [5]. Заслугой А. Дымова являются его педагогические приемы, направленные на обучение детей наукам на родном языке [6]. В дымовском медресе курсы арифметики и географии изучали по учебникам Н. Цагова «Хьисаб тхьльгъ» («Книга счета») и «Жеогграфия» («География»), которые, как и «Азбука», попали в Кабарду еще до возвращения Н. Цагова из Турции. В 1913 г. А. Дымов составил азбуку родного языка на арабской графической основе и издал ее в городе Темир-хан-Шуре, здесь же на созданном им алфавите были напечатаны его книги для чтения «Ключ к детям» и «Рассказ для женщин». Свою новую азбуку он пытался ввести для обучения родному языку в сельских школах Кабарды, в частности, он раздал экземпляры своего «Алиф-бей» слушателям Баксанской духовной семинарии, но эта попытка не имела успеха. В 1913 г. к А. Дымову присоединился Н. Цагов. Для расширения знаний соотечественников А. Дымов устраивал в Каирский университет А. Тамбиева, М. Дымова, И. Тлигурова, Х. Хоконова. Опубликовал в Египте книгу «Иэдэбиат» («Воспитание»), перевел исторические книги, сказания и предания разных народов.

События, происходящие в России 1917 г., повлияли на его выбор заняться журналистикой, чтобы помочь своим соотечественникам в возможности получать информацию о событиях, происходящих в стране. Величайшей заслугой А. Дымова являлось создание типографии и издание осенью 1917 г. первой газеты на кабардинском языке «Адыге макъ» («Адыгский голос»), выходивший два раза в неделю. Дымовы, мечтавшие о создании своей типографии, приобрели в Казани типографский станок, впоследствии привезенный в Баксан. Это было для того времени большим событием в культурной жизни Кабарды. Люди с интересом шли смотреть типографскую машину братьев Дымовых. Наряду с политическими здесь печатались религиозные, бытовые, историко-этнографические, фольклор-

ные и литературно-художественные материалы. В газете появлялись литературные произведения, одухотворенные идеалами народного просвещения и рыцарского поведения в жизни. Появление в Баксане типографии было событием огромной исторической важности. Типография братьев Дымовых положила начало книгопечатанию в Кабарде, в ней было выпущено около 20 книг, в том числе книги А. Дымова «Воспитание характера», «Доброе слово», «Подарок детям» и другие. У Дымова трое сыновей: Мухамед – погиб в 1942 г. в битве под Москвой, Сулейман и Осман, и дочери Зейнаб и Раиса. Несмотря на множество верных друзей и соратников, нашлись и недруги. По обвинению в участии в баксанских волнениях 1928 г. он был арестован и сослан на 3 года на Соловки. В 1933 г., после отбытия срока, он вернулся на родину. Затем в ночь с 30 на 31 октября 1937 г., Адам снова был арестован и 27 ноября был расстрелян. Реабилитирован А. Дымов 19 декабря 1956 г. Постановлением Верховного Суда КАССР за отсутствием состава преступления [7].

В течение жизни Н. Цагова и А. Дымова были взлеты и падения. В результате необоснованных репрессий труды и личный архив были уничтожены, имена великих просветителей были преданы забвению. Спустя годы были реабилитированы посмертно с отметкой «за недоказанностью предьявленного обвинения» или «отсутствие состава преступления».

Литература

1. Хакушева, М. А. Новые сведения к биографии Нури Цагова / М. А. Хакушева // Национальные культуры в современном мире. Литература. Фольклор. (По материалам Международной научной конференции 22–26 октября 2003 г., Республика Абхазия, г. Сухум). – Москва ; Сухум : АБИГИ, 2011. – С. 89.

2. История Кабардино-Балкарской АССР. – Москва : Наука, 1967. – Т. 1. – 482 с.

3. Налоев, З. М. Из истории культуры адыгов / З. М. Налоев. – Нальчик : Эльбрус, 1978. – 192 с.

4. Рачинский, Я. З. Жертвы политического террора в СССР / Я. З. Рачинский. – URL: <http://lists.memo.ru/index23.htm> (дата обращения: 12.10.19). – Текст : электронный.

5. Ошнокова, Ф. Ш. Дымов Адам-педагог, первопечатник и журналист / Ф. Ш. Ошнокова // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. – 2003. – Вып. 10. – С. 288.

6. Адаб баксанского культурного движения : [сборник] / Кабардино-Балкарии НИИ истории, филологии и экономики при Совете Министров КБАССР ; разыскал, исследовал и подготовил к печати З. М. Налоев. – Нальчик : Эльбрус, 1991. – 439 с.

7. Рачинский, Я. З. Жертвы политического террора в СССР / Я. З. Рачинский. – URL: <http://lists.memo.ru/index5.htm> (дата обращения: 12.10.19). – Текст : электронный.

[350р.]

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ
IV ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«НЕКРАСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

*памяти доктора исторических наук,
профессора Юрия Клавдиевича Некрасова
(1935–2006)*

5–6 декабря 2019 года

Подписано в печать 18.03.2020. Формат 60x84/16
Усл. печ. л. 16,75. Уч.-изд. л. 15,8. Тираж 300 экз. (1-й з-д 1–81). Заказ № 110

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»
160000, г. Вологда, ул. Ленина, 15

Отпечатано: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
(ФГБУН ВолНИЦ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Тел.: 59-78-03, e-mail: common@vscc.ac.ru

24.09.2020 Форм. Н. КМ.
12.04.2021 Форм. "РМ"
14.12.2022 ОЗР КМ."

*Доктор исторических наук,
профессор Ю.К. Некрасов
(1935–2006)*